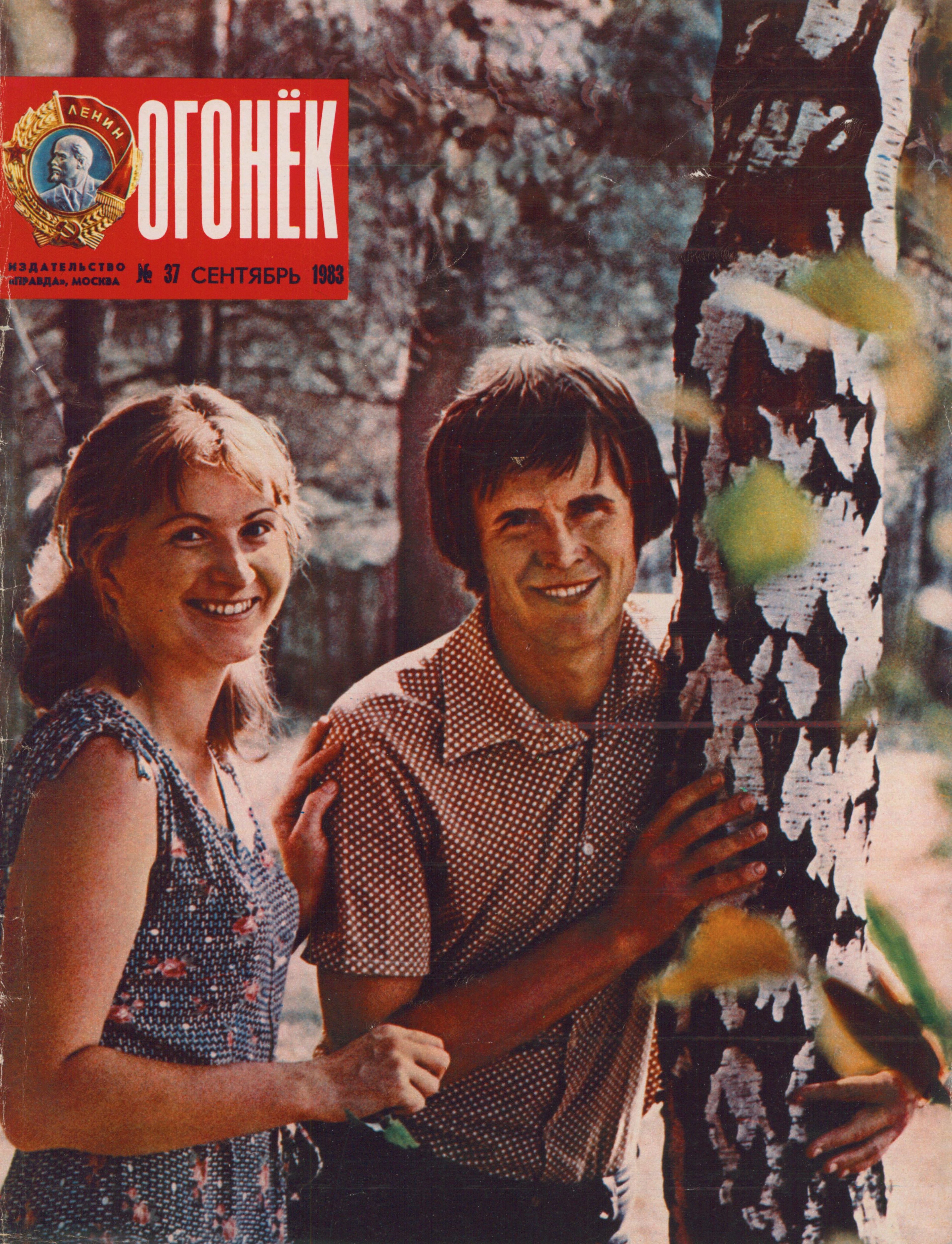


ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 37 СЕНТЯБРЬ 1983



УРОК МИРА



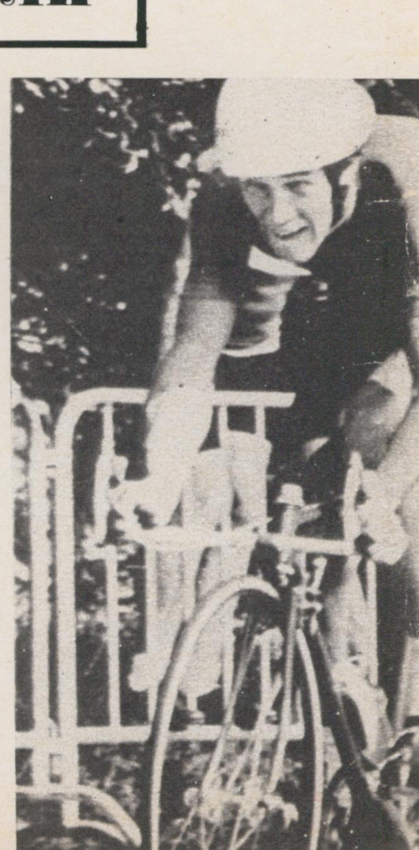


У этих первоклашек, что первый раз в жизни услышали трель школьного звонка и первый раз в жизни сели за парты, был необычным первый урок. Урок, который, смеем надеяться, задаст им тон и программу всей жизни. Речь идет об уроке Мира, прошедшем во всех школах страны, в том числе и в 20-й Краснопресненского района Москвы, где сделаны эти снимки. О чем говорил с мальчишками и девчонками на уроке мира народный учитель СССР Антон Петрович Полехин? Что хотел растолковать маленьким, начинающим жить людям взрослый, мудрый человек? Он рассказывал им вещи простые и ясные,— что нет лучшего блага у человека, чем теплое солнце в мирном небе, чем папы и мамы рядом, чем кино и мороженое, игра в классики и футбол...

И все это возможно тогда, когда люди живут просто и мудро: работают, дружат, делают все, чтобы на земле стало жить еще лучше,— а не воюют. Рассказал Антон Петрович и о том, что много, очень много делает для мира на земле страна, в которой они живут. И что в будущем каждый из них должен, непременно должен стать активным борцом за мир и дружбу на земле. А для этого нужно хорошо учиться, набираться знаний и мудрости, против которых бессильно все злое и темное на планете.

П. АЛЕКСАНДРОВ

Фото М. Савина

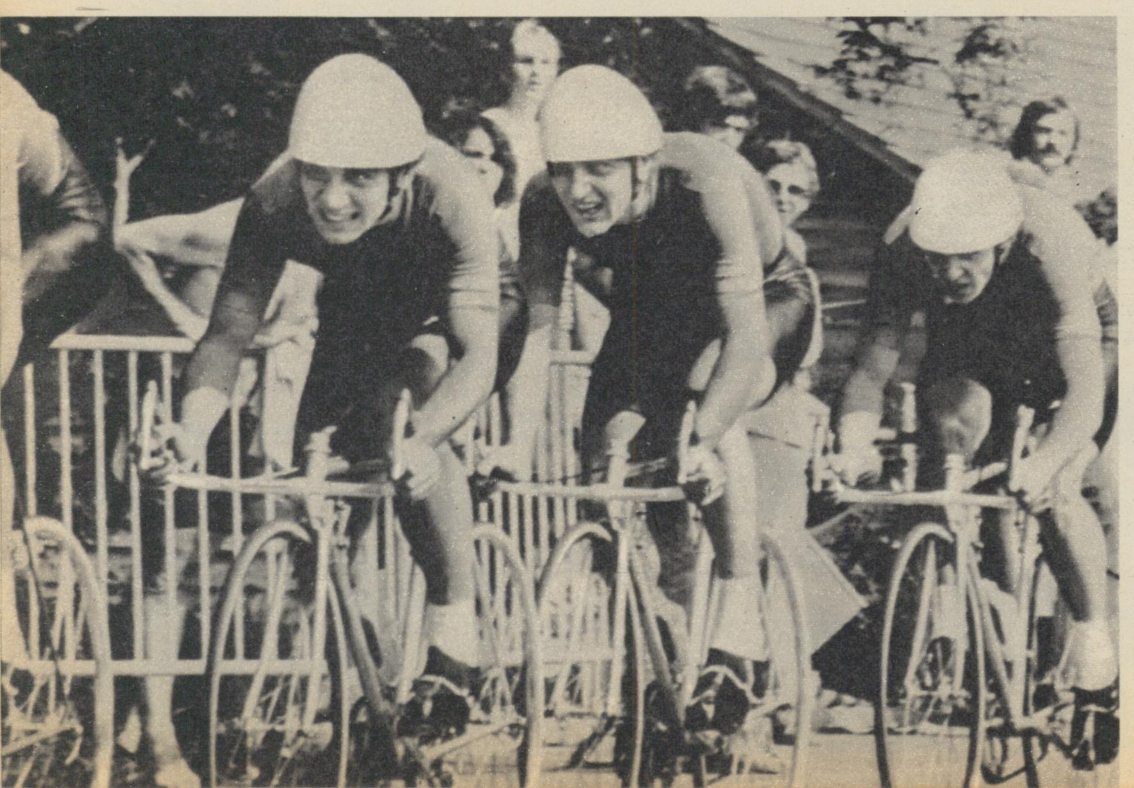


6 сентября открылась четвертая Московская международная книжная выставка-ярмарка.

Фото Дм. Бальтерманца

На чемпионате мира по велосипедному спорту в Швейцарии советские спортсмены Ю. Каширин, О. Чужда, С. Наволокин и А. Зиновьев завоевали золотые медали в командной гонке на 100 километров.

Фото ЮПИ — ТАСС



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!





ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

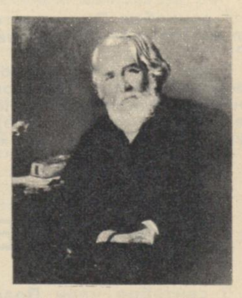
Основан 1 апреля 1923 года

№ 37 (2930)

10 СЕНТЯБРЯ 1983

В НОМЕРЕ:

«Жестоко обманулись те, кто рассчитывал, что Польша станет «троянским конем», с помощью которого удастся пробить брешь в содружестве социалистических стран».



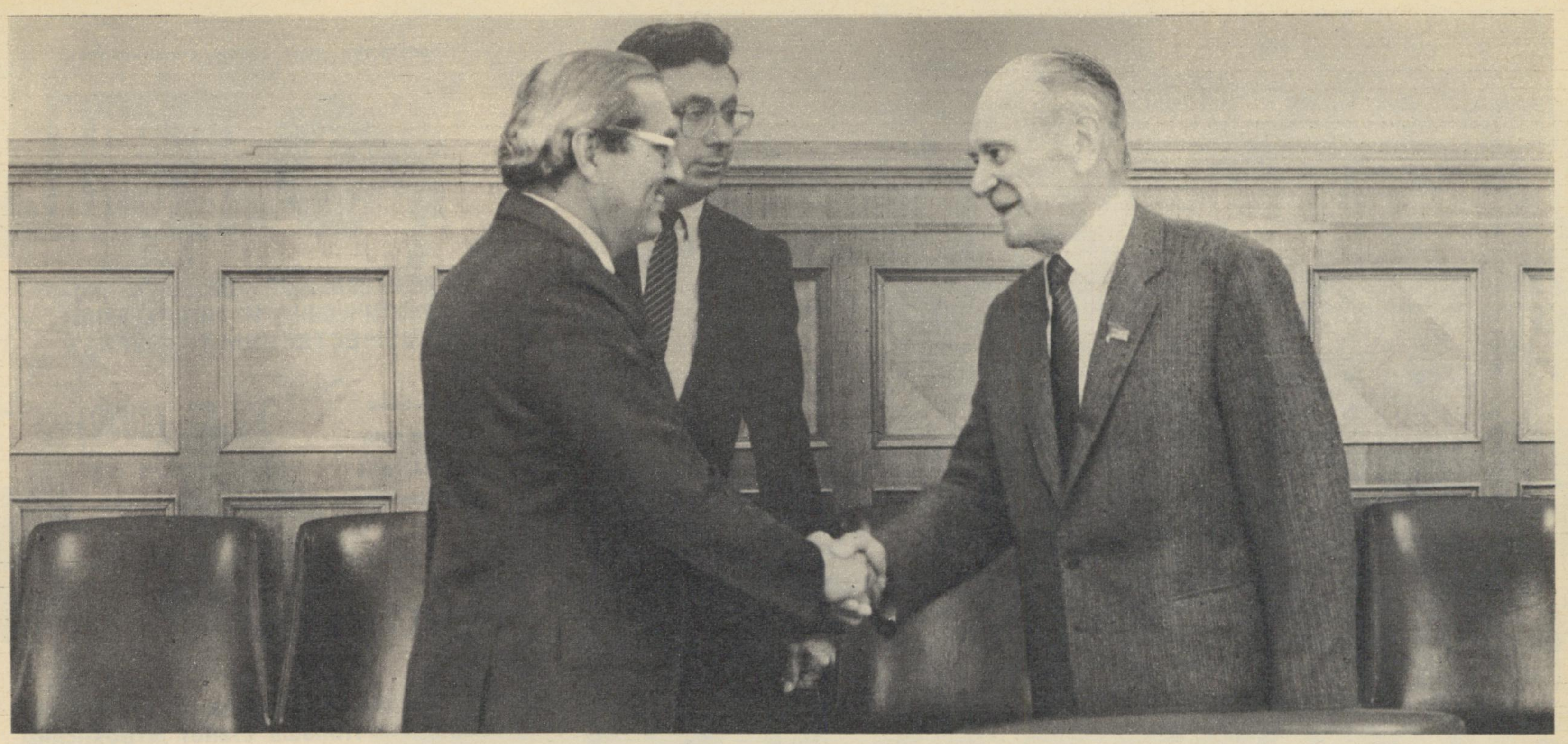
3 сентября исполнилось 100 лет со дня смерти И. С. Тургенева.

Проблемы советского тенниса в «Клубе на «Огонек» обсуждают тренеры, спортсмены, журналисты.

О буднях овощеводов столичной области

« Северный Йемен — страна контрастов и в географическом, и в климатическом, и в общественном смысле, страна трудной судьбы»

«Давайте же помнить о доброте, деликатности — вечно необходимых и дорогих качествах души».



Перед началом беседы. Фото В. Кошевого (ТАСС)

БЕСЕДА В КРЕМЛЕ

1 сентября Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов принял в Кремле находившегося в Москве президента федерального банка ФРГ К. О. Пеля.

В беседе были затронуты вопросы торгово-экономических связей между Советским Союзом и ФРГ и некоторые другие аспекты двусторонних отношений. Было отмечено, что равноправное и взаимовыгодное экономическое сотрудничество между государствами может облегчать поиск путей к нормализации международной обстановки. В то же время с советской стороны было подчеркнуто, что реализация планов размещения в Западной Европе, прежде всего на территории ФРГ, нового американского ядерного оружия средней дальности оказала бы негативное воздействие на советско-западногерманские отношения.

В беседе приняли участие председатель правления Госбанка СССР В. С. Алхимов и временный поверенный в делах ФРГ в Советском Союзе Х. Хубер.

В АТМОСФЕРЕ ДРУЖБЫ И ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

5 сентября член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко принял министра иностранных дел Индии П. В. Нарасимха Рао, прибывшего в Москву с кратким деловым визитом.

Между А. А. Громыко и П. В. Нарасимха Рао состоялись переговоры, в ходе которых в традиционной атмосфере дружбы и взаимопонимания были обсуждены актуальные международные проблемы, в частности связанные с предстоящей XXXVIII сессией Генеральной Ассамблеи ООН, а также некоторые вопросы двусторонних советско-индийских отношений.

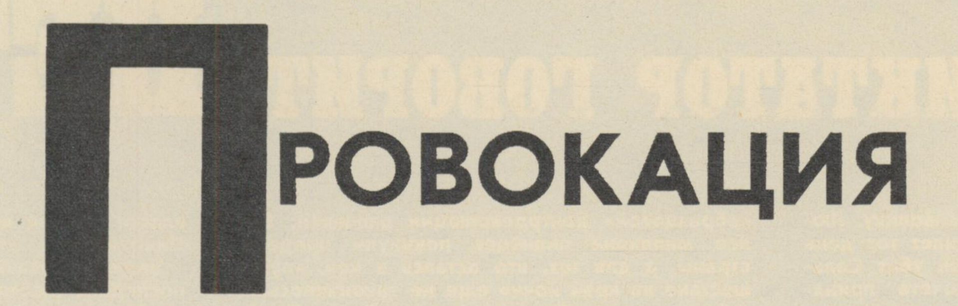
Стороны отметили, что в нынешней весьма сложной международной обстановке первоочередное значение приобретает дальнейшее развертывание борьбы за мир и международную безопасность, за устранение угрозы ядерной войны.

Министры вновь подтвердили общность или близость позиций СССР и Индии по основным международным вопросам, которые служат залогом дальнейшего укрепления советско-индийского политического сотрудничества в целях поддержания всеобщего мира и безопасности.

Стороны с удовлетворением отметили успешное развитие по восходящей линии советско-индийского сотрудничества в экономической, торговой, научно-технической и других областях. Это сотрудничество строится на плановой стабильной основе и нацелено на многолетнюю перспективу на благо народов обеих стран.

Во время переговоров. Фото В. Великжанина (ТАСС)





ПРОВОКАЦИЯ

Эскадрильи стратегических бомбардировщиков идут из США в сторону Советского Союза с грузом атомных бомб. Но они достигают лишь незримой черты — «сэйф лайн», «линии безопасности», поворачивают обратно, чтобы потом вновь устремиться «на Москву». Внезапно на борту одного из самолетов принят сигнал: «Пересечь «сэйф лайн», атаковать!» Искаженная информация, роковая ошибка. Ее пытаются исправить, обращаясь по радио к командиру корабля, его генерал, его жена, президент Соединенных Штатов. В мозгу летчика, одурманенного военным психозом: это «козни красных». Маньяк устремляется вперед...

Таков сюжет американского фильма «Сэйф фэйл», «Крах линии безопасности», который в 60-е годы заставил всерьез задуматься многих.

Сегодня в отличие от экранного «разумного президента», пытающегося предотвратить катастрофу, реальный хозяин Белого дома раздувает огонь провокации, который — без его ли ведома?! — запалили не менее реальные маньяки. Над «линией безопасности», куда более эфемерной, чем двадцать лет назад, нависла серьезная угроза.

В ночь с 31 августа на 1 сентября у побережья Камчатки в воздушное пространство СССР не на десятки — на сотни километров вторгается неизвестный самолет. Машина идет без бортовых огней, на радиосигналы не отвечает. Куда крадется самолет? Что несет на борту? Только шпионское оборудование или... На параллельном курсе оказывается еще одна чужая машина, «RS-135», военный разведывательный самолет США, который не впервые появляется у советских границ.

К неизвестному самолету устремляются советские истребители противовоздушной обороны. Их радиосигналы остаются без ответа. «Вышли из строя рации, в том числе и дублирующие?» — спросят позже не без иронии зарубежные военные специалисты. Но тогда как же объяснить устойчивую связь нарушителя с американскими военными радиостанциями в Японии и с японскими центрами, которые немедленно передавали информацию американцам? Как поддерживалась непрерывная связь с разведслужбами в самих США? Вспомним, что самые первые сообщения об инциденте из-за рубежа были сделаны со ссылками на данные ЦРУ. Именно от американских спецслужб и пойдут далее сомнительные расшифровки не менее сомнительных перехватов «разговоров между советскими летчиками», на которые президент Рейган сошлется как на «неоспоримое доказательство» «коварства русских».

На случай отказа радиосвязи существует международный визуальный сигнал «Следуй за мной». «Правила, установленные Международной организацией гражданской авиации,— напомнило агентство Франс пресс,— предусматривают, что в случае нарушения воздушного пространства какого-либо государства его истребители используют код: покачивая крыльями, они требуют приземления нарушителя в ближайшем аэропорту». «...Наш перехватчик,— подчеркнул начальник Главного штаба Войск ПВО, генерал-полковник С. Романов,— шел с зажженными огнями, которыми мигал экипажу нарушителя с тем, чтобы обратить его внимание на себя. Однако ни покачивание крыльями, ни мигание огнями не принесло нужного результата».

Упомянутые правила предусматривают и такую меру в отношении самолета-нарушителя, как открытие огня из штатного оружия самолета-перехватчика параллельно курсу полета нарушителя. Предупредительные выстрелы трассирующими снарядами были сделаны по курсу движения неизвестного самолета.

С быстротой, которая показала полную осведомленность обо всем провокационном полете, американские спецслужбы оповестили мир о гибели самолета «Боинг-747» с пассажирами на борту, принадлежавшего Южной Корее, а президент Рейган выступил с грубыми клеветническими обвинениями против Советского Союза. В потоке инсинуаций Белого дома нет ни одного убедительного факта, лишь призывы верить в то, что у президента и спецслужб имеются какие-то «бесспорные доказательства», а также истеричные заклинания «не доверять русским».

Расчет же организаторов полета «сбившегося с пути» южнокорейского лайнера, по-видимому, казался им беспроигрышным: или безнаказанный уход самолета со шпионским «уловом», собранным за два с половиной часа блужданий вдоль советского побережья с важными оборонительными объектами, или очередная волна антисоветской истерии под лицемерным предлогом «защиты гуманности».

Нацистская провокация — нападение переодетых в польскую форму фашистов на собственную немецкую радиостанцию в Гляйвице, послужившее предлогом для начала агрессии гитлеровцев против Польши 1 сентября 1939 года, представляется детской шалостью по сравнению с этим грязным делом.

Тупик, в который Рейган преднамеренно завел переговоры в Женеве, интервенция США в Ливане, военное вмешательство в Центральной Америке и в Чаде приводят к девальвации президентской риторики и к растущему во всем мире осуждению американской политики. Стремление безответственно играть судьбами мира, высокомерное убеждение во вседозволенности приводят к тому, что в США все меньше считаются с ценностью человеческой жизни. Поэтому акция с «заблудившимся» южнокорейским самолетом очень уж смахивает на хладнокровно рассчитанную провокацию, одну из практических реализаций так называемой публичной дипломатии Рейгана.

Михаил ПУЧКОВСКИЙ,
обозреватель АПН

КОМУ ЭТО ВЫГОДНО?

Стремясь оправдать гонку вооружений, свой милитаристский курс, США используют самые беззастенчивые средства — от бахвальства новейшим оружием до прямого вторжения в пределы суверенных государств, от поддержки расистских режимов до свержения неугодных правительств. Всюду, где рушится человеческое счастье, горят дома, льются слезы матерей и гибнут люди,— всюду приложил руку американский империализм. При этом он не устает провозглашать себя поборником мира, борцом за свободу и права человека. Этой же цели служит и последний инцидент, связанный с южнокорейским самолетом, который вторгся в пределы моей Родины.

Известно, что даже хороший актер не всегда способен стать хорошим режиссером. В данном случае Рейган оказался явно несостоятельным в режиссуре. Но это его не смущает. Главное для него — первым и громче всех прокричать о якобы советской угрозе и советском коварстве, о мнимом военном превосходстве Советского Союза, о несуществующем вмешательстве СССР в дела других государств, то есть обо всем, в чем грешен сам. Я хочу спросить вас, господин Рейган, кому выгодны эти ваши клеветнические измышления в связи с исчезновением южнокорейского самолета? Понимаю, ответить вам затруднительно, потому что выгодно это прежде всего вам, вашей политике нагнетания военного психоза, политике гонки вооружений, политике запугивания. Нас не запугать. Мы за мир не на словах, а на деле. В нашей стране принят закон, направленный против пропаганды войны. Есть ли такой закон, в вашей стране, господин Рейган? Его нет, потому что первым, кто бы пострадал от него, были бы вы. Мы за мир, потому что мы знаем, какое это горе — война. На войне погиб мой отец, и я не хочу, чтобы воевали мои дети и внуки. Мы за мир, но это не значит, что мы позволим нагло и безнаказанно нарушать наши границы.

Азербайжан МАМБЕТОВ, режиссер,
народный артист СССР

Алма-Ата.

ИСТЕРИЯ

Вот ведь как неймется недругам мира! Нынешние власти США во главе с президентом из кожи лезут вон, стараясь отравить международный климат. Им в тягость мир, который вот уже сорок лет царит на Земле. И они идут на любую провокацию. Вот и задумаешься: что делать, если на усадьбу заявился непрошеный гость, когда лезут в плодоносящий сад, да еще не спросясь?..

Похоже, что истерия стала самым современным оружием в стратегии сторонников «холодной войны». Слова, слова... Нелепые оправдания акции, призванной нарушить покой мирных будней. Мы у себя дома спокойны, нам надо управиться с урожаем, пока светит ясное, незимнее солнце. Никакая истерия не помешает нам жить своими заботами.

В. ЧЕРФАС,
Герой Социалистического Труда,
председатель колхоза имени
Крупской

Крымская область.

ПРОВОКАТОРАМ НЕ УЙТИ ОТ ОТВЕТА

Если какой-то человек тайно, под покровом ночи проникнет в чужой дом, вряд ли он вправе рассчитывать на гостеприимный прием со стороны хозяев. И если хозяева, защищаясь от непрошеного вторжения, примут соответствующие меры, они и с точки зрения здравого смысла и с точки зрения законов любой страны поступят совершенно справедливо. Спрашивается, на каком же основании американская администрация развернула по всему миру оголтелую антисоветскую кампанию, используя в качестве предлога исчезновение южнокорейского самолета, совершавшего в течение длительного времени провокационный полет над территорией СССР?

Обсуждая это происшествие с товарищами по бригаде, мы поражались выдержке советских воинов, стоящих на защите наших рубежей. Ведь не на метр — на 500 км. «отклонился» от установленной международной трассы непрошеный гость, и не минуту, а более двух часов находился он над полуостровом Камчатка, районом Охотского моря и над островом Сахалин.

И вот теперь средства массовой информации Запада, искажая истину, стремятся представить дело так, будто наша сторона повинна в гибели этого самолета.

Беспардонная клевета! И питают ее оголтелая антисоветская кампания, развернутая Белым домом и госдепартаментом США, пронизанные исступленной ненавистью и злобой к нашей стране выступления президента Рейгана.

В. ЦЕЛУЕВ, бригадир комсомольско-молодежной бригады слесарей-сборщиков имени 50-летия ВЛКСМ объединения «Электросила»

Ленинград.

Диктатор говорит «НЕТ»

«...Латиноамериканцы любят символику. Любому чилийцу цифра 11 напоминает тот день в сентябре 1973 года, когда был убит Сальвадор Альенде и банда Пиночета принялась за уничтожение чилийского эксперимента и общественных движений, на которые он опирался или которые он породил. Итог этой «образцовой» контрреволюции плачевен: более миллиона чилийцев покинули пределы страны, а для тех, кто остался в ней, «путешествие на край ночи» еще не закончилось...»

Так, емко и образно, издающийся в Париже журнал «Африк-Ази» подвел один из основных итогов десятилетнего пребывания у власти в Чили военной хунты, возглавляемой Пиночетом.



Сантьяго, 1973 г.

Ровно десять лет отделяют друг от друга эти снимки. Но вглядитесь — как они похожи. Террор был и остается главным средством, с помощью которого диктаторский режим в Чили держится у власти.

Сантьяго, 1983 г.



Чили... Название этой страны не сходит в последние месяцы со страниц мировой прессы. И дело тут не столько в символическом десятилетии, сколько в том, что чилийский народ, пережив тяжелейшие потрясения, вновь открыто вступил в борьбу с диктатурой. Характерно, что сегодня это касается и многих из тех, кто в сентябре семьдесят третьего поддерживал и одобрял кровавый путч, устроенный чилийской военщиной.

«В 1973 году я оценил государственный переворот положительно,— говорит 30-летний чилиец.— Позже, однако, я начал отдавать себе отчет, что военный режим является врагом трудящихся. Опыт забастовки 1981 года стал для меня решающим...»

Запоздалое прозрение одного из тех, кто вольно или невольно, делом или молчаливым согласием способствовал тому, что были пролиты реки крови и страна превратилась в застенок! Да, запоздалое, но все же прозрение. Имя этого чилийца Родольфо Сегель, сейчас он возглавляет Конфедерацию рабочих меднорудной промышленности, которая традиционно является одним из основных богатств Чили. Родольфо принадлежит к числу тех людей, которые выдвинули призыв к проведению всеобщей забастовки, а затем превратили ее в день мирного протеста. Сам Сегель говорит: «Борьба только начинается».

Политические репрессии были и остаются главной причиной массового протеста чилийских граждан. Но критическое положение в стране усугубляется сегодня — и это вынуждены были признать на Западе многие политики и средства массовой информации — фактическим крахом экономики страны. Еще не так давно в адрес политики чилийского режима, ориентированной на развитие свободной рыночной экономики, звучали дифирамбы, ее всячески превозносили, выдавая за успех мирового масштаба. Сегодня об этом предпочитают не вспоминать. Если во всей Латинской Америке в 1982 году валовой национальный продукт сократился примерно на 1 процент, то в Чили он уменьшился на 14,3 процента, причем эта цифра продолжает расти.

А что же глава режима! Не так давно Пиночет выступил по телевидению с речью, в которой он дал, мягко говоря, весьма своеобразный ответ по поводу стоящих перед страной чрезвычайно острых проблем. Во всех бедах он обвинил... Советский Союз, заявив при этом, что именно СССР «способствует усилению оппозиции на политическом уровне и уровне трудящихся масс с целью свержения правительства». Как видно, генерал не стал утруждать себя изысками каких-либо иных, возможно, более сложных формулировок, взял самую простую, изобретенную и хорошо обкатанную его хозяевами из Вашингтона. Но особенно категоричной была та часть телевизионного выступления диктатора, в которой он отклонил требование оппозиции о проведении досрочных демократических выборов в стране. «Это,— заявил Пиночет,— безумная идея. Есть люди, стремящиеся ускорить этот процесс. Им я заявляю «нет».

...28 человек убито, многие десятки получили ранения — таков итог полицейской расправы над участниками демонстрации протеста в Сантьяго 11 августа. В этот день по призыву оппозиции был проведен четвертый по счету День протеста против диктаторского режима.

«Полиция и войска,— как писала об этом американская газета «Бостон Глоб»,— дали себе волю. Они грабили дома, бросали гранаты со слезоточивым газом, стреляли в окна и двери». Пиночетовское «нет» получило, таким образом, кровавое подтверждение.

А. СОКОЛОВ



ЛИЦЕМЕРИЕ

Снова гибнут ливанские граждане, снова слышны артиллерийская канонада и ружейные выстрелы в многострадальном Бейруте. На этот раз к жертвам израильской варварской агрессии в Ливане добавились те, кто пал от пуль американских «миротворцев». Новые преступления американских морских пехотинцев разоблачают перед всем миром Вашингтон, который действует в привычной для себя роли карателя и душителя свободы народов.

Десятки погибших мирных ливанцев и сотни раненых не останавливают заокеанских вояк. Американское командование пригрозило, что морские пехотинцы «прибегнут к еще более решительным мерам», и предупредило, что «на их стороне вся мощь шестого флота США, находящегося в Средиземном море». И действительно, как сообщила газета «Нью-Йорк таймс», президент Рейган приказал перебросить в район Средиземноморья дополнительно 2 тысячи морских пехотинцев. Перебрасываемые в Ливан подразделения будут оснащены танками, боевыми машинами пехоты, артиллерией, противотанковыми ракетами, пулеметами, самолетами вертикального взлета и посадки, штурмовыми и грузовыми вертолетами. По мнению военных специалистов, характер этого оружия свидетельствует о том, что морские пехотинцы направляются в Ливан для проведения широкомасштабных боевых действий наступательного характера. К берегам Ливана подтягивается ударная группа ВМС США, возглавляемая атомным авианосцем «Эйзенхауэр».

Это ли не истинная цена лицемерным заверениям президента Рейгана, который в августе прошлого года, направляя в Ливан морскую пехоту под предлогом «обеспечения мира» в этой стране, утверждал, будто американские войска «ни в коем случае не останутся в Ливане дольше 30 дней», причем «не принимая непосредственного участия в боевых действиях».

Так было на словах, а на самом деле американские войска ведут в Ливане те же операции, что и израильские оккупанты, в том числе принимают непосредственное участие в военных действиях. Они намереваются обосноваться в Ливане надолго и прочно, строят зимние квартиры, создают опорные пункты для своих вооруженных сил, уже превратившихся фактически в оккупационные войска.

Грязная война, которую ведут в Ливане американские морские пехотинцы и израильские оккупанты, указывается в заявлении члена Политбюро Фронта палестинской народной борьбы Халеда Абдель Маджида, имеет целью реализовать зловещий план империализма и сионизма в отношении Ливана, навязать народам Ближнего Востока капитулянтские соглашения.

На снимке: американский морской пехотинец в районе Бейрутского аэропорта.

Фото АП — ТАСС

КУБОК ДОСТОЙНЫМ

«Поздравляем с первым местом в конкурсе «Огонька». Кубок получили. В октябре приглашены в Москву на встречу победителей. Продолжаем работу на новых объектах. Желаем отличного отдыха. По поручению бригады Горшков, Миронов».

После вручения кубка «Огонька» текст этой радиограммы был передан прямо с трассы БАМа в город Ковров Владимирской области В. Г. Хромову — бригадиру бурового комплекса 54-го мостоотряда. Владимир Григорьевич проводит свой отпуск в родном городе.

Бригады Жука, Муравейникова, того же Хромова имели высокие показатели и все же оставались вторыми. Но вот последнее подведение итогов вывело хромовцев на первое место. Успех этот — заслуга коллектива треста «Мостострой-10», в котором сегодня 80 процентов всего объема работ выполняется методом бригадного хозрасчета. Работая на подряде, мостовики центрального участка БАМа только за первое полугодие 1983-го сберегли около миллиона рублей.

И еще одно очень важное условие, позволившее хромовцам выйти вперед. Речь идет о новой прогрессивной технологии в мостостроении, которую одной из первых внедрила в практику бригада Хромова. Прежде чем рассказать о новых методах строительства, позволю небольшое отступление в прошлое...

На БАМе я, как говорится, с первого колышка, хорошо помню, как начинал работу самый молодой трест Главмостостроя. Помню, как поругивали мостовиков за то, что задерживают укладку пути. Нередко останавливался путеукладчик перед недостроенными мостами. Причин было много: и несвоевременные поставки, и сложность бамовской трассы с ее вечной мерзлотой, наледями, строптивыми реками. Строительство мостов в таких условиях старым методом становилось весьма проблематичным. И тогда специалисты мостостроительных организаций, проектных институтов нашли и разработали принципиально новые конструктивно-технологические решения по сооружению малых и средних мостов длиной от 25 до 100 метров. А таких мостов на БАМе насчитывается более двух с половиной тысяч. Общая длина их 80 километров. Наверное, самое трудное в мостостроении — строительство опор. Решили попробовать прогрессивные в строительстве мостов — столбчатые опоры.

Сегодня мостостроители БАМа на деле доказали жизнеспособность таких опор. Этот метод сокращает затраты труда почти на 40 процентов, уменьшает материалоемкость конструкций в три-четыре раза. Он обеспечивает высокий уровень механизации, практически полностью исключает ручной труд, сокращает сроки строительства мостов вдвое. Экономический эффект от внедрения этого новшества немалый — 79,9 миллиона рублей. Работа бамовских мостовиков выдвинута на соискание Государственной премии СССР.



Бригада В. Г. Хромова после вручения кубка.

На западном участке трассы победителем соревнования на призы журнала «Огонек» единодушно признана бригада, не один год занимающаяся укладкой путей. Сотни километров стальных рельсов за ее спиной... Это коллектив Александра Васильевича Бондаря из строительно-монтажного поезда № 581. Бригада, достаточно известная на БАМе. Сейчас она работает на передних километрах участка. И кто знает, может быть, ей и выпадет счастье уложить «золотое» звено всей магистрали в октябре будущего года... Удачи вам, бондаревцы!

В. КУЗНЕЦОВ,
собкор «Огонька»
Фото автора

Г. ЗАХАРОВА

*** Трудоустройство—дело государственное * Исчерпывающая информация о вакансиях * Проблемы вечные, как жизнь.**

ЗДЕСЬ НАЙДУТ РАБОТУ ПО ДУШЕ

Рабочий день еще не начался, а телефон уже звонит не переставая, и у дверей — первые нетерпеливые посетители. Изабелла Михайловна Китаева поправляет цветы в вазе, отдергивает шторы, в комнату врываются яркие лучи солнца. Уютная, домашняя обстановка.

— Садитесь, располагайтесь поудобнее,— приглашает старший инспектор бюро по трудоустройству Брежневского района столицы.— Будем вместе знакомиться с нашими посетителями.

Входит немолодая женщина с хозяйственной сумкой.

— Я пенсионерка, хотела бы найти работу поближе к дому. Силы у меня есть, но возраст не тот, чтоб через весь город ездить. И внуки...

— Не беспокойтесь, обязательно найдем для вас подходящее место,— приветливо улыбается Изабелла Михайловна. Она быстро перелистывает свои записи, затем куда-то звонит, и через пять минут довольная посетительница уже прощается, держа в руках карточку с адресом и телефоном будущей своей работы.

— Спасибо, милая, а то я уж и надежду потеряла, хорошо — соседки подсказали к вам зайти.

А в комнате новый посетитель.

— Здравствуйте, выпишите мне побыстрее справку! Развели, понимаете, бюрократизм! Сам нашел работу, сам договорился, а отдел кадров, видите ли, к вам направил, нужна какая-то бумага. Лишняя трата времени!

Изабелла Михайловна, словно не замечая грубого тона, предлагает сесть, просит паспорт и трудовую книжку.

— Все правильно,— посмотрев документы, говорит она.— Вот у вас запись: два увольнения за год по соответствующей статье КЗоТа РСФСР — за нарушение трудовой дисциплины. Не так ли? Теперь вам по закону придется пройти комиссию исполкома. Там разберутся и решат, достойны ли вы той должности, на которую претендуете. В отделе кадров люди вправе знать, кого они берут на работу...

Посетитель еще пытается возражать, но с фактами, как говорится, не поспоришь. И он уходит, низко опустив голову. Стыдно, конечно же, взрослому человеку слушать слова о том, что надо когда-то отвечать за свою несдержанность, нежелание подчинить себя трудовому ритму, что верность рабочему долгу не пустые слова, а обязательное для всех правило. Слова жесткие, но справедливые...

На лице Изабеллы Михайловны легкая тень досады:

— Вот видите, приходится иногда быть суровой. Есть люди, которые считают, что им все позволено. Будем надеяться, что таких у нас меньшинство.

Следующий посетитель сначала тоже очень торопился.

— Я хотел бы работать маляром. Но мне сказали, что нужна справка от вас. Если можно, выпишите скорее.

— Скорее не получится,— говорит Изабелла Михайловна.— Вам надо сначала пройти комиссию исполкома. Вы не работаете уже три месяца. По закону это считается тунеядством.

— Но, поймите же, я — переводчик, езжу по стране, работаю с авторами.

— И тем не менее...

— А еще я художник и музыкант.

И снова Изабелле Михайловне приходится терпеливо и настойчиво, словно школьника, убеждать молодого человека, что закон обязателен для всех. И человек, кажется, понял, что «свободные художники» тоже должны развивать свои способности в рамках установленных правил.

Я умышленно не называю фамилий этих людей. Они не совершили никаких преступлений. И все же заслуживают порицания. Оказалось, что «переводчик», он же «художник» и «музыкант», имеет диплом учителя. Но почему-то искать свое призвание начал только после окончания вуза... И так, пытаясь разобраться в себе, прожил несколько лет, довольствуясь случайно подвернувшейся работой. А теперь дипломированный педагог согласен стать... маляром. Ему предстоит серьезный разговор с комиссией исполкома. Конечно же, никто не лишит его работы — в ближайшее же время он ее получит. Но так беспрепятственно менять одно место на другое «художнику» больше не позволят.

А люди идут и идут. Изабелла Михайловна работает быстро, четко, предлагает различные варианты трудоустройства. Каждый, кто приходит сюда, непременно получает нужную информацию — где какой работник требуется. На мой удивленный вопрос, каким образом удается так быстро сориентировать человека, Китаева отвечает:

— Все предприятия района обязаны раз в квартал представлять нам информацию о вакансиях.— И протягивает мне заявки. Сведения поступают исчерпывающие. Свободные должности, их количество, оклад, льготы, условия и характер труда, привилегии, касающиеся быта и отдыха.

Сначала мне казалось, что у Китаевой за плечами большой опыт работы с людьми, но, как выяснилось, этим делом она занимается всего несколько месяцев.

Для Изабеллы Михайловны каждый входящий в ее кабинет не просто посетитель, а конкретный человек, со своей индивидуальностью, характером, биографией, судьбой. И от нее, инспектора, в какой-то мере зависит, чтобы судьба эта сложилась счастливо. А найти работу по душе, по способностям — это не так уж просто.

Еще до того, как попасть в уютный кабинет Изабеллы Михайловны Китаевой на улице Красикова, я узнала в городском бюро по трудоустройству, что специалисты научно-производственного объединения АСУ «Москва» уже разрабатывают АСУ трудоустройства. Заведующий городским бюро Павел Львович Филиппов показал мне телетайп и видеотерминал. Руководители предприятий, ведомств, организаций, где ощущается нехватка в работниках, заранее просят присылать к ним выпускников соответствующих вузов, нередко называют даже кафедру и ведущего преподавателя. Все эти данные закладывают в память компьютера. Инспектору достаточно закодировать анкету, и на экране дисплея появятся различные варианты. В скором времени такие видеотерминалы установят в пяти районных бюро.

Павел Львович знакомит меня с историей службы трудоустройства. Все начиналось с биржи труда. Как известно, в нашей стране уже очень давно нет безработных. Теперь не человек ищет работу, а работа ищет человека. Поиск этот не ограничивается малопрестижными специальностями. Служба трудоустройства располагает информацией более чем о сотне тысяч вакансий в промышленности, строительстве, на транспорте, в торговле, общественном питании, науке, культуре. На учете тут почти десять тысяч рабочих мест для инженерно-технических работников и служащих.

— И все же, Павел Львович, почему люди не всегда приходят сразу к вам, а пытаются искать работу сами с помощью родственников, знакомых?

— Наши бюро в нынешнем своем виде стали работать недавно. Прежде мы в основном занимались трудоустройством пьяниц и тунеядцев. Компания для людей, по-настоящему ищущих работу, прямо скажем, не из приятных. Да и информация поступала хаотично, сведений о вакансиях было недостаточно. Сейчас все изменилось. И тем не менее многие из тех, кто в силу каких-то обстоятельств вынужден искать работу, почему-то обращаются за помощью к кому угодно, забывая о службе трудоустройства. Видимо, сказывается молодость нашей службы, да и не очень-то хорошо поставлена информация о ней. Но можно сказать уверенно: у этой службы — большое будущее. И чтобы она успешно развивалась, прежде всего надо изменить укоренившееся мнение, что трудоустройство — дело сугубо личное. Нет, это дело государственное. Особенно сейчас. Партия придает огромное значение разумному распределению рабочей силы между отраслями хозяйства, эффективному использованию возможностей и сил каждого человека, где бы он ни трудился.

Бюро, подобные тому, что вы видели в Брежневском районе, имеются во многих городах страны, но в Москве их больше всего — около тридцати, практически во всех районах столицы. Они активно содействуют снижению текучести кадров, стабилизации трудовых коллективов. Да и сама наша служба за минувшие два-три года значительно усовершенствовалась.

— Интересно, какие специальности пользуются наибольшим спросом в народном хозяйстве?

— Станочники всех специальностей, слесари, электромонтеры, газоэлектросварщики, водители — в общем, профессии, требующие высокой квалификации. Нужны продавцы, повара, медсестры, воспитатели детских садов. Дефицитны и самые современные специальности — например, операторы ЭВМ. Находятся и места, где могут применить свои силы пенсионеры, студенты (в свободное от учебы время), домохозяйки. Кстати, работа на дому — очень важный резерв трудовых ресурсов страны. Роль наших бюро здесь приобретает первостепенное значение.

— Павел Львович, каким вам видится бюро по трудоустройству завтрашнего дня?

— Хочется надеяться, что они получат более просторные помещения — уже сейчас многие районные бюро переезжают в новые «квартиры». Будет широко использована электронно-вычислительная техника, усовершенствована система информации. Возможно, в скором времени информацию о рабочих местах можно будет получать прямо по телефону.

— А не случится ли когда-нибудь, пусть в далеком будущем, что необходимость в услугах вашего бюро вообще отпадет?

— Вряд ли. Работа ищет человека, человек ищет работу — эти проблемы так же вечны, как и сам труд, без которого жизнь даже в далеком будущем, конечно же, немыслима. А без посредников этих проблем не решить. Хотите убедиться? Приходите, как говорил Маяковский, через тысячу лет — поговорим.

«Дорогая редакция!

Мне пришлось участвовать в освобождении Польши от фашистских захватчиков в 1945 году в составе 1-го Белорусского фронта, 8-й гвардейской армии. Не забуду, как нас встречало население. Старики, женщины, подростки от всей души приветствовали нас, слали добрые напутствия, и я думаю, что уже в это время народ Польши сделал для себя выбор — избрать как будущее социализм. Я с боями дошел до города Познань, где был ранен. В памяти осталось, как поляки приносили нам, раненым, угощения, и хотя был я тогда 19-летним парнем, понимал, что поляки — близкий нам народ и что дружба наша закалилась в трудное время для обоих наших народов.

С той поры я породнился с Польшей, всегда следил за тем, что происходило в этой стране, и потому болью в сердце моем отозвался глубокий общественно-политический и экономический кризис, возникший в июле и августе 1980 года. Он достиг крайнего обострения в 1981 году, когда экономику Польши полностью дезорганизовали беспрерывные забастовки, организованные антисоциалистическим руководством профобъединения «Солидарность». Польская контрреволюция планировала захват власти и истребление коммунистов, но угроза кровавого террора была сорвана введением в декабре 1981 года военного положения в этой стране. Мы знаем из сообщений печати, что, несмотря на все попытки внутренних и внешних врагов Польши, им не удалось возродить в стране анархию и беззаконие. Польским органам власти, коммунистам удалось сплотить трудовых людей и начать выход из тяжкого экономического кризиса. В канун Дня возрождения Польши, большого национального праздника, было объявлено об отмене военного положения в этой стране. Мы понимаем, что еще не пришло время, когда можно сказать: в народной Польше все обстоит благополучно. Ведь эта страна стала объектом вмешательства и интриг, затеянных подрывными центрами международной реакции, которым не хочется выпустить из своих рук «польскую карту», и потому администрация Рейгана стремится не допустить, чтобы Польша преодолела нынешние трудности. Мы, советские люди, хорошо это понимаем и знаем, что наша страна, как и другие социалистические страны, пришла на помощь Польской Народной Республике. Хотелось бы узнать подробнее, как там идут дела. Какое настроение у рабочих, крестьян, интеллигенции? Что удалось в этом году сделать для стабильности развития народного хозяйства? Думаю, ответ на эти вопросы интересует многих читателей журнала!

С уважением, Захаров Н. А., инженер по технике безопасности совхоза «Ушановский» Восточно-Казахстанской области».

Подобных писем немало в нашей редакционной почте. Они свидетельство подлинно интернационалистского мировоззрения советского человека, для которого святы узы дружбы с польским народом. А эти узы ведут свои традиции от общности истории и совместной борьбы польских и русских революционеров, братства по оружию и пролитой крови в борьбе за победу над гитлеровской Германией.

Жестоко обманулись те, кто рассчитывал, что Польша станет «троянским конем», с помощью которого удастся пробить брешь в содружестве социалистических стран. Итоги периода военного положения и первого полугодия этого года позволяют сделать вывод, что польским органам власти и коммунистам удалось предотвратить самое трагическое — угрозу братоубийственной гражданской войны и дать решительный отпор антисоциалистическим силам внутри страны. Подрывные центры Запада настойчиво пытаются гальванизировать эти силы, внушить полякам неверие в реальность планов стабилизации политического и экономического положения. Еще сохраняются экономические «санкции» Запада, нанесшие народной Польше заметный ущерб, «но теперь для каждого, кто хочет и умеет смотреть объективно, безусловно одно — выздоравливающая Польша является фактом очевидным»,— недавно писала газета «Жолнеж вольности». Множество фактов дают этому подтверждение. Из сообщения Главного статистического управления о социально-экономическом положении страны в первом полугодии явствует, что наступил рост промышленного и строительного производства, улучшилась эффективность деятельности во многих областях. Возросло производство: в частности, стали — на 14,6 процента, сельскохозяйственных машин — на 13,3, а трикотажных изделий — почти на 16 процентов. Возросли поставки в торговлю продовольственных товаров, и это позволило частично отменить нормирование продуктов.

Многое говорит о том, что в стране улучшается и общественно-политическая обстановка, укрепляются организации ПОРП. За минувшие 7 месяцев в Польше зарегистрировано 16,7 тысячи профсоюзных организаций, которые объединяют больше трех миллионов трудящихся. Газеты сообщают, что новые профсоюзы возникли уже на 90 процентах промышленных предприятий.

Прочной основой для растущей общественной активности служат последовательность и настойчивость, с какими Польская объединенная рабочая партия воплощает в жизнь свою программу улучшения и реформ. Коммунисты отдают себе отчет, что результаты, достигнутые в области стабилизации,— это лишь первый этап трудного пути.

«Самое драматичное уже позади, самое трудное — впереди. Для достижения полной нормализации потребуется еще много усилий и немало времени»,— сказал, выступая на 12-м пленуме ЦК ПОРП, Первый секретарь ЦК ПОРП Войцех Ярузельский. Из репортажа специального корреспондента «Огонька», побывавшего в Польской Народной Республике в начале этого года, читатели узнают о том, в каких сложных условиях были достигнуты эти первые и очень важные успехи.

Польша, год 1983-й

Новелла ИВАНОВА,
специальный корреспондент «Огонька»

ГЛАВА I. ЭКОНОМИКА: НАЧАЛО «МАРША ВПЕРЕД» — ПРОБЛЕМЫ И ПОИСКИ

Тема номер один

В варшавской гостинице «Метрополь» за утренним завтраком со мной заговорила немолодая, усталая женщина.

— Что пани думает по поводу вчерашнего выступления по телевизору двух министров?

Я ответила, что не видела этой передачи.

— Как? Вы не знаете, что они сказали насчет мыла и стирального порошка? Теперь не будет прежнего порядка, когда по карточке вы могли получить на два месяца кусок мыла и пачку стирального порошка! Карточки на эти товары будут сняты, ну а если люди будут закупать их впрок — придется возвращаться к карточкам. Министры сказали: все зависит сейчас от нашей гражданской сознательности,— но мы-то с вами хорошо знаем, что дома у всех запасено и крупы, и муки, и сахара. Люди ничему не доверяют и выкупают все подряд по карточкам.

Я призналась, что ничего впрок не покупаю — ни крупы, ни муки, ни сахара, потому что живу в Москве, а сюда приехала в короткую командировку.

— А прежде пани бывала в Варшаве? Тогда пани, наверное, заметила, что теперь все озабочены этими сумасшедшими ценами! Ведь без карточек в магазине можно купить только хлеб, яйца, молоко, творог и сметану. На остальные продукты карточные нормы невелики, и приходится идти на рынок. А там крестьяне и заламывают несусветные цены. Да и государственные цены постоянно растут. А зарплата у меня, инженера-экономиста, намного меньше, чем получает сегодня секретарша в какой-нибудь частной фирме. Частники да спекулянты — вот кто наживается на нашей беде!

Что это — монолог рассерженного и ворчливого человека? Увы, нет! Множество больных вопросов досаждает сегодня полякам в повседневной жизни. Особенно остро это относится к недостаткам в снабжении рынка и росту цен. Побывав в домах у моих варшавских знакомых, я обратила внимание — сегодня люди очень остро осознали, что сложная семейная арифметика — часть арифметики государственной, в которой две огромные цифры: 25 миллиардов долларов — таков долг Польши капиталистическим странам — и 150 миллиардов злотых — такова дефицитная брешь в бюджете страны на этот год.

С начала 1983 года страна вступила в новый период жизни — период приостановления военного положения, который, как известно, завершился его отменой 22 июля, в День возрождения Польши. Народная власть, партия призвали поляков: давайте эффективно используем это время и решим самые насущные проблемы! В качестве первоочередной была поставлена задача оздоровления экономики. Промышленность должна настроиться на увеличение объема производства. Сельское хозяйство — преодолеть трудности за время, оставшееся до нового урожая. На X пленуме ЦК ПОРП, обсуждавшем проблемы социально-экономического развития страны, Первый секретарь ЦК ПОРП Войцех Ярузельский подчеркнул сложность этих задач: «Острая классовая борьба идет и на экономической почве. Диверсионная пропаганда пытается внушить общественности, что наша программа потерпела провал и хозяйство катится вниз. Эта пропаганда становится все более агрессивной по мере того, как оказывается, что, несмотря на

Окончание см. на стр. 26—27.

«ВСЕ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ ДОЛЖНЫ БЫ УЧИТЬСЯ У ВАС...»

НОВОЕ О И. С. ТУРГЕНЕВЕ И ЖОРЖ САНД.

И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН, доктор искусствоведения, лауреат Государственной премии СССР

«В русском человеке таится и зреет зародыш будущих великих дел, великого народного развития». Эти вещие слова сказал молодой Иван Сергеевич Тургенев на заре своей литературной деятельности в одной из первых написанных им статей. И эту веру в творческую мощь родного народа он пронес через всю свою жизнь. А находясь в Париже, Тургенев писал другу: «Что ни говори — а мне все-таки моя Русь дороже всего на свете — особенно за границей я это чувствую». Неделю спустя в другом письме он возвращается к тем же сокровенным мыслям: «...пребывание во Франции произвело на меня обычное свое действие: все, что я вижу и слышу — как-то теснее и ближе прижимает меня к России, все родное становится мне вдвойне дорого — и если б не особенные, от меня уж точно не зависящие обстоятельства — я бы теперь же вернулся домой».

Все творчество Тургенева овеяно безграничной любовью к Родине. Он писал о ее величии и горестях с такой душевностью, что из самых прославленных русских писателей первым стал всемирно известным.

Произведения Тургенева оказали значительное воздействие на многие литературы, в том числе и на английскую. Он был не только первым русским романистом, которого Оксфордский университет избрал в 1879 году почетным доктором, но и вообще самым первым литератором, удостоившимся этой чести. Выступая тогда на торжественной церемонии, профессор Джеймс Брайс сказал о Тургеневе: «Представляю вам мужа, который не уступает никому из выдающихся писателей нашего века, и хотя писал преимущественно прозой, заслуживает имени вдохновенного поэта. Действительно, кто когда-либо лучше выразил нравы, дух, всю жизнь своего народа? Чья речь была прекраснее? Кто с большей силой раскрыл глубочайшие движения души, вызывая слезы, возбуждая гнев и любовь? Поэтому, если мы уверены, что наша Академия создана не только для самой себя, но для всего мира, то признаем этого друга человеческого рода, этого ревнителя свободы своих соплеменников нашим гражданином, предоставим Ивану Сергеевичу Тургеневу степень Доктора гражданского права honoris causa».

Вряд ли зная о суждении профессора Джеймса Брайса, Константин Бальмонт сорок лет спустя в статье «Мысли о творчестве (И. С. Тургенев)» как бы повторил его слова: «Тургенев был первым поэтом русской прозы, равного которому доныне еще не было,— он воспринял все пушкинское золото и сковал серебряные звоны, еще более певучие, он был не только учеником Пушкина, но и его родным братом, его равноправным наследником».

А о том, какой популярностью за рубежом пользовались произведения Тургенева, свидетельствует такой факт: когда крупнейшему английскому романисту конца XIX — начала XX века Арнольду Беннетту было предложено написать статью о двенадцати лучших романах в мировой литературе, он заявил, что эти двенадцать романов написаны русскими, и в их число входят все шесть романов Тургенева: «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне», «Отцы и дети», «Дым», «Новь».

I

Многие выдающиеся русские писатели поддерживали дружеские отношения с зарубежными литераторами. Но ни один из них не был так тесно связан со своими иностранными собратьями по перу, так часто не встречался и так интенсивно не переписывался с ними, как Иван Сергеевич Тургенев. Вот лишь краткий перечень стран, с литераторами которых он общался и вел переписку: Германия и Австрия, Англия и США, Италия и Швейцария, Испания и Швеция, Норвегия и Польша, Болгария и Чехословакия... Но, конечно, ближе всех Тургеневу были литераторы Франции. И не только потому, что он прожил в этой стране много лет,— Тургеневу были близки высокие достижения французских писателей той эпохи. К тому же они с восхищением относились ко многим его произведениям, которые оказывали влияние на их творчество. Это и дало основание Андре Моруа утверждать: «По стилю, как и по композиции, Тургенев был учителем французских писателей, действовавших с 1860-го до 1880 года».

К числу выдающихся литераторов Франции, с коими Тургенев дружил больше всего, принадлежала Жорж Санд. Вряд ли существовал другой французский писатель, к которому в начале своего творческого пути Тургенев относился с таким благоговением, как к Жорж Санд. Среди деятелей русской литературы 1840—1850-х годов он был отнюдь не одинок в таком своем отношении к замечательной писательнице. Значительное идейное и моральное влияние ее произведений признавали Белинский и Герцен, Салтыков-Щедрин и Достоевский, Аксаков и Гончаров, а Чернышевский даже перевел «Историю моей жизни» Жорж Санд и напечатал в четырех номерах журнала «Современник» за 1855 год.

Если в молодые годы Тургенев не уставал выражать восторги по адресу писательницы, то Жорж Санд, познакомившись с его произведениями, многократно восхищалась им как художником слова. Так, печатая в 1872 году свои «Воспоминания и впечатления», Жорж Санд, желая во всеуслышание сказать о том, как восторженно она относится к автору «Записок охотника», посвятила Тургеневу главу «Пьер Боннен», появившуюся в конце октября 1872 года, где говорилось о простом плотнике, большом оригинале и чудаке. Обращаясь к Тургеневу, она писала: «Найдя в одном из ящиков своего письменного стола этот плохонький этюд, сделанный с никому не известного человека, умершего много лет назад, я спросила себя, достоин ли он того, чтобы появиться в свет? Я находилась под обаянием той обширной галереи портретов с натуры, которую вы напечатали под заглавием «Воспоминания знатного русского барина»[1]. Какая мáстерская живопись! Как видишь их всех, как слышишь и знаешь этих северных крестьян, еще бывших крепостными в то время, когда вы их описывали, и всех этих деревенских помещиков из мещан и дворян, минутная встреча с которыми, несколько сказанных ими слов были достаточны вам для того, чтобы нарисовать образ животрепещущий и яркий. Никто не мог бы сделать это лучше вас. Ваши крестьяне, ваши помещики предстают перед нами с исключительной рельефностью. Это — новый мир, в который вы позволили нам проникнуть; ни один исторический памятник не может раскрыть нам Россию лучше, чем эти образы, столь хорошо вами изученные, и этот быт, так хорошо увиденный вами. К тому же это чувство трогательной доброжелательности, которым, по-видимому, не обладали другие ваши поэты и романисты... Вам присущи жалость и глубокое уважение ко всякому человеческому существу, какими бы лохмотьями оно ни прикрывалось и под каким бы ярмом оно ни влачило свое существование. Вы — реалист, умеющий все видеть, поэт, чтобы все украсить, и великое сердце, чтобы всех пожалеть и все понять».

[1] Под таким названием в Париже в 1854 году вышел первый французский перевод «Записок охотника», исполненный Эрнстом Шаррьером.

До последнего времени было известно тринадцать писем Тургенева к Жорж Санд, а из всех ее ответных писем в печати появилось лишь одно. Это, конечно, в некоторой степени ограничивало исследовательские выводы о личных отношениях писателей, да и оставалось неизвестно, как Жорж Санд оценивала некоторые произведения Тургенева. Пробел этот я имею возможность отчасти заполнить с помощью материалов, отысканных мною во Франции.

II

Благодаря стараниям профессора Александра Звигильского, лучшего во Франции современного исследователя творческой биографии И. С. Тургенева, парижское общество «Друзей Ивана Тургенева, Полины Виардо и Марии Малибран» выпускает посвященные им сборники материалов и сообщений. В одном из них напечатано на французском языке мое исследование «Новое об общениях Жорж Санд с Иваном Тургеневым и с семьей Полины Виардо», где опубликованы найденные мною материалы на эту тему. Ниже эти материалы впервые печатаются на русском языке.

Это прежде всего семь писем Жорж Санд к Тургеневу. Некоторые из них являются прямыми ответами на дошедшие до нашего времени письма Тургенева, другие свидетельствуют о том, что ряд его писем к Жорж Санд или утрачен, или до сих пор остается невыявленным.

В качестве вступления к публикации семи новонайденных писем Жорж Санд приведу то ее известное в печати письмо к Тургеневу, подлинник которого хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР. Оно являлось ответом на письмо от 30 октября 1872 года, в котором Тургенев с душевной признательностью благодарил за то посвящение ему, коим она предварила в газете «Le Temps» свой очерк «Пьер Боннен». Ответ Жорж Санд гласил:

«Дорогой друг, я не сказала ничего лишнего, я даже сказала слишком мало.

Я Вас люблю, мы Вас любим. Передайте все наше восхищение божественной Полине и ее ангелам.

Ж. Санд.

1.9.72

Выздоровели ли Вы, нам это не сказали. Флобер вздыхает по Вас. Он этим печален, печален. Вылечите его наконец!»

Первое из не изданных на русском языке писем Жорж Санд к Тургеневу, датированное

И. С. Тургенев. Художник Константин Маковский. 1871 год.





1 сентября 1873 года, является откликом на прочитанную ею повесть «Вешние воды». Вот перевод этого письма:

«Дорогой друг,

Полагаю, что Вы в Париже или Буживале: раз Ваше последнее отправление помечено Парижем, значит, Вы возвратились из дальних краев. А я только что вернулась из Оверни со своей семьей и нахожу в Ноане этот последний том, «Вешние воды», которые прочла одним духом,— очаровательный роман, и шедевр, который я уже читала, «Степной помещик». Как прелестна Джемма, но как неотразима г-жа Полозова, и как прощаешь ей, несмотря на то, что проклинаешь! Вы до такой степени владеете великим даром все видеть и все чувствовать, что невозможно ненавидеть ни одного из Ваших героев. Кажется, что находишься в саду, залитом солнцем. Волей-неволей любуешься всем, и должна признать, что все прекрасно, когда залито светом.

Мы рассчитываем скоро увидеть Вас, так как вот уже сентябрь, а мы условились, что если только будет возможно, вы приедете все. Мы так твердо рассчитываем на нашу замечательную Полину и ее милых дочерей, что у нас больше нет никаких проектов, никаких забот, никаких мечтаний, как только поскорее встретить ее и Вас. У нас есть, чтобы принять их, два хороших рояля и шарманка, которая играет 30 контрдансов и вальсов для барышень. Я рассчитываю на Вас, чтобы поторопить наступление этих с нетерпением ожидаемых радостных дней и чтобы сообщить нам заранее, когда (и в каком количестве) вы приедете, для того, чтобы избавиться от всех, кто помешал бы нам. Мне так хотелось бы, чтобы маленький Поль [2] тоже приехал!

Вы обещаете, не правда ли? И за себя, и за них? Не забывайте, что мы здесь все, и умом и сердцем, любим Вас.

Ж. Санд

Ноан, 1 сентября 1873».

Ответ Тургенева, датированный 3 сентября 1873 года, начинался словами: «Не правда ли, мне нет надобности говорить Вам, сколь я счастлив, что Вам нравятся мои книги. Это всегда будет моей гордостью и славой, а сейчас доставляет мне несказанное удовольствие».

Второе письмо Жорж Санд примечательно тем, что включает в себя ее восторженный отзыв о рассказе Тургенева «Живые мощи», появившемся в переводе Эмиля Дюран-Гревиля 8 апреля 1874 года в парижской газете «Le Temps». Текст письма Жорж Санд гласит:

«Мой дорогой друг,

Через Плошю [3] я просила Вас о благосклонном внимании к моему другу Шарлю Роллина. Вы меня лично очень обяжете, приветливо отнесясь к нему. Он должен быть принят в «Revue des deux mondes» на приличную должность, а сам он почтеннейший старый холостяк. Он мечтает переводить Вас, если случится, что он сможет понадобиться Вам, и я думаю, Вы были бы им довольны.

Посылаю Вам для сведения неизданный фрагмент Ваших русских воспоминаний, присланный мне им как образец, который мне не хотелось показывать Вам прежде, чем сам он не будет в Париже. С точки зрения французского языка этот фрагмент безупречен, но я не могу судить о точности перевода. Взгляните сами и судите.

Во всяком случае, я знаю, что он будет счастлив познакомиться с Вами. А так как он большой музыкант и певал в молодости, как и Рубини в свои лучшие дни, Вы попросите за меня мою Полину допустить его на ее музыкальные вечера и принять дружески. А затем Вы мне напишете о моей милой Клоди [4] и молодом супружестве, потому что со времени свадьбы я не получила ни строчки. Я не была в претензии, зная, что все перебудоражены, но теперь, когда все поуспокоилось, я была бы счастлива узнать, что прелестное дитя удовлетворено своим выбором и что все у вас довольны».

Далее Жорж Санд пишет о рассказе Тургенева «Живые мощи»:

«Какой шедевр эта Лукерья! какая душа и какая правдивая глубина! и какой простой и очаровательный язык! — Все без исключения должны бы учиться у Вас, даже великий лама В[иктор] Г[юго], который ищет непосредственности, и небезуспешно, но сохранить ее не умеет.

Затем, дорогие моему сердцу друзья, я всех вас нежно целую, и весь Ноан ко мне присоединяется.

Ж. Санд

13 апреля 1874 г.».

Получив это письмо 15 апреля, Тургенев в тот же день ответил Жорж Санд. Сообщив, что он выполнит ее просьбу и познакомится с Шарлем Роллина, переводчиком на французский язык тургеневского рассказа «Бирюк», Иван Сергеевич далее писал: «Что мне сказать о похвалах, которые Вы расточаете моим «Мощам»? Они столь подавляюще великолепны, что я едва осмеливаюсь за них благодарить. Но, уверяю Вас, я все же очень доволен и в связи с этим должен Вам сказать одну вещь: я намеревался посвятить этот рассказ Вам; но <Луи> Виардо, которого я спросил, посоветовал мне подождать, пока я напишу что-либо более значительное и более достойное великого имени, которым я хотел его украсить. Теперь я сожалею, что не последовал первому побуждению, ибо кто знает, какова будет эта новая вещь? Во всяком случае прошу Вас иметь в виду мое намерение».

А день спустя после отправки этого письма Тургенев 16 апреля извещал своих петербургских друзей П. В. Анненкова и М. М. Стасюлевича о весьма положительных откликах на рассказ «Живые мощи»: «Здесь мои «Мощи» появились в фельетоне «Temps» — и Вы не можете себе представить, какие я получаю комплименты, так что даже недоумение берет. Письма от Ж. Санд, от Тэна и т. д. из-за такой безделки».

Сообщая Анненкову, что перевод «Живых мощей» появился в «Temps», Тургенев далее уведомлял его: «...и по этому поводу Тэн (Taine) написал мне энтузиастическое письмо!!! Вот не думал-не гадал». А в вышедшей два года спустя книге Ипполита Тэна «Старый порядок» имеется упоминание о том же рассказе. Уведомляя Тургенева, что он прочел эту книгу, Анненков далее писал: «Встретил, к немалому моему удивлению, на первых же страницах Тэна ссылку на «Живые мощи»; вот что значит истинно поэтическая вещь. Бабенка из Орловской губернии может служить пояснением склада мысли у средневекового человека». Речь здесь идет об одном из примечаний к первой главе упомянутой книги, в котором Тэн говорит: «Что касается современных литературных произведений, состояние средневековой верующей души великолепно обрисовано... Тургеневым в «Живых мощах». Кстати сказать, за год до появления книги «Старый порядок» Ипполит Тэн, известный французский историк, философ, литературовед и искусствовед, писал, что Тургенев «самый великий художник, явившийся в мире со времен древней Греции».

Далее Тэн восхищался «сочностью, изысканным изяществом, поэтическим, высоким очарованием, которые превращают его <Тургенева> в самого совершенного из живописцев».

Хотя перевод «Живых мощей» на французский никак не мог передать всей прелести простонародной речи Лукерьи, яркой образности тургеневского языка в этом рассказе, его появление в парижской газете вызвало восторженные отклики не только Жорж Санд и Ипполита Тэна, но и других видных деятелей французской культуры. Об этом свидетельствует, в частности, письмо И. Е. Репина к П. М. Третьякову от 25 апреля 1874 года из Парижа, где художник завершал тогда работу над портретом Тургенева. Репин сообщал: «...в настоящее время французы им <Тургеневым> очень заинтересованы по поводу напечатанного им перевода на французский язык «Живые мощи» в журнале «Le Temps». Вещица эта наделала тут много шума, и он получил много комплиментов и писем от разных французских светил».

Дальнейшие новооткрытые письма Жорж Санд к Тургеневу свидетельствуют о том, что дружеские связи писателей продолжали развиваться.

В конце декабря 1874 года Тургенев отправил обитателям Ноана новогодние подарки. Вот как Жорж Санд на это откликнулась:

«Спасибо за добрые вести.

Спасибо за груз сластей. Спасибо за девчушек, которые в восторге от своих хорошеньких брелоков.

Совсем ли Вы теперь успокоились? Скажите нам, милый дорогой друг, что мы еще можем надеяться на Ваш приезд.

Ваши друзья из Ноана все целуют Вас и поздравляют с новым годом Полину и К°.

Жорж Санд

Ноан 28 декабря [18]74».

«Добрые вести», за которые писательница благодарит Тургенева, заключались, по-видимому, в его письме; до нашего времени оно не сохранилось.

В начале апреля следующего года Тургенев обещал побывать в Ноане. Вот что Жорж Санд ему ответила:

«7 апреля [18]75

Конечно, милый большой друг, мы будем у себя и будем Вас ждать до конца этого месяца с большим нетерпением, чем надеждой. Ведь Вы так часто обманчиво радуете нас! Это, конечно, по Вашему поводу было сказано:

...отчаиваешься,
когда постоянно надеешься.

Неважно. Вы будете приняты без упреков, все будут слишком рады, чтобы помнить о разочарованиях.

Ваша всем сердцем Ж. Санд».

Перед нами письмо Жорж Санд к Тургеневу, датированное 17 сентября 1875 года. Оно является ответом на его письмо от 13 августа, в котором он извещал, что две недели назад вернулся из Карлсбада в Буживаль. Основное место в этом письме Тургенева было посвящено сообщению о тяжелом нервном состоянии Флобера, в котором тот находился в связи с банкротством его родственника коммерсанта Эрнеста Комманвиля, что привело к разорению самого Флобера. К своему письму к Жорж Санд Тургенев приложил то письмо Флобера, где речь шла об этом, но просил его вернуть. Вот что ответила Жорж Санд:

«Знаменитый и милый наш ленивец, приходится любить Вас таким как есть. Не будь у Вас этого недостатка, Вас бы любили чересчур.

Отсылаю Вам письмо нашего друга и сама написала ему вчера. Я очень боюсь, что мы бессильны перед его заболеванием, которое принимает оборот ужасающей ипохондрии. Меня это очень огорчает и очень беспокоит. Будучи по существу очень добрым и приветливым, он должен горько страдать от болезни, вызывающей в нем разочарование во всех и вся.

Совсем недавно я получила хорошее письмо от моей дорогой Полины. Вижу, что она все так же бодра в работе и трудах. Я тоже держусь, несмотря на преклонный возраст, живу между речкой, где плескаюсь со своими внучками, и чернильницей, в которой черпаю сказочки для их забавы и маленького поучения. Морис [5] путешествует по побережью океана в обществе Плошю, этот, чтобы купаться и есть устрицы, тот, чтобы собирать ископаемые и делать геологические обследования побережья. Жара у них, наверное, ужасная! Каждый день

[2] Сын Полины Виардо.
[3] Французский литератор, близкий друг Ж. Санд.
[4] Дочь Полины Виардо.
[5] Сын Жорж Санд.

В Спасском-Лутовинове у восстановленного дома писателя * Знаменитый диван «самосон» в Спасском-Лутовинове * И. С. Тургенев. Фотография 1874 года * Бежин луг. Река Снежедь * Орел. Музей И. С. Тургенева. Парижский кабинет писателя * Охотничьи принадлежности писателя.

Фото М. Савина

мы получаем от них телеграмму. Я собираюсь поехать в Париж в сентябре по своим делам. Это менее приятно и менее весело, чем дождаться Вас и надеяться на Ваше появление в Ноане!

Я больше не смею верить в то, что Вы сюда еще вернетесь, но если бы чудодейственной волей провидения Вы могли бы на это решиться, мне кажется, мы готовы были бы совершить богомолье в Лурд, чтобы только поторопить Ваше решение. Поцелуйте всех дорогих друзей и детей вокруг себя за меня, Лину[6]*, и моих девчушек, которые просят Вас написать для них сказку и целуют Вас вместе со мной.*

Ж. Санд

Ноан 17 сентября 1875».

А в последний день того же года она отправила Тургеневу благодарственное письмо:

«Спасибо за эту очаровательную вышитую коробку и за Ваши сласти, милый большой друг.

Мои девчушки и все мы целуем Вас и поздравляем с новым годом и желаем себе повидать Вас, потому что это будет знаком того, что Вы здоровы и по-прежнему любите своих ноанских друзей, которые обожают Вас.

Жорж Санд

Ноан 31 декабря [18]75».

Заключительное — седьмое — из числа вновь найденных писем Жорж Санд к Тургеневу было отправлено 19 февраля 1876 года. В нем, в частности, ее отклики на сообщение о том, что Луиза Геритт-Виардо (дочь Полины), попав в железнодорожную катастрофу, получила сильные ушибы.

То было одно из последних писем Жорж Санд к Тургеневу, так как спустя три с половиной месяца — 7 июня того же года — она скончалась.

Вот текст этого письма:

«Спасибо за добрую память, милый большой друг. Спасибо дорогой Полине за ее прекрасную музыку, очень порадовавшую меня, и за хорошее письмо. О каком ужасном происшествии она мне рассказывает! Надеюсь, что теперь бедной Луизе все лучше и лучше и покой помогает ей отойти после этой тяжелой истории. Здесь мы все здоровы, если не считать несколько насморков, не дошедших до гриппа. Зима у нас не такая суровая, как в Париже, и снег, столь благоприятный для земледелия, радовал наши взоры, не помешав ощутительно сообщениям.

Когда мы прочтем что-нибудь Ваше? Во всей семье праздник, когда приходит один из Ваших чудных рассказов.

Распределите наши нежные приветы всем дорогим домочадцам, Полине и Марианне[7]*, писавшим мне о своих зимних радостях и заботах, дорогой Клоди, о которой мне ничего не пишут, но которая, надеюсь, здорова, наконец Луи*[8] *и моему сыночку Полю, не забывая бедной пострадавшей, для которой я некогда была настоящей мамой.*

Вы там будете веселиться всей семьей и со своими друзьями. Я буду сердцем с вами. Толстый Плошю хотел улететь к вам, но ему нужно много работать, и здесь он немножко работает. Разум взял верх, он остался. Он ходит на охоту, но никогда ничего не убивает. На днях он самого себя хотел убить, когда крестьянин принес нам крупную дрофу. Это великолепная птица, немного лучше гуся. Вы скажете Плошю: мы узнали, что в этом сезоне Вы застрелили с дюжину дроф...

Не болейте же больше подагрой, дорогой друг, и приезжайте к нам летом, мы все будем так счастливы.

Ведь мы столько же любим Вас, сколько Вами восхищаемся.

Ж. Санд

Ноан 19 февраля 1876».

Последняя фраза этого письма свидетельствует о том сердечнейшем почитании, с каким Жорж Санд относилась к Тургеневу до конца своей жизни.

Окончание в следующем номере.

[6] Жена Мориса Санд.
[7] Дочь Полины Виардо.
[8] Муж Полины Виардо.

КРУГОМ РОССИЯ

А. БАСМАНОВ

И травы, и оранжевые, белые, синие пятна цветов, и звон кузнечиков, и длинные межи, заросшие чернобыльником, и пряный полынный ветер, и полевые рябины, и жидкие березы, и холмы, и овраги, и степные дали. Лаврецкий говорил, что русская картина «навевала на его душу сладкие и в то же время почти скорбные чувства, давила грудь его каким-то приятным давлением». Как точно сказано о чувстве грусти!

Вот и Тургенев уже не о Лаврецком говорит, а о себе прямо, о своей грусти—о необъяснимом, «хватающем за сердце» воздухе родины; о волнующейся июльской янтарной ржи, о том, что, видя ее, невольно замираешь «с каким-то ощущением торжественности, бесконечности», об осенней пожухлой зелени и серых деревеньках, об апрельских проталинах и особо — о тех деньках, когда ясно и свежо дышалось резкой сыростью весны, а «вокруг церкви трещали бураки и шутихи доморощенной «леминации», плечи мои ныли от тяжести шубы — но на душе вместе с воспоминаньями детства проходило что-то хорошее и глубоко грустное». Тут — слова о доме.

Спасское было источником вдохновения. Огляни окрестности: Бежин луг, речка Иста, Малиновая вода, Варнавицы, Кобылий Верх — это из «Записок охотника». Перелистни «Пунина и Бабурина», «Бригадира», «Степного короля Лира», «Рудина», «Накануне», «Дворянское гнездо» — это Спасское. «Дом его показал мне его корни и много объяснил»,— сказал Толстой; и еще: «Его надо показывать в деревне. Он там совсем другой, более мне близкий, хороший человек». И действительно, после Парижа, после Петербурга, после политических встрясок, после окололитературной борьбы и страстей Тургенев оживал, полностью переменялся в Спасском. Он любил здесь свои книги, тишину, скрипучий промятый диван «самосон», портреты предков, выстроившиеся «с выражением сурового испуга на кирпичного цвета лицах» по стенам гостиной, музыку старых английских часов «strike — silent» («бьют — молчат»), и аллеи, и тонкий аромат воздуха под их сводами, и «пестреющую сетку светлых кружков по земле». Он знал здесь всех и вся: и теперь в деревне Голоплеки неподалеку от Спасского живут Овсянниковы, потомки описанного Тургеневым однодворца Овсянникова, и теперь в самом Спасском живут потомки Афанасия Алифанова, изображенного в «Записках охотника» под именем Ермолая; Замятин же, местный уроженец, и вовсе вспоминал: «Бабушка и мать говорили мне, что почти все лица, упоминаемые в «Записках охотника», не выдуманы, а списанные с живых людей... Был Ермолай и даже его Валетка, была, действительно, собака Тургенева Дианка; был Бирюк, которого в лесу убили свои же крестьяне, был Яшка Турченок, сын пленной турчанки. Даже я лично знал одного тургеневского героя, именно Сучка Антона, переименованного барыней Варварой Петровной из Козьмы».

Да и себя-то автор «Бежина луга» начал помнить с неполных пяти лет именно в Спасском, где огромный дом, живущий, как улей, «дворянской, медленной, просторной и мелкой жизнью», наполненный приживалками и челядью, гувернерами и учителями, швейцарами и немцами, доморощенными дядьками и крепостными няньками, казался ему чуть ли не целым городом. Память детства впечатлительна: помещичье самодурство матери, вечный трепет лутовиновской живой собственности — лакеев, горничных, поваров, музыкантов, садовников, безжалостная строгость господ не только к прислуге, но и к собственным детям, когда «драли меня за всякие пустяки, чуть не каждый день»,— все это спрессовалось потом в творчестве в сгусток некой жалости ко всему слабому и беззащитному на земле, и он сам говорил впоследствии, что «раннюю ненависть к рабству и крепостничеству» внушило ему безобразие окружающей среды.

Однако за стенами дома-города среда преображалась. Был манящий, огромный и сумеречный парк с роскошными цветниками, столетними липами, извилистыми тропинками и потаенными местами. За парком же открывалась степь. Он часто увязывался в работу за охотниками и егерями, учился у них распознавать птиц по их пению, различать породы деревьев, названия трав и цветов. Охота «по перу», не роскошная псовая, с доезжачими, но пешая, полевая сделалась его страстью. После университетов, после изучения философии в Берлине, после Швейцарских Альп и Лазурного итальянского берега, после Лондона и Парижа он возвращался сюда — «ж и т ь».

Жизнью было для него писание — главный эффект, апофеоз, кульминация жизни, горение которой требовало «дров», и он брал ружье и один или с Алифановым уходил в охотничью дорогу: на берега Десны, в леса и болота орловского Полесья, в степняки близ Дона и Красивой Мечи. Каждая деревня, каждое охотничье угодье в досягаемости Спасского были ему известны. Он ночевал на сеновалах, в крестьянских избах, бывал в придорожных кабаках, останавливался на постоялых дворах и у обывателей. Он умел вглядываться и запоминать, и ему доверяли и делились с ним самым сокровенным.

Только один период в Спасском был горьким периодом. Ссылка случилась на полтора года, фактически — за «Записки охотника», формально — за статью на смерть Гоголя, напечатанную Тургеневым в обход цензуры: полтора года без права выезжать за пределы губернии, полтора года под надзором специально приставленного полицейского агента. Но какой агент проконтролирует думу, частоту пульса, ритм и дыхание творчества, какой агент подслушает разговор в поле, на извиве лесной тропинки?

Были разговоры, были долгие прогулки, были долгие костры, когда в синь, освещая пугливых и трепетных ночниц, взвивались раскаленные искры: из Киреевки приезжал Петр Киреевский, гостил «полный тезка» Иван Сергеевич Аксаков, читал стихи кавалерийский офицер Афанасий Фет.

Но и после, когда Тургенев возвращался сюда, когда он возвращался сюда работать, это была уже добровольная и сладостная ссылка в мир воспоминаний, фантазий, в музыкальный мир его прозы. Возьмите черновик «Рудина», пометку: «Рудин. Начат 5 июня 1855 г., в воскресенье, в Спасском; кончен 24 июля 1855 г., в воскресенье, там же, в 7 недель»; возьмите его слова о сочиненном в Спасском «Фаусте»: «Фауст был написан на переломе, на повороте жизни — вся душа вспыхнула последним огнем воспоминаний, надежд, молодости...»; возьмите будто спетые здесь же за четыре года и вошедшие в золотой фонд мировой литературы «Накануне», «Отцы и дети», «Дворянское гнездо», на черновике которого опять же отмечено: «Дворянское гнездо», повесть Ивана Тургенева. Задумана в начале 1856-го года; долго очень не принимался за нее, все вертел ее в голове; начал вырабатывать ее летом 1858-го года в Спасском. Кончена в понедельник, 27-го октября 1858-го года в Спасском»,— и вы поймете, чем был для его писательства дом. Заметьте: «вертел» в голове с 1856 года (Париж), а сделал вмиг, на одном дыхании, за три с половиной месяца — в Спасском.

Он владел им с 1850 года, после смерти матери: при разделе наследства уступил брату почти все остальное имущество, дом в Москве, родовое село Тургенево, лучшие земли — только бы осталось Спасское. Потом отпустил на волю всех дворовых, снес флигеля для бурмистра и полиции и сделался почти совсем счастливым.

На исходе жизни он хотел поселиться в благословенном краю насовсем: отделывал дом, ремонтировал хозяйство, в 1881 году последний раз прожил здесь все лето, по словам гостившего у него Е. Гаршина, «не мог и не хотел собраться ни к кому из своих ближайших соседей. Ему больше всего хотелось перед отъездом во всю грудь надышаться воздухом Спасского, его лесов и полей».

Тот отъезд был отъездом навсегда, и нет никакого сомнения, что через полтора года, под Парижем, умирая, он ясно видел под голубым хрустальным куполом неба милую пыльную дорогу, он слышал унылую, прерываемую толчками телеги песню мужика, и вспоминал, и знал наверное, что видел и слышал все это однажды, только въявь, когда писал «Деревню»: «Последний день июня месяца; на тысячу верст кругом Россия — родной край».

Тепло родного очага

Людмила ШАМЕНКОВА



ВИД ИЗ ОКНА

Чуть оглянусь — невольное движенье!
И взгляд плывет по зеркалу прудов,
В котором серебрится отраженье
Шестнадцатиэтажных корпусов.

А справа — неожиданней игрушки,
Какие только могут быть в Москве,
Две луковки побеленной церквушки,
По брови утопающей в листве.

Вдали — бессменный дым теплоцентрали.
Квадраты незастроенных плешин.
И лента бесконечной магистрали
С потоком быстро мчащихся машин.

Дорога, ни на миг не замирая,
Все катит жизнь, как шарики в крови.
Работает страна моя родная
Во имя счастья, мира и любви.

СТОЛ

Любой семьи оплот простой,
О стол, знакомый нам с пеленок.
Квадратный, прочный, раздвижной,
С пятном чернильным на клеенке,
Как не воспеть твою судьбу?
Ты в доме был для всех основой
И молча на своем горбу
Сносил все тяготы столовой.
Семейных драм и сцен пролог,
Ты не был ни пустым, ни легким.
Взвивался над тобой дымок,
Давили горестные локти.
Терпел ты гнет сковороды,
Шипящей салом с вермишелью.
Учили за тобой азы.
Читали речи, пили, ели...
Ты был ядром семейных уз,
И притяженьем, и опорой.
Оплотом бескорыстных дружб,
Платформой бесконечных споров.
Великий труженик родства,
Ты знал величье назначенья:
Покуда стол стоит — жива
У русских сила единенья!
Немного знала я столов,
Больших семей державших силу.
Как не хватало им отцов:
Война кормильцев погубила.
И все ж поверх семейных драм,
И ран, и потрясений личных
Стол возвышался, как плацдарм
Гостеприимного величья.
О, скольких он кормить велел,
Скрепляя душ заблудших узы.
Спасибо, стол, за то, что грел
И был готов к приходу музы!

ОПАРА

Сегодня выпала мне радостная честь
Остаться дома в затрапезной блузке,
Достаться домочадцам и капустке
И от души месить, варить и печь.
О таинство святого ремесла,
Высокий смысл удачного броженья...
Во все глаза глядят из-за угла
Те, для кого мое тестотворенье.
Спешу царить, мне равных нынче нет.
Соперничать со мной никто не станет.
Есть у хозяйки маленький секрет,
И оценить его она заставит.
Творец уюта, бродит сытный дух.
На волю ищет выхода опара.
Ее ворчанье нежно дразнит слух.
Ее дыханье пышет сдобным паром.
На ровный стол, посыпанный мукой,
Моя рука спокойно возлагает
Препышный ком, как будто бы живой,
Он на глазах буквально вырастает.
И я любуюсь тайной сил земных
И предвкушаю радость созиданья.
В потоке света, голосов людских
Передо мной плывут воспоминанья.
Забуду ли целинников почин,
И смену облаков, и путь комбайна?
Я так хочу, чтоб праздник именин
Запомнился как праздник каравая!

ЯБЛОНЬКА

Розовела, юная, в тумане
Летних зорь, вся в капельках росы.
Расцветала от прохлады ранней
И не знала собственной красы.
Пробил час. И шелесты умолкли.
Наступило времечко забот.
И напрягся под листвой укромной
Выпуклый шарообразный плод.

ДОМ ГЕРАСИМА

Машину гонит бензин и гордость.
Тугой приспущен с плеча ремень.
На свете главное вырвать скорость.
Как искру — стуком кремня о кремень.
Забыт тот медленный топот конный,
Качанье томное плавных дней.
А он вот выжил — шестиколонный
Старинный дом среди тополей.
Ободран кем-то до ребер дранки.
Обои — в клочья, в куски — фасад.
Но здесь недаром поют фуганки
И целый день топоры стучат:
«Мы этот дом подновим, украсим,
Колонны шаткие подопрем.
Ведь здесь тургеневский жил Герасим,
И мы не вправе забыть о том».
На стенах нет и следа зарубки.
Все стерло время сухой рукой.
Никто не помнит седой старухи,
Исчез и дворник ее глухой.
А дом остался суфлерской будкой,
Чтоб всем, кто живы, шептать во тьму:
«Гляди и снова читай по буквам
Печаль бесправья, печаль «Муму»...
Так, значит, вздор — про седую старость?
Всего важнее, что тут, в тиши,
Таится светом разлитым жалость,
Великое свойство русской души.
Так сбавьте скорость у стен поместья,
Постойте молча в тени густой.
И все вернется: и даль, и детство,
Река... И слезы — рекой.

ПОЭТЫ

Нам подменять страданье не дано.
Нас не научит боль не нашей боли.
Мы выражаем то, что суждено
Омыть слезами незаемной соли.

Ни повторить чужое, ни принять.
А сердцем вызнать, выведать живое.
И сколько б ни потребовалось ждать,
Нам все поведает пережитое.

ПАРАЛИЧ

Шаги.
Прикован слух к дверям.
Идет его спасенье!
А он лежит, недвижим, прям,
Без речи и движенья.
Присела, бледная, косясь
На бедность одеяла.
Подушку поправлять взялась.
«Ну как ты тут?..» — сказала.
Отец ни слова ей в ответ.
И лишь глаза кричали:
«Один лежу я столько лет,
Что все слова пропали.
За что? — ответь, родная дочь,
Один я тут, в забросе,
Как вещь, что вышвырнули прочь,
Когда ее износят?
Меня приходишь ты кормить,
Кляня свою усталость.
Но лучше вовсе уж не жить,
Чем знать такую жалость!»
Она привычно греет суп.
На стол кладет пакеты.
Отец вершит свой страшный суд,
Да только нет ответа.

39 НОЯБРЯ

На маркировке российского сыра,
Оттиском слабым рябя,
Цифра — как знак суверенного мира —
«39 ноября».
Знаю, такого числа не бывает.
Там, где нет времени, просто темно.
Но отпечатанный знак убеждает
В чем-то таком, что почти суждено.
А хорошо бы скорлупку проклюнуть
И за пределы пролезть!
Может быть, в том, что ошибся компьютер,
Некая тайна вселенская есть?
Вдруг в самом деле возможно такое?
Сбудется, щедро меня одаря
Свежестью чувств и частицей покоя,
39 ноября!

ЛИСТ ГОРОДСКОЙ

Ветер гонит ссохшийся листок
За Рогожскую заставу, за Рогожу.
И шуршит закрученный листок
И об камень раздирает рожу.
Бедный-бедный, рос он в гуще стен,
Где чадит промышленная зона.
Верный долгу, он не знал измен,
Копоть ел, а нас поил озоном.
Вот и все. Теперь он отрывной.
Мчится, мчится вдоль по парапету.
Ты куда, красивый, золотой?
Ведь еще не срок ссыхаться лету!

ПРЯХА

Распутывать кудель Галактики
Мне в этой жизни суждено.
О небо, будь со мной поласковей.
Вертись, мое веретено.

Как все на свете перепутано.
Начал-концов не различить.
Метелью хаоса окутана,
Одну поймать пытаюсь нить.

И так от вечера до вечера
Распутываю дней руно.
Бежит, бежит движенье вечное.
Жужжит мое веретено...



Братья Симоновичи — ударное звено.

Ни дня без авиации



ОСЕНЬ ЗА ОКОЙ

*** Будни поймы * Овощной конвейер радует * Молодые специалисты пришлись ко двору.**

урожай-83

Фоторепортаж И. ТУНКЕЛЯ

Дальнее Подмосковье, зеленые окрестности Серпухова. Места песенные, живописные, радующие глаз и душу. Распахнулись дали — поля, поля, а за светлыми опушками — высоченные леса. Рядом научно-заповедное Пущино. Под бегущим асфальтом — тракт, по которому не раз ходил с посохом Л. Н. Толстой. Шоссе пересекает тихая трудолюбивая Ока со знаменитой своей поймой, тесно заселенной овощными культурами — мир прихотливый и в эту пору особенно зрелищный. Нынче как-то незаметно на смену августу пришел сентябрь. Позднее лето задержалось, давая время управиться с урожаем. Солнечной сухой погодой все селяне дорожат, но особенно овощеводы. Продукция их плантаций и без того всегда тяжела, а коли еще и дожди настигнут...

В совхозе «Заокский» одна ударная неделя сменяет другую — страда. Почти два десятка овощных культур, ассортимент богатый и ко многому обязывает. Конвейер «пойма — Москва» действует не один месяц. Сошли ранние овощи — навалилось время поздних. «Возами» пошла морковь, там и тут вдоль Оки курганы свеклы. И, конечно, капуста — барыня! Высоченные ее пирамиды как апофеоз труда, символ щедрой осени.

В «Заокском» немало людей достойных, чье мастерство и трудолюбие — надежный источник совхозной прибыли. Подмосковью известно имя бригадира овощеводов Героя Социалистического Труда А. И. Рыбаковой. А рядом с этой великой труженицей, за последнее время выросли иные овощных дел мастера. Десять лет возглавляет бригаду агроном Любовь Николаевна Дудина, гордость известного совхоза. Агроном — бригадир? Да, в наше время усложненной технологии только специалист, оснащенный глубокими знаниями и практическим опытом, может взять от земли, от сорта все, на что они способны. А требования к овощеводам растут с каждым сезоном соответственно нашим в городе потребностям. Повышение производительности труда становится главной целью коллектива, должна она обгонять в своем росте оплату труда.

Директор «Заокского» Евгений Сергеевич Арсеньев — специалист опытный, окончил Тимирязевку и вот уже три года возглавляет крупное, многоотраслевое, хорошо известное в столичной области хозяйство. Ведь тут, кроме богатства поймы, занявшей более семисот сорока гектаров, еще и большая хлебная нива, а на приокских лугах много скота, три тысячи коров. Дело спорится. Пшеница уродилась, и овощей вырастили в среднем по шестьсот пятьдесят центнеров с гектара. Сорок тысяч тонн овощей в год продает «Заокский». И первое слово благодарности — людям труда, таким, как бригадиры А. И. Рыбакова и Л. Н. Дудина, как братья Симоновичи — комбайнер Евгений Иванович, его помощник Геннадий и шофер Станислав.

Живет в Подмоклове славная семья Зининых — Владимир и Наташа. Оба молоды, оба агрономы, вместе приехали три осени назад в совхоз после окончания Тимирязевки. Теперь Владимир Иванович — управляющий, возглавляет совхозное отделение, а жена — агроном по овощным культурам. Работают рядом, и дело у них ладится... Главное — любят село. Молодежь очень нужна совхозу, но и молодым, начинающим рабочим и специалистам, у которых все еще впереди, без помощи совхоза, устоявшегося коллектива и его традиций не прожить. Жизнь на селе — в Липицах ли, в Подмоклове ли, еще ли где — жизнь особая, со своим трудовым ритмом, своим режимом дня. Она требует от человека, решившегося расстаться с городом и его удобствами, особой выдержки, умения найти себя, вписаться в мир, где сегодня стоит вёдро, а завтра зачастят дожди, загудят метели...

Ни дня легкого, ни дня вхолостую. Деревенский год насыщен — таким он был всегда, таким он и остался в наш век механизации и промышленных технологий на земле и на фермах. И только Ока все такая же тихая и ласковая, и только березы все такие же, как в старых песнях. А возле них молодые образованные люди, нашедшие себя. Как Зинины. Те, кто вернулся к деревьям и реке из города. Вернулся здесь жить. Жить рядом с дорогой в Пущино и Поленово, а там и в Ясную Поляну. Хорошая дорога.

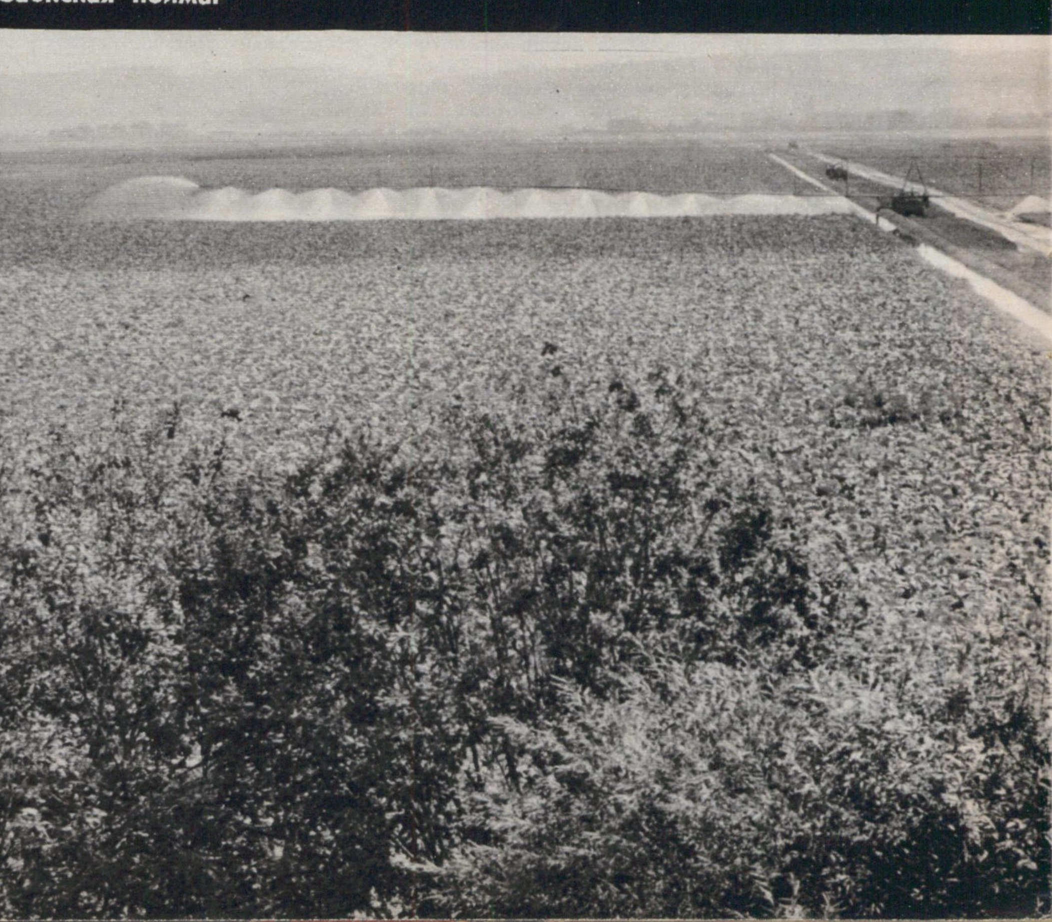
Н. БЫКОВ

Московская область.

На току.



Татьяна Павловна Пикушина и ее «воспитанник».



Заокская пойма.

Долгое лето — много молока.



Бригада Любови Николаевны Дудиной (вторая слева).



ДРУГИЕ И МШАРОВ



В центре романа Николая Кузьмина «Приговор» — драма крупного, цельного человека, все более отстающего от времени.

Время это — вторая половина минувшего десятилетия. Место действия — один из коренных, исконно сельских районов Нечерноземья. Главная проблема — цели и методы руководства хозяйством и людьми.

Сюжетная схема романа держится на «трех китах» — на судьбах трех колхозов. Все они весьма типичны.

Два колхоза бедные, один — богатый, маяк области. В «Луче» и «Красном пахаре» невесть сколько перебывало председателей. Были среди них и толковые, с головой — Малкин, например. Он хотел вести дело по-хозяйски, ставил во главу угла не «галочки» показателей, а урожай, но не смог противостоять напору руководящих любителей парадных отчетов. Нынешний председатель «Луча» почел за благо первым браться за всякого рода громкие начинания, но не дает себе труда осуществлять их.

Пришедший в «Красный пахарь» Сафонов — «тридцатитысячник», думающий специалист, мечтающий поставить хозяйство на твердые экономические рельсы, заинтересовать колхозников и материально и создать им подобающие, близкие к городским условия работы и быта. Но он действует не так прямолинейно, как тот же Малкин. Когда жизнь заставляет, он способен и «сманеврировать» и словчить. Делает это Сафонов без всякой личной выгоды, для пользы дела, отчетливо сознавая, что подобные средства не соответствуют его высоким целям, но реальность остается реальностью, и писатель не обходит острые углы. Наоборот, и в этом образе и вообще в романе Н. Кузьмин старается выявить противоречивость жизни, не замалчивает, не приукрашивает теневые стороны действительности. Стоит вспомнить такой удавшийся писателю образ, как личность заведующего райсельхозотделом Барикова — человека, вкусившего от благ власти, приспособившегося до поры до времени поспевать за новыми веяниями, сделавшегося «политиком» местного масштаба, в заботах не утратить достигнутого положения.

Но наиболее колоритная фигура книги — Мшаров, председатель «Прогресса». Если многие другие персонажи романа (в том числе и вышеназванные, и молодой секретарь райкома Ивакин, которому досталось распутывать узлы самых разнообразных проблем в Полянском районе) чаще всего выступают просто носителями тех или иных идей и действий, то Федор Иванович Мшаров — живой, запоминающийся характер.

Главное его стремление с первых дней революции, с первых лет коллективизации — построить своим односельчанам новую, светлую, зажиточную жизнь. И у Мшарова хватило воли и энергии, здравого смысла и непокорности, чтобы в тяжкие военные и послевоенные годы разруха не задавила родное Князево. Властный, самолюбивый, с настоящей крестьянской сметкой, с бережливостью, переходящей в прижимистость, но и с огромной верой в силу коллективного хозяйствования на земле, Мшаров в дальнейшем вывел «Прогресс» в передовики, и совместная слава колхоза и его председателя сделалась решающим фундаментом, на котором покоилось благополучие князевцев.

Покоилось... А той порой подступило новое, беспокойное время, когда стало невозможно жить заботой лишь своего «Прогресса», прогресс должен был прийти и к соседям Мшарова. Но Федор Иванович где-то не понимал этой необходимости, где-то не хотел замечать ее. В происходящем вокруг, в начинаниях других он видел прежде всего покушение на собственный авторитет, который незаметно сделался для него чуть ли не иконой.

Сладкая привычка жить в почете и быть примером толкает Мшарова на обман и преступление. Умный председатель, честный человек, он полностью сознает, что творит: «Стрелять нас надо. Люди в городе от нас ждут масла, а мы — нате вам!» — но на первых порах страх уступить первенство, тем более осознать себя «перестарком» оказывается куда сильнее. Однако постепенно гнетущие думы завладевают Мшаровым: «Не так я что-то жить стал. Всяк спотыкаться начал об меня...»

Писатель несколько назидательно строит заключительные главы романа, в которых сначала раскаяние настигает Мшарова, а затем еще и героическая смерть венчает пройденный им путь. Жизнь, пожалуй, сложнее и, думается, беспощаднее. Недаром название книги звучит сурово — «Приговор». Роман Николая Кузьмина говорит о сложных жизненных коллизиях без излишних пережимов, но твердо.

Д. ИВАНОВ

Николай Кузьмин. Приговор. М., «Современник», 1983, 351 с.

СУДЬБУ КУЕТ ХАРАКТЕР



Общность путей и неповторимость судеб, поиск места под солнцем и поиск большого дела, обретение своей дороги и осознание неповторимости собственной единственной жизни, проживаемой, увы, не вчерне, а, как это ни горько, всегда только набело,— так бы я определил главную авторскую мысль в романе Виктора Пронина «Особые условия».

Впрочем, такие ли они особые, условия, о которых идет речь? Действительно, труд героев нелегок: им приходится тянуть нефтепровод по дну бурного, коварного Пролива. Жизнь их тоже трудна — они оторваны от Материка; здесь минимум развлечений и удобств, максимум неудобств и неустроенности, много «бичей», искателей длинного рубля... Слов нет, обстоятельства, в которых вынуждены действовать герои В. Пронина, бывают даже критическими. Налетел тайфун — и прячься от него, где хочешь. Жизнь замирает, работать нельзя. Больше того, тайфун в считанные минуты может перечеркнуть большую долю твоего труда. Так, впрочем, и случилось: согнул он в дугу около двух километров стальной трубы нефтепровода. Теперь разрезай ее под водой, вынимай малыми долями. А сроки уходят, страна ждет нефть...

Ну, а на других стройках разве нет своих тайфунов? Их зловещую роль может сыграть половодье, удар молнии, иссушающий зной, затяжной дождь, оползень... Строек много, страна у нас большая, и суровых климатических испытаний для строителей предостаточно. И потому не это главный объект писательского внимания. Тайфун и то, что он наворочал, больше всего занимает в романе лишь двух человек — начальника строительства Панюшкина и журналиста местного масштаба Ливнева. Первого это волнует, что называется, по сути — как быстрее справиться с последствиями, с тем, что не удалось предусмотреть, чему люди были бессильны что-либо противопоставить. Второго будоражит именно момент преодоления трудностей, момент риска, работы на грани возможного, чтобы описать это в очерке или статье...

Итак, на Остров, на строительство нефтепровода летит комиссия, летит разобраться: удастся ли закончить строительство в определенные правительством сроки? Способно ли нынешнее руководство обеспечить выполнение плана?

Мотивы действий и поступков, поведения каждого из персонажей перед лицом комиссии, перед делом, которое надо завершать, перед тайфуном, который спутал все карты, перед собственной совестью, наконец — вот что особенно занимает автора. Производственный по всем привычным параметрам роман стал романом психологическим.

Особые условия... Один ищет их, особо трудных условий, чтобы испытать себя на прочность, чтобы иметь в жизни свой Остров, свой Пролив, встать лицом к лицу со своим тайфуном и оставить на отчей земле такой добротный автограф, как нефтепровод. Другой ссылается на эти особые условия, чтобы оправдать ими свою созидательную бездарность или социальную безликость, творческую бездеятельность или техническую безграмотность... Третий ищет в них причину своей нравственной несостоятельности... Это лишь одна из линий романа, но она наиболее важна.

Поступить по совести или поступиться совестью? Что это значит для каждого в сложившейся ситуации? Почему для иных предпочтительнее не позиция, а поза? Полюса обнажаются далеко не сразу, хотя и с первых страниц романа мы видим, что на Острове живут свои подвижники и свои паразиты. Всем строем книги автор заставляет задуматься о чувстве социальной справедливости, о том, что растить в себе это животворное чувство — основу личного счастья, которое уже не разминется с общим нашим счастьем, очень нужно и, главное, никогда не поздно.

Леонид ХАНБЕКОВ

Виктор Пронин. Особые условия. Роман. М., «Московский рабочий», 1982. 336 с.



У настоящего поэта его судьба — все то, что пережито и прочувствовано, чего не выдумать никакой фантазии,— слита с творчеством. Эти слова с полным правом можно отнести и к Александру Филатову, сказавшему однажды о себе так:

Широк семьи рабочей круг
И светел, как родник.
Я многих сын, я многих внук
И многих ученик.
Творцы металла и огня

К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. Ф. ФИЛАТОВА

СЫН СЕМЬИ РАБОЧЕЙ

От всех невзгод — броня.
Она большая у меня,
Прекрасная родня.

В этом искреннем и гордом признании все — правда и все — поэзия, ибо оно прозвучало в устах человека, которому коммуна пионеров, а потом коллектив московского завода «Серп и Молот» заменили рано умерших родителей.

Юный Александр Филатов был делегатом Первого съезда советских писателей и даже выступал с его высокой трибуны, призывая вслед за шахтером Никитой Изотовым мастеров слова «помогать молодым, как помогают лучшие производственники своим ученикам». Молодого поэта вдохновляла мысль Горького: где рабочий класс — там жизнь, а где жизнь — там всегда поэзия.

Этому обету А. Ф. Филатов остается верен на протяжении всего творческого пути, начиная с первого стихотворения «Ударник», опубликованного в «Пионерской правде» в 1929 году, до недавно написанной поэмы «Оценка маршала», посвященной выдающемуся советскому полководцу Г. К. Жукову.

Поэзия Александра Филатова глубоко народна и партийна, она росла на крутых перепутьях эпохи, вобрала в себя не только резкие, контрастные краски, но и дух самого времени. Достаточно вспомнить автобиографическую поэму «Рождение имени», эту своеобразную повесть не только о судьбе одиннадцатилетнего сироты, но и о молодой Республике Советов, ставшей для него матерью. Сколько в этом произведении человеческой теплоты, сколько веры в торжество справедливости.

Делом подтверждая свои принципы, высказанные на Первом съезде советских писателей, Александр Филатов уже несколько десятилетий руководит литературным объединением «Вальцовка», работающим на его родном заводе. Шестнадцать его питомцев, выходцев из рабочей среды, стали профессиональными писателями, среди них М. Рощин, Ю. Прокушев, Г. Люшнин, М. Скороходов, В. Мальми...

Александр Филатов издал семнадцать книг, из которых особенно выделяются его итоговые сборники с точными и афористичными названиями: «Прекрасное — в людях», «Перед лицом времени».

Поэт честно смотрит в лицо времени, он остается верным певцом рабочей семьи и никогда не покривил душою перед ней.

Владимир ДЕМИДОВ



С. Оссовский. РЫБАКИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА.

Выставка дипломных работ выпускников Художественного института имени В. И. Сурикова.



С. Присекин. КТО С МЕЧОМ К НАМ ВОЙДЕТ, ОТ МЕЧА И ПОГИБНЕТ.



Выставка дипломных работ выпускников Художественного института имени В. И. Сурикова.



Хоанг Тан Хынгт (Вьетнам). КАЧЕЛИ.

Выставка дипломных работ выпускников Художественного института имени В. И. Сурикова.

КУРИНЫЙ БОГ

Валерий ПОВОЛЯЕВ

РАССКАЗ

Рисунки Е. ШУКАЕВА

Вика и Тамара долго хохотали. Когда они кончили смеяться, Каштанов, желая развлечь чем-нибудь дам, предложил им одну «бумажную игру».

Раз игра «бумажная», значит, нужна бумага — бумага имелась, а вот чем писать не было, и тогда Каштанов отыскал в мокром прибое хорошо оглаженный водой красно-черный камешек, именуемый полинезийцем, и, посмотрев на виднеющийся невдалеке Дом творчества писателей, молвил: «Сейчас я мастерам пера и чернильницы составлю конкуренцию». Сел сочинять.

— Первоначальный текст я нарисую очень простой,— пробормотал он,— а дальше мы будем его улучшать. Поработаем вместе... Идет?

Текст он написал действительно простой. «На пляже сидели две девушки, Вика и Тамара, привлекая внимание трудящихся. Люди не могли оставить их в покое. Первым клюнул человек по имени Валера, хотел рассказать разные разности. Но у него ничего не получилось. Через несколько дней подсел человек в кепке и голосом в себя начал читать журнал. Шумела волна, разговаривали люди. Я поднялся и прогнал нахала. Потом мы пошли купаться в море».

— Ну, что получилось у конкурента?— спросила Вика.— Прочитай.

— Через десять минут прочитаю.— Увидев недоуменный взгляд Вики, Каштанов пояснил: — Таковы условия игры. Значит, вот... От вас требуется только называть прилагательные. Какие угодно — «серый», «каменный», «небесный», «мясной», «чумазый»,— что родится в голове, то и называйте. А я буду эти прилагательные вставлять в текст.

— Произвольно, как вздумается или строго по очереди?— спросила неугомонная Вика.

— Строго по очереди.

— Хорошо,— включилась в разговор Тамара, она быстро поняла суть игры.— Пиши: мерзкий.

— Записал. «Мерзкий»... Вика!

— Скучнейший.

— Так. Тамара!

— Твердокаменный.

— Вика!

— Глупый.

— Тамара!

— Лиловый.

— Вика!

— Серовато-голубой.

Эти прилагательные Каштанов, как и обещал, время от времени прыская, словно ребенок, в кулак, вставлял в текст, крутил головой, роняя из глаз слёзы, предвкушая реакцию девушек. Потом поднял руку в тормозящем жесте: стоп! Прочитал текст — голый, без добавленных прилагательных, затем обнажил частые влажные зубы в ослепительной улыбке.

— А теперь я прочитаю, что получилось после совместной работы. Слушайте. «На мерзком скучнейшем пляже сидели две твердокаменные глупые девушки Вика и Тамара, привлекая лиловое внимание трудящихся. Серовато-голубые люди не могли оставить их в покое. Первым клюнул ароматный кривозубый человек по имени Валера...» Смех Вики и Тамары прозвучал для Каштанова как серебряная песня трубы, возвестившей о приходе на землю вечного блаженства, эпохи всеобщего счастья, когда человека радует и серый, не ко времени пролившийся на землю дождик, и тропа, вытоптанная диким зверем, по которой опасно ходить без двустволки, заряженной свинцовыми жаканами, и раскуроченные ветром гнезда, брошенные птицами за ненадобностью,— человеку отныне станет неведомо состояние душевного беспокойства, грусти, щемящей тоски по былому, страха перед надвигающейся неизвестностью, перед старостью.

В груди у него то сжимался, то, напротив, отмякал, становясь почти неощущаемым, невидимым, неслышимым, напоминая о себе лишь щемленьем, ком сладкой боли, щенячьего восторга, чего-то очень ранимого, хорошо знакомого с поры первого, еще школярского увлечения, когда он влюбился в учительницу, по лицу медленно и едва приметно проползали тени — то светлые, то темные, в зависимости от того, как вел себя ком в груди. Он чувствовал, что любит этих женщин, обеих сразу, и без них нет у него больше жизни — если что-либо случится и они исчезнут с его горизонта, он застрелится. Застрелится, вот ведь как,— и это серьезно.

Попадания в тексте были неожиданными, такую неожиданность может родить только случайность, и потому очень смешными.

Каштанов рад был, что затеял «бумажную игру». Псевдофранцуз получился в тексте «одноглазым и духовитым», кепка «чистой, одышливой», журнал «вонючим, жилистым», волна «лысой», нахал «робко-странным», а море — ему Каштанов дал четыре эпитета, вот сколько сразу,— «писклявым, серо-буро-малиновым, тряпичным и «айвазовским» — по наименованию местной минеральной воды, очень похожей на «боржоми» и которую, как и «боржоми», здесь трудно достать.

— А что, «чистая кепка» — это хорошо!— воскликнула Вика.— Давайте мы этого прохиндея звать Чистой Кепкой.

— Определение «чистая кепка» — качественное, по которому можно делать выводы. И оно, естественно, подразумевает, что все остальное у этого мэна грязное? Так?— Тамара внимательно посмотрела на Вику. Она была много медлительнее своей подруги — чувствовалась северная кровь, но в сообразительности, в точности мозговых решений ничуть не уступала Вике.

— А ты разве не видела, что это за... как ты изволила выразиться? Мэн?

— В следующий раз, если он еще к вам подсядет со своим... —Каштанов взглянул в строки «бумажной игры»,— пардон, вонючим и жилистым журнальчиком, то улетит отсюда в сторону Турции, в нейтральные воды. По дороге будет считать, сколько зубов у него выпало, а сколько осталось.

Имелся и другой человек в Коктебеле, не менее примечательный, чем Чистая Кепка. По кличке Жилет. В тридцатипятиградусную жару он приходил на пляж в строгом коричневом костюме-тройке, тщательно отутюженном, сшитом из толстой зимней ткани, в травянисто-зеленой рубашке, в распахе воротника которой бугрился толстый узел шерстяного галстука-самовяза. У него были длинные курчавые бакенбарды — баки — неопределенного выгоревшего цвета, полупрозрачные, полусоломенные, полуседые, полубогзнаеткакие, которые он холил и расчесывал маленьким костяным гребешком, примечательными были и глаза, выпуклые, яркого голубого цвета, круглые, как пуговицы, с красными нитками кровяных прожилок.

Вид он имел директорский и на пляжи, где необходимы были пропуска — вход на пляжи Дома творчества писателей, «пенсионата», некоторых других, говоря газетным языком, здравниц, осуществлялся только по пропускам,— он шел без всякой бумаги, важным видом своим демонстрируя, что идет государственный человек. Бабули — охранницы пляжей, обычно крикливые и наглые, робели перед ним, будто куры, бочком-бочком отодвигались в сторону, освобождая воротца, да еще, случалось, кланялись низко, потом, трусовато поджав губы, смотрели ему вслед, гадая, что же это за высокий чин свалился на их голову.

Этот же метод «высокий чин» использовал и в общении с девушками. И, случалось, успешно.

Он довольно долго ходил кругами возле Вики и Тамары, но Каштанов каждый раз предугадывал его намерения и мгновенно принимал боевую позу. Жилет, зная, что это такое — боевая поза,— всякий раз поспешно ретировался. В общем, Жилет даже не смог познакомиться с каштановскими приятельницами, хотя попыток сделать это предпринимал много.

Вечерами, сидя на крохотной уютной веранде дома, резались в «южноирландский вист», иногда в «бумажную игру», в прилагательные, любовались глубоким пологом неба, сплошь усыпанным бриллиантовыми сверкушками, слушали надрывно-звонкое, долгое пение цикад, доносившееся из густоты черных деревьев.

— Скажите, когда вы у себя дома, в Москве, неожиданно по телевизору видите море, гальку на пляже, пальмы, впаянные в асфальт набережной, пену, взбитую водой, является ли все это символом юга? Хотя бы условным, а?— спрашивал Каштанов у своих приятельниц.

— Условным символом — да,— первой откликалась на вопрос Вика.— Но ведь любой символ требует реалий, подтверждения жизни, он, как рубль, должен быть обеспечен золотом.

— А для меня не является даже условным символом. Но я всегда вспоминаю море и начинаю тосковать по югу, когда слышу звук цикад. Цикады — это жаркая ночь, крупные звезды над головой. Цикады — это воспоминание о лучших днях юга.

— Ты чудный у нас, ты хороший,— это встревала в разговор Тамара, улыбалась медленно, открыто, откидывала назад волосы.

— Прислушайтесь, прочувствуйте до конца песню цикад.— Каштанов, словно соловей в весеннюю пору, сидящий на ветке, не слышал даже собственных слов, он словно бы глохнул в эти минуты.— Какая она тоскливая и хмельная, щемящая, звонкая, бесконечная. До самого рассвета будут греметь цикады, солнышка ожидать. Им страшно в темноте и очень одиноко, хотя их и много, а все равно одиноко. Вот они и подбадривают себя песней.

— Но юг, увы,— это не трусость, юг — это смелость,— говорила Тамара.

— Нет, вы послушайте, девушки-девчонки, сколько цикад в Коктебеле, как славно и прекрасно они поют!— шептал оглохший Каштанов, облизывал сухие губы, вслушиваясь в звуки ночи.

Ночью в Коктебеле всегда бывает много комаров. Комары здешние злые, бьют человека с лета, будто пикировщики, без привычного писка и предварительного прицеливания. Вика и Каштанов дергались, если слышали комариный гуд, начинали носиться по домику, хлопая свернутыми вчетверо газетами по стенам и уничтожая злодеев. Тамару комары не кусали — кровь у нее «несладкой» была, как она сама выразилась.

— Комары живут всего семь или восемь часов и многие из них погибают, так и не успев ни разу насытиться. Бедняги. Не жалко их вам?— спрашивала она сердобольным голосом.

Окончание. См. «Огонек» №№ 35, 36.

— Откуда такая жалость? И слово какое: насытиться,— усмехалась Вика.— Выпить, вот чего не успевают кровососы сделать. И слава богу!— с силой била газетной скруткой по стенке, уничтожая очередного длинноносого злодея, только что севшего на «аэродром» и сдвоившего свои темно-коричневые прозрачные крылышки.— Помогай! Не будешь помогать, и тебя побьем.

В Подмосковье, например, таких комаров — с тараканьими крылышками — нет, а здесь водятся. И в количестве предостаточном.

Начиналась веселая кутерьма — погоня за комарами, где каждый норовил прыгнуть как можно выше, чтобы сбить злодея с потолка, распластать на раме окна или дверце тусклобокого старого шкафа, тоскливо скрипящего по ночам,— видно, жалуется дедушка на годы и ревматизм, вон как ноет старикан, даже свиристенье цикад заглушает, требует, чтобы люди выслушали его, вняли мольбе,— перебив гадов, все трое дружно валились на постель и выключали свет.

Но потом Вика в эту справедливую борьбу, в битье комаров, ввела некую рационализацию.

Когда Каштанов сделал в очередной раз из газет скрутки-хлопалки, Вика с торжественным видом подняла руку, махнула ладонью, отметая примитивное оружие.

— В век научно-технической революции этот процесс надо обязательно осовременить,— проговорила она звонко и, поймав недоуменный взгляд Каштанова, рассмеялась.— Не надо смотреть на меня, как новобранец на ефрейтора. Поменьше удивленных круглых глаз. Слушайте приказ, подчиненные,— срочно топайте к хозяйке и возьмите у нее пылесос. Непонятно? Ай-ай-ай... Повторяю отчетливо, по слогам: пы-ле-сос.

Пожав плечами — он так и не понял, в чем дело, Тамара тоже не поняла,— Каштанов один сходил к хозяйке, принес новенький, остро пахнущий лаком и резиной пылесос с длинным, похожим на пожарную кишку ребристым шлангом. Конец шланга был увенчан пластмассовым раструбом-хоботом.

Вика воткнула провод пылесоса в розетку, взялась пальцами за выключатель.

— Внимание!— произнесла она.— Вы присутствуете при исторических испытаниях механизма, который откроет новую эру в борьбе с кровожадными насекомыми.

Пылесос зажужжал тихо, звук был каким-то сальным, смазанным — одно слово, новая машина, работает на все пять, словно часы. Вика подняла раструб над головой, поднесла к окну, где на верхнем стекле, не успев еще разобраться, что к чему, сидели штук тридцать голодных комаров. Было видно, как комары напрягли свои худые полупрозрачные тельца, запрядали тараканьими крылышками, но куда там — неведомая сила оторвала их от стекла, перевернула тонюсенькими лапками вверх, и в следующий миг неудачливые едоки оказались в урчащем чреве пылесоса.

Их собратья, густо набившиеся в комнату, сидящие на стенах, потолке, шкафу, заволновались, встревоженные гибелью «однополчан» — что, может, комары мыслящие существа? — с тонким звоном взметнулись в воздух, творя прыжки, зигзаги. Вика повела раструбом по воздуху, добавила оборотов, и комары дружной толпой ринулись в черный провал пластмассового хобота.

Через минуту в комнате не было ни одного кровососа. Каштанов захлопал в ладони, швырнул свернутые из газет мухобойки, а точнее, комаробойки, на пол, отпихнул от себя ногой.

— Браво, Вика, браво!— вскричал он.

Вика подняла брови, выключила пылесос, заткнула раструб газетной пробкой.

— Представление окончено. Повторный сеанс — завтра, в это же время.

Несколько раз, идя на пляж, Каштанов останавливался около бабки — командирши квасной бочки, торгующей портвейном, та окидывала его грозным орлиным оком, воинственно выпячивала нижнюю челюсть,— видно, знала о раздоре Каштанова с Валерой Ордынским, иначе с чего бы ей черные тучи на собственный лик нагонять? — отворачивалась от Каштанова, и он, внезапно впадая в робость, чувствуя смущение, окропленный пóтом, врубал третью скорость и несся к своим славным спутницам.

Любое начало есть преддверие конца.

Каштанов с вполне объяснимой тоской думал, что скоро наступит день, когда придется складывать манатки и уезжать назад, в Москву. Из лета — в промозглую осень, в дождь, в холод. Каждый раз, отбывая с юга, он обязательно попадал в осень, в мозглую, пробивающую до костей погоду, когда с неба сыплется пыль — не пыль, водяная крошка — не крошка, словом, что-то нудное, противное, липкое, и щемящие мысли приходят тогда в голову, и до смерти, до слезных спазм бывает охота снова вернуться в тепло, в солнце, в южную благодать.

Даже мысли о пенсии возникают в таких случаях. Ох, и здорово же это — пойти на пенсию. Быть хозяином положения: хочешь — работай, хочешь — отдыхай, собирай грибы, купайся в море, слушай, как соловьи поют. Э-э-эх!

Однажды Каштанов пришел на пляж очень рано — в Коктебеле стало многолюдно, и надо было лежаки получше занять. И чтоб место «стратегическим» было — недалеко от воды, тогда нежарко загорать, солнце не обжигает. Улегся и не заметил даже, как поблизости устроился на одном из лежаков худой грустный человек, похожий на грузина-неудачника. Тот самый сосед, любитель пофилософствовать.

Очнулся Каштанов от вопроса:

— Как ваши дела, молодой человек?

— Ну что вам сказать?— замялся Каштанов.— Идут потихоньку.

— Я смотрю, у вас две дамы...

Каштанов ощутил, как в нем рождается злость. Да, две дамы! Ну и что? Он едва сдержался, чтобы не сказать резкость. Проговорил нехотя:

— Старых знакомых повстречал.

Грузиноподобный человек усмехнулся.

— Вы ничего не слышали о психологической модели катастроф?

— Нет.

— Разработана такая. Крупные социологи занимались этим. Психологическая модель катастроф следующая: когда в одном самолете, поезде, машине собирается наибольшее количество людей, которым уготован один и тот же конец, одна судьба, обязательно происходит авария. Кто-то невидимый, могущественный очень внимательно следит за исполнением приговора и никому из обреченных не дает уйти от рока. Людей же, случайно попавших в передрягу, старается вывести из-под удара. Судьба есть судьба, от нее не спрячешься.

— Собственно, к чему вы все это говорите?— сухим напряженным голосом поинтересовался Каштанов, неожиданно ощутив противный, куриный какой-то испуг.

Собеседник, не отвечая, устроился поудобнее на лежаке, вздернул большой крючковатый нос, унылый какой-то, пористый, совсем не орлиный, как, следуя привычному литературному штампу, часто определяют такие носы, а бакланий. Втянул в себя сыроватый морской воздух. Выдохнул, пожал плечами.

— Так... Ни к чему.

Больше он с Каштановым не разговаривал.

Шли чередой очень похожие друг на друга дни, жаркие, однообразные. Каштанов и его спутницы приобрели самый настоящий африканский загар — густой, лаковый, при котором лишь зубы, глаза, разъемы пальцев и ступни ног остаются белыми. Вика иногда с откровенным интересом смотрела на себя в зеркало, задиристо вздергивала подбородок, подмигивала отражению:

— А ничего девочка! В Москве, пожалуй, никто не узнает. Хор-рош загар!

И вот наконец наступил день отъезда. Хотя с билетами было трудно, у касс выстраивались километровые очереди, а отходящие феодосийские поезда пассажиры вообще брали штурмом, с воплями, рычанием и криками «Ура!», Каштанов-таки добыл четыре билета в вагон СВ — единственный в поезде номер семьдесят, Феодосия — Москва. Один билет был лишним, но Каштанов специально купил его. Чтобы два купе полностью принадлежали ему. Ему и Вике с Тамарой. Чтобы больше никого в купе не было. Никого из посторонних.

Нельзя сказать, что, глядя из окна своего низенького пузатого вагона (вагоны СВ отличаются от всех остальных, мягких, купейных, общих, жестких, и формой и размером) на феодосийский перрон, на мечущихся людей, плачущих детишек, слыша отчаянные вскрики людей, Каштанов испытывал бы угрызения совести. Нет. В нем поселилось некое каменное спокойствие, твердая уверенность в правоте того, что он делал, в правоте собственного существования, в конце концов. Поэтому он был спокоен и равнодушен.

Купе в вагонах СВ хоть узенькие и тесные, но имеют необходимый набор жизненных удобств — тут есть и умывальник, и бар, и небольшой гардероб, и ящики для продуктов и посуды, и полка для чемоданов; словом, каждое купе — это маленькая квартирка.

Каштанов достал из портфеля две бутылки хорошего красного шампанского завода «Золотая балка», достал груши и персики, прочий припас, приготовленный им на прощание хозяйкой домика, где они жили, разложил на откидном столике.

Проверил одну «квартирку», другую. Остался доволен — купе были чистыми, ухоженными, видно, проводница следила за вагоном, как за собственным жильем, протирала каждую детальку, каждую медную или алюминиевую сверкушку, «блюла и холила этот сарай», как выразился бы бывший пляжный приятель Валера Ордынский. Кстати, Ордынский возвращался в Москву этим же поездом: Каштанов видел, как тот, раздобревший на южных фруктах (а еще говорят, что от фруктов не полнеют), коричневый, с лоснящимся, облезшим носом, уверенно двигался в толпе. У Каштанова даже сердце екнуло: а вдруг Валера будет сейчас садиться в их вагон, в СВ, но нет, не съел телятя волка — Ордынский проследовал по перрону дальше, в голову поезда, где располагались обычные, купированные вагоны.

Каштанов излишне бодро хлопнул одной ладонью о другую, растер, шумно втянул ноздрями воздух — он будто бы принюхивался, пахнет порохом или нет, посмотрел на своих спутниц:

— В первом купе у нас будет жилой дом, тут мы будем жить, во втором купе — клуб. Сюда будем в гости наведываться. Здесь будут проходить политические дебаты, игра в рулетку, обсуждение футбольных баталий, танцы, парады модных фасонов одежды, и те дэ, и те пэ...

Первой улыбнулась Вика — необычно тихо, задумчиво, что было совсем не в ее характере. Потом Тамара. У Тамары была не только замедленная реакция, имелось и другое: Каштанов не раз видел, как она бывает погружена в себя, словно в некий душевный кокон, в котором ей тепло и хорошо, и извлечь ее из этого кокона бывает сложно — на призыв она отзывается лишь далекой медленной улыбкой, и все. Нужны встряска, взрыв, чтобы Тамара проснулась, сбросила с себя некое покрывало, сонную заторможенность, сделалась гибкой, чувственной, реагирующей на любое слово и любой жест, раскрылась, как раскрывается цветок под действием тепла. Каштанов знал и такую Тамару.

Он в последние дни много задумывался над своей судьбой, над будущим: как ему быть в дальнейшем, как строить свои отношения с этими женщинами? В том, что у него не будет больше жизни без Вики и Тамары, Каштанов знал точно — он даже не мыслил, что может теперь хотя бы один день просуществовать без них, пусто, одиноко будет без них, солнце в душе угаснет, и посыплется снег, убьет тепло и негу. Но как ему официально оформить свои отношения с ними? Ведь двоеженство у нас запрещено; да не только у нас, а кажется, и во всем цивилизованном мире. Словом, было над чем голову поломать. Каштанов был дважды женат, и оба раза неудачно. Не хотелось бы ему промахиваться в третий раз, ой как не хотелось. Но тут никакой промашки не предвиделось — ему подходили обе спутницы, и Вика и Тамара. Все равно, из двух надо выбирать одну... Одну! Какую из них, какую?

Поразмыслив немного, Каштанов пришел к выводу, что предпочел бы видеть своей женой Вику. У нее более точный глаз, более резкий и твердый ум, в своей мальчишеской угловатости, быстроте движений, способности насмехаться, подмечать любую промашку у со-



беседника и прощать эти промашки она, как ни странно, была более женственной, более милой, чем Тамара. С ней приятно провести вечер дома и приятно выйти в свет, она универсальна... Тут Каштанов хмыкнул про себя — вон какое слово в мозгу всплыло, желтыми светящимися буквами отпечаталось: «универсальна». Будто он рассуждал о некой технической детали, об инженерном приспособлении или приборе.

Но тем не менее вопрос надо было решать: Вика или Тамара? Есть еще один вариант: продолжить коктебельскую жизнь в Москве.

Ладно, будет день, будет и пища.

Он склонил голову в киношном великосветском полупоклоне.

— Дорогие дамы, пора бы и немного шампанского выпить. За добрую дорогу, за приезд в Москву, за будущее!

Чем ближе они подъезжали к Москве, тем больше перемещались из лета в осень.

Небо из высокого, выгоревше-прозрачного, звонкого постепенно делалось низким, будто бы прибитым к земле; теряя свою звонкость, насыщенность, оно приобретало серую угрюмость, недоброту. Тяжелые, до краев налитые водой облака медленно ползли над полями в поисках места, где можно было бы опростаться. Спутницы Каштанова делались все более и более задумчивыми, и он, считая, что прекрасно понимает причины этой задумчивости — скоро ведь дом, московские заботы, жизнь, полная суетни, хлопот, в которой и свободную-то минуту вряд ли найдешь,— с пистолетным хлопком открывал очередную бутылку шампанского, разливал шипучую влагу по стаканам — себе побольше, Вике и Тамаре — поменьше,— произносил очередной тост, чокался со спутницами, пил благородный напиток, ощущая, как на языке щекотно лопаются кисловатые газовые пузырьки.

Вот и в дождь нырнули, запыленные окна вагона начали перечеркивать хрустально чистые — просто удивительно, как грязно-свинцовая чумазая туча умудрилась сохранить их чистыми — капли дождя, похожие на маленькие пули.

Вскоре дождь загрохотал по крыше вагона, забарабанил металлом, и на душе сразу помрачнело, сделалось тускло, будто и не было лета, моря, пляжа, беззаботного праздника, флиртов и ночных звезд, будто не было ни Каштанова, ни Вики, ни Тамары, будто бы не было самой любви.

В Москву приехали вечером. Курский вокзал был темным, озабоченным, по перрону ходили, толкаясь и беззлобно поругиваясь, люди: поезда прибывали один за другим, часто, так же часто и отбывали — это ведь южная линия, в любую пору года, и летом и зимой, она бывает перегружена.

Коридоры в вагонах СВ узкие, вдвоем не пройдешь. Вначале по коридору двинулась Вика, потом — Тамара, последним — Каштанов. Но тут из других купе начали еще выходить пассажиры. Все, как назло, с тяжеленными баулами, фанерными дырчатыми ящиками, в которых везли персики, абрикосы, мясистые коктебельские груши, с разбухшими от скарба сумками и чемоданами, отрезали Каштанова от его спутниц.

Он медленно, будто улитка, толкаясь лицом в спину впереди идущего, миновал темный тамбур, шагнул на тусклый перрон, втягивая ноздрями сыроватый, по-осеннему прогорклый воздух, и неожиданно вздрогнул, будто от удара, с жесткой силой нанесенного ему в поддых. Поморщился неверяще, изо всей мочи сопротивляясь острой боли, возникшей в нем, обиде, крику, плачу, но за ударом последовало нечто более жестокое: его словно бы перерезал пополам несущийся на всех парах локомотив.

К Вике, едва она сошла на перрон, решительно шагнул высокий человек в тонком свитере-бондовке — такие в последнее время стало принято носить вместо рубашек, в дорогом кожаном пиджаке, с ясным лицом, на котором было отчетливо видно нетерпение, желание как можно скорее увидеть собственную жену, поцеловал ее, с ходу увлек в поток направляющихся к автомобильной стоянке пассажиров, ловко перехватив из руки в руку ее модный клетчатый чемоданчик, купленный то ли в Париже, то ли в Нью-Йорке — где-то за кордоном, в общем. Вика, уходя с этим высоким кожаным человеком, исчезая навсегда, как понял Каштанов, даже не оглянулась, не попрощалась с Каштановым, не одарила его ни словом, ни жестом, ни движением припухлых крутых губ.

Еще секунда, и она с мужем растворилась в людском потоке. Исчезла. Навсегда исчезла. Будто ее, милой ироничной Вики, и не было вовсе.

Тамару тоже встретил на перроне муж, решительный человек, голова которого, как нимбом, была увенчана густой седой шевелюрой, с такой не в состоянии справиться ни одна расческа — волосы были жесткими, как проволока, негнущимися. Он похлопал Тамару по щеке — вот единоличник, скобарь,— произнес зычным грубым голосом человека, привыкшего командовать: «А ты загорела, детка! Молодец! Хорошо выглядишь!» — и Тамара, словно ласковый домашний зверек, потянулась к этому человеку, всем существом своим отзываясь на потрепывание щеки и зычные слова, улыбнулась готовно, и — что буквально резануло Каштанова, огнем прижгло открытую рану,— от ее обычной медлительности, заторможенности и следа не осталось. Это была совершенно другая Тамара. «Ну, детка, домой, домой!» — скомандовал седой единоличник и, так же, как и кожаный человек, сделал движение господина, повелителя, обхватил ее за плечи, подтолкнул вперед.

Она ушла, так же, как и Вика, не оглянувшись, не попрощавшись с Каштановым, отрубив на бровке перрона двадцать дней совместно прожитой жизни, отделив его от себя, как нечто ненужное, пустое, о чем она вряд ли и вспоминать будет.

Ни адресов, ни телефонов Вики и Тамары у Каштанова не было — рассчитывал взять здесь, в Москве. И вот что из этого расчета вышло.

Он поставил чемодан на перрон, сел и, не замечая людей, толкающих его, задевающих руками, баулами, фруктовыми авоськами, прочными полиэтиленовыми пакетами, рекламирующими джинсы, сигареты «мальборо» и «кент», духи, искусственные цветы, разную всячину, донельзя тяжелыми, будто в пакетах несли по меньшей мере кокосовые орехи, сумками, пузатыми виниловыми портфелями-«дипломатами», обхватил голову ладонями.

Открытие, которое он сейчас сделал, было омерзительным, вызывающим тошноту, тупую желудочную боль — еще немного, и выплеснет назад все шампанское, которое он выпил, вывернет всю съеденную пищу: его ведь взяли и использовали, как половую тряпку. И он сам в этом виноват: попался в сети, которые расставлял для других. Использовали его, а теперь вот выкинули за ненадобностью.

Мимо, мурлыкая что-то довольно, прошел Валера Ордынский, он узнал Каштанова, но посмотрел на него, как на некое пустое место, он даже не на него посмотрел, а сквозь него. Наплевать в конце концов на Валеру. Пляжная дружба — это не дружба.

Важно другое — открытие, сделанное Каштановым, омерзение, тошнота, состояние, в котором он сейчас находился, беда, в которую попал. Он был необходим этим амазонкам, как отвада — есть такое выражение! — от посягательств пляжных рыцарей, этих сальных прилипал. Вике и Тамаре было с ним удобно, он их веселил, водил в рестораны, поил и кормил, выполнял любую прихоть, был игрушкой, что называется, в их руках. Он им был нужен т а м, в пляжной жизни, и совершенно не нужен з д е с ь, в Москве.

Какой же выход из всего этого, какой? Что делать? Сумеет ли он одолеть боль, залечить рану, нанесенную ему, стянуть кровоточащие края живительной нитью, снова стать самим собой?

Надо же! Использовали его... Как... Тьфу! Уехали от своих мужей на юг, чтобы немного отдохнуть, забыться — и после этого забытья полюбить их крепче, чем прежде.

Выход один: в гулкой, пустой тишине квартиры этого стареющего разведенного мужика должен будет раздаться сухой щелчок выстрела, пробивающего сердце навылет. Он должен будет обязательно раздаться, этот выстрел. И даже необязательно в физическом, материальном понимании, нет. Физическое самоубийство тут вовсе не обязательно.

Вот только хватит ли у Каштанова душевных сил поставить палец на спусковой крючок и, в последний раз в жизни уловив чутким ухом привычные домашние звуки — торопливый стукоток будильника, верещание электросчетчика, висящего на кухне, скрип рассыхающегося паркета и бульканье воды, тонкой струйкой льющейся из расхристанного крана, до которого у Каштанова никак не доходят руки,— нажать на этот спусковой крючок?

Он сидел на чемодане посреди перрона и, взявшись руками за голову, старался перемочь тошноту и боль, одолевавшие его, прийти хоть чуточку в себя. Но ни тошнота, ни боль не проходили.

Толпа на перроне заметно поредела. Никто не обращал внимания на Каштанова. Это ведь была Москва. А Москва, как известно, слезам не верит.

Впрочем, может, это и не так.

Римма ЛИХАЧ

УСТАРЕЛ ЛИ ТАКТ?

«Уважаемые товарищи! Я инвалид первой группы, инвалидность общая. Живу вдвоем с дочерью-студенткой. Она много занимается, и я стараюсь хоть чем-то облегчить ее жизнь. Купить продукты, промтовары, сдать белье в прачечную, в химчистку без очереди я не имею права. А стоять мне очень тяжело. Правда, сегодня я купила нужную мне вещь. Но сколько унижений пришлось перенести. Заступились за меня супруги. Они хотели как лучше и все время кричали: «Пропустите инвалидку!» — и продавщица пожалела. Получается, что я как будто человек второго сорта.

Раз людям не хватает деликатности, такта, пусть будет какое-то постановление, разрешающее нам покупать вне очереди. Тогда не надо будет унижаться. Наверное, надо рассмотреть этот вопрос. В своей беде я не одна.

Л. Морозова».

Москва.

Вот такое горькое письмо. И хоть люди в очереди и сжалились над больным человеком, но после прочитанного на душе скверно. «Пропустите инвалидку!»— коротко и ясно. Попросту, по-свойски! Видимо, мы что-то упустили и продолжаем упускать в воспитании.

Вспомнился мне по этому поводу один случай, казалось бы, далекий от вышеизложенной истории.

Пошла четырехлетняя внучка моих знакомых впервые в детский сад. Воспитанная, аккуратная девочка. Но, вероятно, сказалось волнение первого дня, случилось несчастье, замочила бедняжка колготки. Что надо сделать воспитательнице? Потихоньку, не конфузя ребенка, переодеть, и все. Но простите, а как же воспитание?! И сажает она ее на стульчик перед всей группой, демонстрирует мокрые колготки, вот, мол, большая уже, а как себя ведет! Пришла малышка домой сама не своя. Плачет, ночью мечется и умоляет никогда ее не водить в садик.

Казалось бы, что общего между этими двумя историями? Главное — унижено человеческое достоинство. Об этом не думали. Вот еще о чем печься!

А ведь душевную чуткость, деликатность, такт надо взращивать с детства. Иначе черствость прочно поселяется в человеке, порождает жестокость, желание подчинить все своему «я». У воспитательницы намерения-то были самые благие, но метод недопустимый. Действовала, как говорится, без церемоний. Когда-то, наверное, и с ней обращались так же. Цепочка... Возрастные «беды» детишек исчезнут. Но наглядный урок черствости не пройдет без следа. От такого воспитания может вырасти только сорняк. Сейчас в спешке, в сутолоке мы частенько обходимся без «лишних» слов: «простите», «будьте любезны», «пожалуйста». Лаконизм торжествует: «Женщина! Где химчистка?»

— Там! — Взмах руки, и разбежались. А уж в магазине, в очереди... Какой там такт, какая деликатность!

Очереди... К сожалению, они отнимают у нас значительную часть времени. И все равно мы к ним не привыкли, они нас раздражают, а тут каждый третий норовит прорваться к прилавку сбоку, словно все остальные — нечто недостойное уважения. Как правило, это мужчины. А женщины? Им нужно встать пораньше, проводить семью, убрать квартиру, привести себя в порядок. Забежать в магазин, успеть до работы приобрести продукты. На все это нужно время. А тут... Забежишь в «Универсам», быстро наберешь сумку, но вместо шести касс работают четыре. И очередь, очередь, черт ее возьми! Думаете, кассирши заболели? Проверьте график, все вышли на работу, просто две кассирши отлучились по собственным делам.

Обидно, что из-за плохой организации дела мы теряем время, дергаемся, а тут еще, здрасьте, инвалид нашелся, и уже кто-то ворчит: «У него, небось, жена есть».

Да, есть. А вы задумывались над тем, что жена во всех поездках таскает за него тяжелые чемоданы, на селе носит воду; убрать квартиру, натереть полы, даже забить гвоздь, передвинуть мебель — все она. Так пусть он ей поможет покупки сделать, снимет с нее часть нагрузки. Не надо раздражаться. Стоите же вы, здоровые мужчины, в очереди и дома помогаете женам. Вспомните о мужской солидарности. Ведь как бывает частенько? Придет старушка — ропот: «Куда ей спешить?» Или даже женщина с ребенком. Может, старушка одинока, а матери не с кем ребенка оставить. Стоит только над всем этим задуматься, как раздражение уступит место человеческому участию.

Проблем в очереди много, а поговорить о них побудило нас полученное редакцией письмо.

Но, прочитав его, я пошла и встала в очередь, чтобы ощутить себя полноправным членом этого, можно сказать, коллектива, объединенного общим интересом.

Тут главное — быстро занять очередь. Потом можно выяснить, что дают, почем и хватит ли последним. Всегда сам собой возникает лидер.

— Не расходитесь, пойду все узнаю, я за красной курткой.

Оказывается, в отделе посуды «дают» большие кружки и почему-то называют бокалами. Брать или не брать? Никто специально «за бокалами» сюда не пришел. Все втянулись в это дело стихийно.

— Надо брать, все берут, да и дешево. Сгодится, а нет — кому-нибудь из соседей уважение сделаю,— рассуждает бойкая бабуля...

Сказочная бабушка! Помните? «Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». И приносят. Знаю я одну такую женщину. Работает, ведет хозяйство, в общем живет нормально, но в конце месяца как в загул уходит. Как же: магазины план выполняют! После такого «запоя», остыв, она обнаруживает, что все это — гора ненужных свертков.

Вот и наша очередь охвачена ажиотажем — все берут! Стоять оказалось познавательно: что есть в ближайших магазинах, что в ГУМе, в «Симферополе», в «Детском мире» — все здесь известно. Для приезжающих в столицу эти концы не помеха. Между тем приближаемся к прилавку. Теперь очередь-монолит, без зазоров, затылок в затылок. А к прилавку пробирается женщина с костылем, вежливо просит:

— Девушка, будьте любезны, продайте мне заварной чайник!

Продавщица, пышная, яркая, молодая, взглянула и изрекла:

— Вы инвалид войны? Без очереди только инвалидам войны!

Она уже все поняла. Это «общая» инвалидка, иначе так униженно не просила бы. Проявить участие, сострадание, такт? При чем тут это? Есть указание.

— «Общая» на усмотрение очереди! — отчеканила продавщица.

Как моментально преобразились люди. Только что были приветливы, словоохотливы, а сейчас... Как в греческой трагедии хор твердит:

— Вам не полагается! Мы порядки знаем!

Очередь словно осатанела. Нет — и все тут! Вдруг у прилавка возникает красивый парень. Спокойно, чуть гортанно говорит:

— Слушай! Отпусти женщине чайник, пожилых уважать надо, не видишь — человеку трудно стоять.— Южанин. Там гораздо больше чтут старших и инвалидов. И случилось чудо:

— Пропустите ее к прилавку! — приказала продавщица. Очередь притихла, по ее законам продавцу перечить нельзя. Да и опомнились!

Вот что удивляет: сто́ит в очереди появиться человеку поэнергичней, понапористей, и он разом настроит всех. Только вот непонятно, почему этот, с позволения сказать, коллектив так дурно влияет на людей, если надо проявить сочувствие, доброту, такт? У стоящих в очереди эти качества, как правило, исчезают! Зато терпение появляется просто незаурядное: изнывают под солнцем летом, мерзнут зимой. И чем больше выстаивает человек, тем важнее кажется ему «Это», даже пресловутые «бокалы». Может быть, от долготерпения люди теряют над собой контроль, делаются злыми, готовыми все «стереть с лица земли»? А может быть, от невоспитанности, от отсутствия элементарной доброты?

Обо всем этом я думала, стоя в очереди, выражаясь языком актеров, «вживаясь в образ». И хотелось мне произнести такой монолог: «Подруги, рыцари! Да что же мы творим? За всеми этими вещами и вещичками забываем о святых чувствах: душевной чуткости, доброте, такте! Полноте! Ведь не такие уж мы плохие. Только надо задуматься и посмотреть на себя со стороны».

Со стороны... Директор универмага № 11 Останкинского промторга И. В. Вишняков так и сказал мне:

— Порой смотреть на покупателей совестно! Придет старушка или больной человек, когда на прилавке дефицит, например, ситец, просит продать. Я и сам вижу — надо помочь, а не могу. Взываешь к гуманности, но обязательно найдется парочка злющих гражданочек, поднимут крик и всех взбаламутят. Инвалидам войны мы помогаем с полным правом. Есть приказ Главторга № 52 от 30 марта 1982 года. А об инвалидах общей группы, престарелых, беременных ничего не сказано.

Мы поинтересовались, как же обстоит дело со снабжением в таких случаях в продовольственных магазинах, и обратились в несколько райпищеторгов Москвы. Везде нам ответили, что в особо тяжелых обстоятельствах, когда обращаются с просьбой помочь одинокие, прикованные к постели инвалиды, торги всегда идут навстречу — больным людям доставляют продукты на дом. Отказать нуждающимся в помощи не позволяет простое человеческое участие. Но это связано с техническими сложностями: упаковка заказов, доставка их должны производиться все теми же продавцами и водителями, а их рабочий день не беспределен; дополнительных штатов на это нет. Ведь на все случаи жизни постановления не напишешь! Да и суть не в них. Разве только постановления могут удерживать нас в облике человеческом там, где мы собираемся, так сказать, всем миром?

Вернемся к письму нашей читательницы. Ее пожалели, но как унизительна эта жалость. Ведь нет людей второго сорта. Есть люди, нуждающиеся в нашем сочувствии, в нашем покровительстве, если хотите, но выраженном деликатно, тактично, чутко, вежливо, мягко.

Мы об этих понятиях в наш век стрессов и скоростей забываем сами и не прививаем их детям. Отсюда и грубость, беспардонность, особенно в очередях. А пострадавшей стороной бывают больные люди, беременные и солдатские вдовы. О них хочется сказать особо. Сколько им пришлось перетерпеть в годы войны, как тяжело было одним поднять детей, вырастить целое поколение, которое подчас и грубит им же в очередях. Видеть и слышать подобные перебранки — стыдно! Давайте же помнить о доброте, деликатности — вечно необходимых и дорогих качествах души. Это принесет всем нам только пользу!

СЛУЖУ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ!

11 СЕНТЯБРЯ — ДЕНЬ ТАНКИСТОВ

До службы в армии Михаил Колесный был трактористом. Сейчас он водит грозную боевую машину. Командир высоко ценит мастерство механика-водителя рядового Колесного.

Бездорожье и завалы — для танков не помеха. Фото Л. Якутина

Парадоксы тенниса



Ведущие. Несколько месяцев назад любители тенниса в Москве были свидетелями, как сборная команда СССР вчистую проиграла матч на Кубок Дэвиса (неофициальное командное первенство мира) сборной команде Франции. Казалось бы, матч этот не мог вызвать у советских зрителей положительных эмоций. Но парадокс современного состояния тенниса в нашей стране отчетливо проявился и в том, что даже проигранное соревнование стало событием в теннисной жизни Москвы и настоящим праздником для поклонников этой игры.

Узнав, что в составе сборной команды Франции выступает один из ведущих игроков мира — Яник Ноа, многочисленные зрители устремились в зал Малой спортивной арены стадиона в Лужниках, чтобы наконец-то увидеть въяве, что же представляет собой современный теннис высшего класса. Увы, давно кануло в прошлое то время, когда на кортах нашей страны можно было увидеть представителей элиты мирового тенниса, когда международные соревнования (например, традиционный Московский августовский турнир) собирали блестящие созвездия игроков, с которыми на равных боролись наши мастера. Теперь не то. Международные соревнования, которые продолжают проводиться иногда на наших кортах, лишь условно можно назвать международными. Для иностранных участников они обычно прекращаются в первом-втором круге, и не из-за силы хозяев, а из-за слабости гостей — создается впечатление, что едут к нам слабейшие из слабейших, и победители этих турниров выявляются обычно во встречах наших спортсменов, становящихся на бумаге победителями международных соревнований.

Только что закончилось проходившее на кортах Юрмалы первенство Европы по теннису среди любителей. И если наши девушки (старший тренер женской сборной О. Морозова), выступая в этом, правда, весьма среднем по уровню турнире, сумели завоевать высокие места, то мужчины потерпели очередное фиаско. На турнире, собравшем отнюдь не сильнейших игроков континента, наша сборная была представлена самыми опытными мастерами, и ни один из них не попал и в полуфинал. Ветераны, как видим и здесь, надежд не оправдали. А молодые теннисисты вновь не были заявлены на соревнование, как будто специально созданное для того, чтобы обстрелять молодежь, дать ей возможность набраться так необходимого в теннисе игрового опыта. Думая лишь о дне сегодняшнем, стремясь во что бы то ни стало получить очередные медали чемпионов Европы среди любителей (которые, между прочим, довольно легко доставались ранее советским спортсменам), руководители нашего тенниса прошли мимо возможности обстрелять в этих соревнованиях молодежь. Заметим здесь, что в сборных командах стран, где положение с теннисом гораздо лучше, чем у нас, выступало много способных молодых игроков. (Они-то и обыграли наших «корифеев».) Так и должны готовиться будущие мастера.

Да, был долгий многолетний перерыв и в выступлениях советских теннисистов в крупных, престижных турнирах за рубежом. Множество недостатков можно найти в тренировочном и организационном процессе на всех уровнях. Все это привело к тому, что мировой теннисный поезд, если можно так выразиться, ушел, мелькнул хвостовыми огнями и умчался к будущему этого прекрасного вида спорта, а советские теннисисты, застряв на заброшенном полустанке и потоптавшись в недоумении, отправились пешком по шпалам уже освоенного соперниками пути.

Сколько им предстоит пройти, показал тот же матч в Лужниках, особенно встречи с участием Я. Ноа. Лучшие наши на тот день игроки — и В. Борисов, выигрывавший, кстати, некогда у молодого Ноа, и К. Пугаев — не только уступали французскому теннисисту во всех компонентах игры: в технике и тактике, что еще можно объяснить отсутствием игровой практики на высшем уровне, но они хуже выглядели и физически, хуже подавали и принимали подачу — словом, разница в классе виделась и без специальных статистических подсчетов и наталкивала на мысль, что тренировочный процесс на вершинах отечественного тенниса оставляет желать лучшего.

Сильнейшие теннисисты мира занимаются обычно по 5—6 часов ежедневно, активно тренируются и в день соревнований и поэтому достигают высочайшей стабильности и раскованности на корте. Наши же ведущие мастера выполняют далеко не такой объем работы. Когда мы смотрели на поединки Я. Ноа с нашими игроками, то отчетливо ощущали, что француз может в любую минуту «прибавить», ответить на усиление игры соперника еще более сильной игрой, на новые тактические ходы — своими вариантами. Борисов же и Пугаев играли на пределе сил, отдавая все, что могли, не добиваясь успеха. В этих встречах как в капле воды отразилось отставание нашего тенниса, определяемое, видимо, и отсутствием должной игровой практики на высшем уровне, и ошибками в организации тренировочного процесса, да и пренебрежением к теннису тех, от кого зависит его развитие. Это невнимание тем более обидно, что, как сейчас стало ясно, теннис наравне с «медленным» бегом является чуть ли не идеальным средством укрепления здоровья, о чем свидетельствует «теннисный бум», уже годы не спадающий во многих странах.

Статистика свидетельствует: во всем мире теннис давно опережает по темпам развития другие виды спорта. Число его горячих приверженцев ныне измеряется миллионами, по своей популярности у зрителей он соперничает с футболом и хоккеем.

Это неудивительно. Уникальные игровые достоинства, доступность практически любому возрасту — на кортах можно увидеть людей от 8 до 80 лет, равно получающих удовольствие от игры,— делают теннис идеальным видом спорта в наш напряженный век.

Итак, в последние годы теннис у нас захирел, хотя еще в минувшем десятилетии А. Метревели, О. Морозова, А. Дмитриева, М. Крошина, Т. Какулия добивались громких побед над ведущими мастерами Европы, Америки, Австралии и советская сборная в розыгрыше Кубка Дэвиса неоднократно входила в четверку сильнейших команд мира. Любителям тенниса памятны и блиставшие ранее имена таких теннисистов, как Вербицкий, Негребецкий, Джаксон, Новиков, Андреев, Озеров.

Теперь теннис включен в программу Олимпийских игр 1988 года и, следовательно, будет приносить четыре комплекта медалей — больше любого другого игрового вида спорта.

Каковы же проблемы советского тенниса? Что надо сделать, чтобы вернуть ему былую славу? Какие меры надо принять, чтобы все желающие могли приобщиться к этому прекрасному спорту?

Чтобы получить ответы на эти вопросы, редакция журнала пригласила на заседание «Клуба на «Огонек» ответственного секретаря Федерации тенниса СССР **Б. И. ФОМЕНКО**, старшего тренера мужской сборной команды страны **Ш. А. ТАРПИЩЕВА** и нескольких игроков сборной команды страны.

Естественно, первый вопрос, заданный гостям, звучал так:

— В чем, на ваш взгляд, причины нынешнего отставания отечественного тенниса?

Б. И. Фоменко. Прежде всего былое отлучение тенниса от Олимпийских игр позволило (без всяких на то оснований) некоторым спортивным руководителям отдавать предназначенные теннису средства и площадки другим видам спорта. Даже в Москве нет теперь теннисного стадиона, на котором можно было бы проводить крупные соревнования. Не случайно финальные игры VIII летней Спартакиады народов СССР по теннису проходили на площадках Ташкента. Отчаянные сигналы о закрытии кортов приходят из Ялты, Херсона, Харькова, Череповца...

Ну, а корты, как известно, означают массовость. Утройте их — и у нас в один день утроится количество теннисистов.

Вы спросите, куда же смотрит Федерация тенниса. Но возможности общественной организации ограничены. Иное дело — Спорткомитет, республиканские и областные спортивные организации. А там к нашим увещеваниям и доводам не очень-то прислушиваются, как ни странно, и сейчас продолжая по традиции держать теннис на периферии внимания. Олимпийский прицел? Он, видимо, кажется весьма далеким, ибо ни для кого не секрет, что на воспитание теннисиста международного класса требуется 9—10 лет. А то, что и 1988 олимпийский год не за горами, иных администраторов от спорта мало, видимо, заботит.

— Парадоксально, что многие спортивные и не только спортивные руководители сами охотно и постоянно играют в теннис, сознавая его целебную силу. Когда же речь вдруг заходит о широком строительстве теннисных площадок, организации теннисных стадионов и залов, сразу же выдвигается аргумент о сложности, дороговизне этого вида спорта. Вместо того, чтобы перенимать опыт активного развития массового тенниса в других социалистических странах и внедрять этот опыт у нас, мы часто отгораживаемся выдуманной и удобной аргументацией, забывая при этом, что главной целью внимания к теннису является забота о здоровье людей, привлечение их в любом возрасте к занятию физической культурой. Что же касается затрат, то послушаем старшего тренера сборной команды страны.

Ш. А. Тарпищев. Пластиковые корты, либо асфальтовые, либо корты с синтетическим покрытием, которое выпускается и у нас, обходятся относительно недорого. Уход же за ними предельно прост, воды они не боятся. И самое главное — корты, используемые по назначению — для занятий теннисных групп и проведения соревнований,— быстро окупают себя. Бедственное положение у нас с закрытыми кортами. Даже специально построенные крытые теннисные стадионы, например, в Минске, используются как угодно, но только не для тенниса.

— Перед этой встречей мы посетили несколько крупных московских спортивных магазинов — ни теннисных мячей, ни ракеток, мало-мальски годных для игры, ни теннисной формы и обуви, ни хороших струн нигде не оказалось и не ожидалось. То был не случайный перебой в снабжении, а, как мы выяснили, постоянный дефицит теннисного инвентаря. Создается впечатление, что играть в теннис у нас не только негде, но нечем и не в чем. Любители тенниса изворачиваются, достают ракетки, теннисные туфли, по какой ценой! Дефицит теннисного инвентаря при все большей и большей популярности этого спорта рождает спекуляцию, притом в немалых масштабах. У ловкачей, трущихся возле тенниса, можно достать все — от ракетки последней

модели до модных и удобных теннисных шортов, маек, туфель и т. д. Предприятия же Главспортпрома совершенно не озабочены выпуском доброкачественного теннисного оборудования в достаточном количестве.

Ш. А. Тарпищев. Да, инвентарь — это проблема. Мячи, струны, ракетки, обувь... Словом, все.

Еще в 1974 году Спорткомитет СССР обязал Главспортпром рассмотреть вопрос об улучшении качества выпускаемых теннисных мячей, ракеток, струн, туфель, с тем, чтобы они соответствовали уровню изделий лучших зарубежных фирм. Прошло почти десять лет, а сдвигов абсолютно никаких.

— Но «инвентарные» проблемы, которые волнуют основную массу любителей тенниса, сборную страны, наверное, не затрагивают. Что же ей мешает достойно представлять наш теннис на международной арене?

Ш. А. Тарпищев. Увы, теннисная сборная страны в отличие от многих других сборных команд не имеет даже собственной тренировочной базы и всякий раз, когда это вызвано необходимостью, вынуждена кочевать с места на место, пользуясь чужими стенами. Но и это не главное.

В современном теннисе заметных результатов добивается лишь тот, кто играет с сильными противниками не от случая к случаю, а постоянно участвует в сериях крупнейших соревнований. Именно по сумме выступлений в них определяется класс теннисиста, его место в мировой классификации. Такими сериями являются «Большой шлем» (открытые чемпионаты Англии, Франции, США и Австралии), «Гран-при» включающий 30—32 турнира, и условный «мировой чемпионат тенниса», состоящий из дюжины турниров. С 1977 года наши спортсмены во всех этих турнирах фактически не участвуют.

Почему? Не набираем классификационных очков (мировую классификацию составляет сейчас компьютерная система), достаточных для допуска в них. А не набираем потому, что мало играем. Как видите, получается вроде бы замкнутый круг. Но разорвать его, конечно, можно. Для этого надо постоянно посылать на низовые международные турниры не трехчетырех игроков, а десятки, как делают в Чехословакии, Венгрии, Румынии, чтобы в этих состязаниях молодые мастера приобретали игровой опыт и пробивались вверх по турнирной лестнице. Из десяти — двое, трое. Только так завоевываются высокие места в мировой классификации, только так становятся лидерами. В противном случае прогресс самого талантливого игрока прекращается.

Вот близкий пример. Присутствующий на встрече в редакции нынешний чемпион страны Александр Зверев в 1977 году на первенстве Европы почти не уступал юному чехословацкому теннисисту Ивану Лендлу. С тех пор, однако, Зверев лишь эпизодически участвовал в международных турнирах с сильным составом, а Лендл — непрерывно. Сейчас он является одним из ведущих игроков мира, а прогресс Зверева далеко не таков, каким мог бы быть, если бы он соревновался чаще и с более сильными соперниками.

Б. И. Фоменко. Что следует отметить... Посылать теннисистов на различные соревнования за рубеж не только не накладно для спортивного бюджета страны, но, напротив, выгодно. Наши мастера ракетки и прежде не были иждивенцами, а теперь, в условиях невиданного в мире теннисного «бума» и необычайно возросших призовых ставок (даже за победу в первом круге всякого мало-мальски престижного турнира), они способны «подкармливать» такие, скажем, нуждающиеся в этом виды спорта, как горные лыжи.

— Читая советскую теннисную литературу, в частности ежегодник «Теннис», часто поражаешься наукообразию, которое присуще многим работам о теннисе наших теоретиков. Кажется, что целая группа теннисных наставников занята не насущными проблемами практического тренировочного процесса и методологии, а всякого рода «теоретическими» разработками, созданием «модели» теннисиста будущего, выработкой каких-то программ, долженствующих привести к победе, и т. д. Получается что теннис стоит на месте, а теннисная наука движется вперед семимильными шагами. По теннису защищаются диссертации, создаются «солидные» труды, звучат доклады на всякого ранга теоретических конференциях. Но это не спасает советский теннис — ему по-прежнему не хватает тренеров-практиков высокого класса, способных активно и творчески работать со спортсменами всех возрастов — от начинающих детей до мастеров высшего класса.

Ш. А. Тарпищев. Без разнообразной отточенной техники, комбинационного стиля, продуманной тактики в современном теннисе многого не достигнешь. А все эти компоненты постоянно совершенствуются. Железный рационализм подает руку артистической импровизации. Казалось бы, архаичная игра с задней линии вдруг превращается у Борга или Эверт в мощное наступательное оружие. Мы же вследствие «турнирного голода» не поспеваем за мировым опытом, да подчас и просто не готовы к восприятию его достижений, занимаясь ненужным теоретизированием. Вот и учат у нас и детей и мастеров по старинке...

— Шамиль Анвярович, вероятно, не только это мешает готовить мастеров экстра-класса?

Ш. А. Тарпищев. Разумеется. Тут опять-таки, как сказал Борис Иванович Фоменко, существует запутанный клубок причин. Об острой нехватке кортов и инвентаря мы уже говорили. И вот, отставая в классе, мы теории уделяем куда больше внимания, нежели зарубежные мастера.

И еще. У нас каждый тренер старается как можно быстрее выявить наиболее перспективного ученика и в спешном порядке натаскать его, чтобы он на соревнованиях получил зачетные очки, выполнил разряд и т. д. В итоге вверх идут, как правило, не самые талантливые, а крепыши, которые чуть раньше своих сверстников сформировались физически и психически. Молодому таланту в теннисе для окончательного раскрытия его возможностей нужны порой еще два-три года, а тренер не хочет ждать. Вот и получается, что у нас в особом почете крепыши. Но они, когда становятся постарше и утрачивают физическое преимущество над соперниками, зачастую ничем не могут блеснуть.

— Дело, видимо, не только в этом. Даже в лучшие годы советского тенниса поражало, что наши юные теннисисты, сравнительно часто выигрывая у своих сверстников самые сложные турниры, в том числе и юношеский Уимблдон, затем вдруг останавливались в росте или прогрессировали гораздо медленнее тех, кого они лишь недавно обыгрывали. Имеются, видимо, какие-то изъяны в тренировочном процессе, именно на высшей стадии сказывается недостаточная квалификация тренеров.

Ш. А. Тарпищев. Да, нехватка квалифицированных тренеров — одна из острейших проблем. На какие успехи при этом можно рассчитывать? Кафедры тенниса имеются лишь в нескольких институтах физкультуры, и методика обучения там оставляет желать лучшего. В этих условиях успех Люды Макаровой, чемпионки Советского Союза, члена сборной команды страны,—счастливая случайность.

Людмила Макарова. Увы, это так. В Свердловске, в школе, где я училась, физкультуру преподавал страстный энтузиаст тенниса. Он нас к нему и приохотил. Организовал секцию, мы сами построили корт. Кстати, он и сейчас чуть ли не единственный в Свердловске... Мне повезло, хотя я могла бы начать играть раньше, добиться заметных результатов. Да и переезд в Москву был продиктован все той же теннисной необходимостью — просто не с кем стало играть. У других моих сверстников-земляков не оказалось такого шанса. А способных среди них, я уверена, набралось бы предостаточно.

Б. И. Фоменко. География нашего тенниса исчерпывается Москвой, Ленинградом, Киевом, Тбилиси, Прибалтикой, Северодонецком, ну, может быть, еще двумя-тремя зонами. Какая уж тут массовость! На летней Спартакиаде народов СССР многим командам некого было выставить на корты. Пришлось звать на подмогу ветеранов, давно уже покинувших большой спорт — ныне тренеров, спортивных работников и т. п. И что самое печальное — играли они не хуже активно действующих спортсменов.

Климатические и прочие условия в ряде районов нашей страны вполне благоприятствуют развитию тенниса (взять хотя бы Крым, Кавказ, Кубань, Среднюю Азию, Украину, Казахстан, Поволжье). Впрочем, и в Сибири при желании теннисные дела пошли бы в гору.

У присутствующей на нашей встрече трехкратной чемпионки Советского Союза в парном разряде Ольги Зайцевой судьба сложилась удачно. Оля сразу попала к опытному наставнику Н. С. Тепляковой, сумевшей разгадать ее дарование, вот и не упустила она драгоценное время, сравнительно рано начала выступать на международных соревнованиях.

— Оля, недавно вам довелось играть в Западном Берлине против ведущей теннисистки мира Крис Эверт. Какие впечатления оставила у вас эта встреча?

Ольга Зайцева. Встреча с Эверт была для меня исключительно полезной. Я проиграла, но боролась за каждое очко и сейчас часто «прокручиваю» в памяти тот матч. Настоящий урок тенниса! Эверт словно угадывала любое мое движение, наперед знала, что я сделаю в следующий момент, и спокойно разрушала все мои замыслы, навязывая свою игру. Это было очень поучительно. Побольше бы таких уроков...

Ш. А. Тарпищев. В ходе подобных матчей тренеры вынуждены компенсировать неопытность наших игроков постоянными подсказками, корректировать их действия. Но суфлерские подсказки мало что меняют, ибо во время игры невозможно ничего изменить. Игрок высшего класса должен быть совершенно автономен на площадке.

Вот почему тренер французской команды, приезжавшей к нам на матч в розыгрыше Кубка Дэвиса, оставался на скамейке внешне безучастным даже в перерывах между геймами. Подаст игрокам полотенце, бутылку воды, обменяется с ними двумя-тремя словами — и все. Чувствовалось, что каждый игрок сборной Франции, не говоря уж о Ноа, не нуждается в сиюминутных тренерских указаниях.

— Интересно, а что думает по этому поводу двукратный чемпион страны Александр Зверев?

Александр Зверев. Теннис — игра индивидуальная. В часы напряженной, выматывающей борьбы ты, как шахматист за доской, предоставлен самому себе. Поэтому на высшем уровне роль тренера несколько иная, чем в начальный период обучения. Тренер — друг, советчик, но не мелочный опекун мастера, не нянька. Он направляет, но не ведет за ручку. Работать над собой зрелый теннисист должен самостоятельно, ни на кого не уповая, опять-таки подобно шахматисту, который растет вместе с каждой сыгранной партией. Но часто именно такой работы нам не хватает. Хотелось бы, чтобы следующее поколение теннисистов не испытывало игрового дефицита, от которого мы страдаем.

Б. И. Фоменко. Еще не так давно в нашем теннисе существовали понятия: «школа Тепляковой», «школа Бальвы». Эти замечательные воспитатели выдвинули, в женском теннисе плеяду ярких талантов, во многом способствовали успехам советских мастеров ракетки. Но закончили свой путь прежние лидеры, произошла смена поколений. Теперь нужно время, чтобы образовавшийся вакуум вновь заполнился. Будем надеяться, что молодые кадры тренеров и спортсменов помогут вернуть отечественному теннису утраченные позиции.

— Что ж, будем надеяться.

В минувшее лето наши спортсмены (особенно теннисистки) после долгого перерыва приняли вновь участие во многих крупных международных турнирах. Конечно, серьезных успехов они не добились. Но какой-то шаг сделан. Теперь дело за игроками, их наставниками и спортивными организаторами. Но не забудем при этом и то, что уже давно поняли во многих странах мира: теннис — это не только соревнования на высшем уровне, в которых, конечно, пора вновь начать выступать со всем достоинством советских спортсменов, но и прекрасная, доступная всем спортивная игра, отличное средство укрепления здоровья людей.

Теннису пора перестать быть пасынком нашего спорта.

Встречу вели
В. ЕНИШЕРЛОВ и Ю. ОСИПОВ.



РАЗРЫВАЯ ПУТЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

А. ВАСИЛЬЕВ

К странам, как и к людям, относишься по-разному. Симпатии к некоторым из них западают в душу и не меняются. Ну, казалось бы, что для иностранца Северный Йемен? Ни комфорта, ни современных развлечений. Липкая жара на побережье, песчаные бури в пустыне. Одна из отсталых и бедных стран на земном шаре.

Помню, как встретил в городе Марибе группу западногерманских «туристов-авантюристов». Это не я их так назвал, а они (не без претензии) сами себя. Вел их гид, специализирующийся за высокую плату как раз по «авантюрному туризму» — без гарантии безопасности, хорошей воды и чистых простыней, но с оружием, палатками и приключениями. «Туристы-авантюристы», пресытившись «остреньким» в чужой и опасной стране, кляли тот день и час, когда они решили сюда отправиться.

Мы сидели в той же харчевне, что и они, на старых, скрипучих табуретках вместе с французским археологом Жаклин Пиренн, известной нашим читателям по ее книге «Открытие Аравии», и пили крепкий чай с молоком. Мы говорили о том, сколько открытий и радостей ждет в песках Южной Аравии тех энтузиастов, которые будут раскапывать памятники древних цивилизаций. Работы здесь хватит на батальон археологов. Жаклин Пиренн провела несколько сезонов раскопок в Северном и Южном Йемене и мечтала приехать снова.

Оказалось, что йеменцы у нас обоих вызывают теплую и глубокую симпатию. Потому что мы находили в них и человеческую гордость, и демократизм, и верность. Если йеменец друг, то это друг, но не позавидуешь его врагам.

...Вокруг нас лежал оазис, который когда-то был гораздо более обширным. Его слава гремела в древнем мире. Он питал город Мариб — столицу древнего Сабейского царства. Через Мариб шли караваны, груженные китайским шелком, цейлонским жемчугом и муслином, черепаховыми щитами из Малакки. Из Индии везли пряности, алмазы, сапфиры, ткани, индиго, ляпис-лазурь. Этим же путем направлялись в страны Средиземноморья из Африки страусовые перья, масла, слоновая кость. Но главным, что двигало аравийскую торговлю, была затвердевшая пахучая смола с деревьев, росших на юге Аравии,— ладан. Из-за контроля над торговлей этой смолой цвета затуманенной слезы или дымчатого хрусталя сталкивались империи, звенели мечи. Через оазис проходил знаменитый «путь благовоний». Как гласит библейская легенда, отсюда отправилась на свидание с Соломоном царица Савская (Сабейская). Под стенами Мариба был разгромлен римский легион Элия Галла, который в I веке до нашей эры пытался завоевать «Счастливую Аравию». Спустя полтысячелетия прорвалась большая Марибская плотина, питавшая оазис водой из искусственного озера. Чужеземные нашествия, войны, междоусобицы усугубили упадок. Цветущие сады и поля Мариба высохли и превратились в пыль.

Сейчас Мариб возвышается скопищем многоэтажных глинобитных домов на холме, который когда-то был центром древней столицы, но руины ее оборонительных стен далеко отстоят от маленького городка.

Большая часть жителей переселилась за несколько километров, от древнего центра, построила по заветам предков многоэтажные дома из саманных кирпичей и нарекла новое поселение Эль-Хусуном. В нем — две с половиной тысячи жителей, сто двадцать лавок и две школы.

Рядом ярко зеленеют поля со всходами африканского проса — дурры и пшеницы. Желто-серые горы обрамляют долину. Стучит помпа. Несколько сотен гектаров полей и огородов — вот все, что осталось от обширного оазиса древности.

Подошли два подростка. Они были одеты в юбки-фута, легкие рубашки, перепоясанные ремнями, на которых висели кривые широкие кинжалы. Густая белая пыль припудривала их курчавые волосы, лица, одежду.

— Откуда ты?— обратился я к старшему, которому на вид было лет шестнадцать.

Он махнул рукой в сторону поля.

— Ты учишься?

— Да, в пятом классе.

— А где твой отец?

— Он на заработках в Саудовской Аравии.

— Что ты еще делаешь?

— У нас поле, я на нем работаю.

— Воды хватает?

— Да, скоро будет еще больше.

— Как так?

— Старики говорят, что шейх Абу-Даби обещал деньги, чтобы восстановить древнюю плотину. Уже приезжали иностранные инженеры.

— А хватит ли людей, чтобы обработать новые земли?

Юноша пожал плечами:

— Не знаю, может быть, приедут откуда-нибудь.

...XX век ворвался сюда не только стуком водяных помп, но и шумом автомашин. Их больше всего скопилось на базарной площади, у бензоколонки. Поднимая пыль, подрулил «лендкруизер» — машина высокой проходимости японского производства, полная вооруженных людей свирепого и решительного вида. Они выскочили из кузова, легкой, пружинистой походкой прошли в лавку. Через некоторое время они появились, груженные керосином, мукой, банками японского апельсинового сока, американскими сигаретами, французскими духами, австралийскими консервами. Машина лихо набрала скорость.

— Кто это?

— Это кочевники-бедуины,— ответили мне.

«Лендкруизер» направился в сторону пустыни Руб-эль-Хали, недоступной и бесконтрольной. Там, в море песчаных дюн, потонет любой вездеход. Бедуины оставят его на стойбище и пересядут на верблюдов — единственное надежное средство передвижения в сыпучих песках.

— Первое, что я должен был сделать, когда меня назначили сюда, установить безопасность на дорогах и в селениях,— рассказывал губернатор.— Для этого нужно было обеспечить мир между племенами.

— Это удалось?

— В целом да. Хотя задача была не из легких. Мариб — самая большая наша провинция. С севера на юг почти тысяча километров, несколько сотен с востока на запад. А население никем не считанное.

— На кого вы опирались?

— Главное — армейская бригада, что расквартирована здесь. В Марибе армия — и власть, и полиция, и администрация, и почтовая служба, и временами служба здравоохранения. Мы открывали школы, прокладывали дороги. Когда наводили порядок, должны были учитывать местные обычаи.

— В чем это выражалось?

— Если кто-либо минирует дороги, совершает преступления против государства, мы судим его на основе шариата — мусульманского права и декретов правительства. Племена несут коллективную ответственность за преступления. Но когда случаются столкновения между племенами, мы решаем их споры на основе «урфа».

— Что это?

— Обычное право племен, сложившееся за столетия. В основе его — кровная месть или ее замена — выкуп, «дия». Чтобы помирить племена, я должен определить, кому и сколько полагается платить выкупа. Тогда прерывается цепочка кровной мести. Мой приговор окончательный. Мне дают слово исполнять приговор, и я отпускаю всех на свободу.

— Может ли обвиняемый оказаться на свободе и не исполнить приговора — отказаться платить «дия»?

— Исключено. В таком случае размер «дия» удесятеряется, и все племя несет коллективную ответственность. Нарушивший слово считается опозоренным. Его изгоняет племя, от него откажутся отец, брат, жена. С племенем, давшим приют лжецу, отказываются иметь дело соседи, потому что тогда оно считается ненадежным.

...Всего лишь два десятка лет назад Йемен сделал шаг из настоящего средневековья к современности. Достаточно посетить бывший имамский дворец в Таизе, который сейчас стал музеем, чтобы окунуться в атмосферу ушедшей эпохи. Многоэтажное здание с потайными дверями и ходами оставляет жутковатое впечатление. Кажется, что по нему скользят тени наложниц, веет дух интриг, заговоров, убийств, слышатся крики пытаемых узников.

В 1962 году имамат был свергнут. Но началась семилетняя гражданская война. Временами судьба республики висела на волоске, и многие помнят, что советский воздушный мост помог столице, осаждаемой роялистами в течение 70 дней.

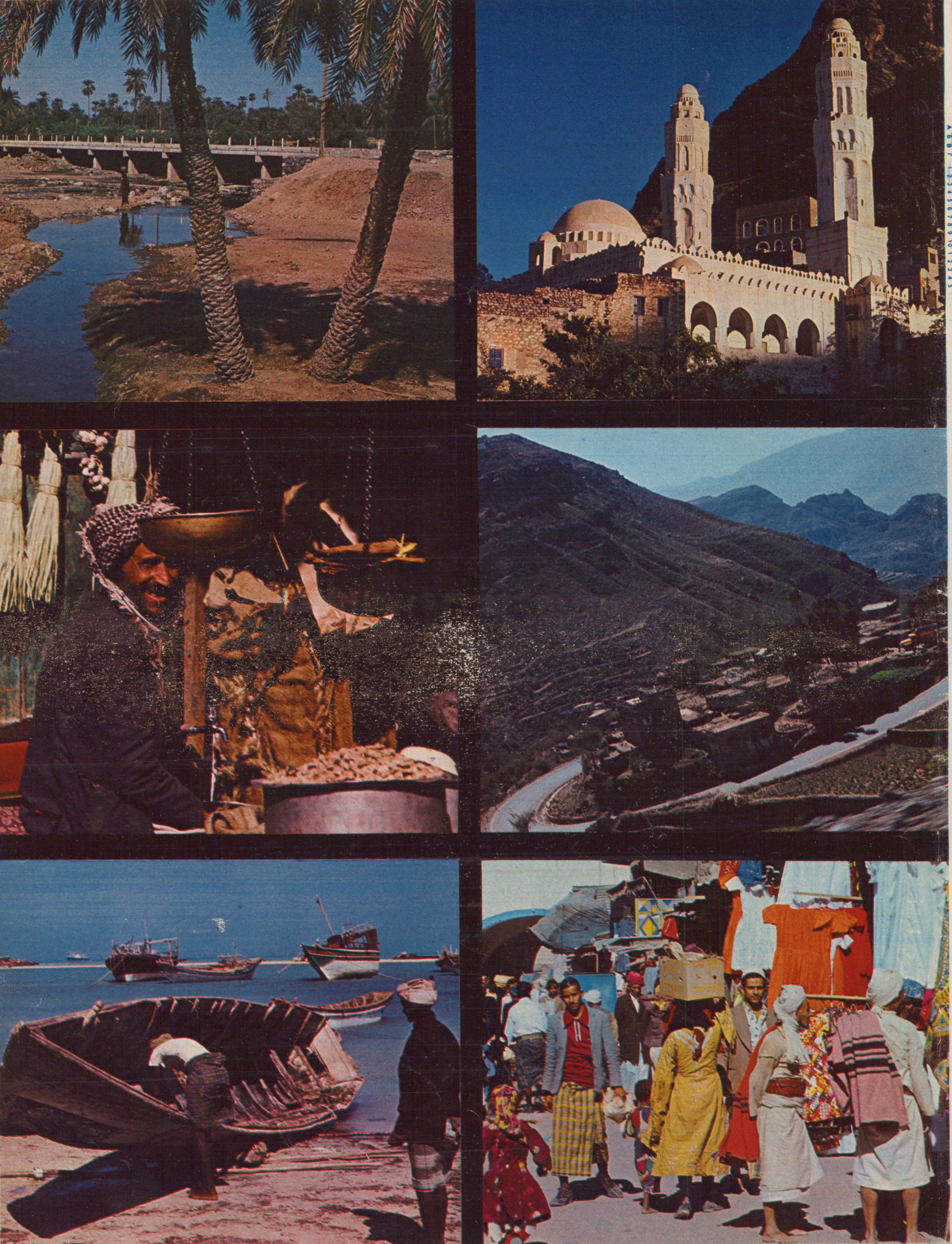
Однако республиканский режим, установившийся на основе компромисса в 1970 году, был непрочен. Центральное правительство не контролировало всей территории, не могло обеспечить безопасности.

Сейчас новое правительство, опираясь на армию, пытается усилить центральную власть. Создан консультативный совет при президенте, проведены выборы в муниципальные и кооперативные советы, расширены состав и полномочия Учредительного народного собрания, наделенного некоторыми законодательными функциями. Укрепление центральной власти и действенности государственного механизма были бы для Йемена большим шагом вперед, хотя и не затронули бы социальных отношений. Отметим, что объединения могущественных племен в наши дни, как и раньше, играют важнейшую роль в Северном Йемене. Племена, особенно северные, поддерживаемые Саудовской Аравией, не признают над собой никакой власти. Они хорошо вооружены, у них есть артиллерия, бронемашины, даже противовоздушные ракеты.

Однако и экономическое развитие Северного Йемена, и появле-

Дети Таиза * Просто горожанин * Аркады во внутренних двориках — особенность йеменских мечетей.





ние школ и университета, и расширяющиеся связи с внешним миром — все это ломает, видоизменяет прежнюю социально-политическую структуру.

Новый аэропорт в Сане — элегантное, сделанное со вкусом здание. В гулком зале прямо на полу среди стульев расположились паломники, вернувшиеся из Мекки. Они раздули примус и стали готовить чай. Лица женщин в темных длинных одеждах были скрыты черной или красной чадрой. Некоторые из них были босиком, несмотря на зимний холод (температура около нуля), другие — в модных туфлях. У стойки саудовской авиалинии выстроилась очередь мужчин с мешками и чемоданами. «Куда вы?» «Я — в Джидду...», «Я — в Эр-Рияд...», «Я — в Дахран», — раздались ответы. Это были эмигранты.

Уезжать на заработки в далекие края — традиция на юге Аравии. Однажды в Сингапуре, на улочке, увешанной китайскими фонариками и вертикальными вывесками с иероглифами, я встретил несколько торговцев-йеменцев и обратился к ним по-арабски. Изумленным восклицаниям не было конца. Удивительно, но факт — такая же встреча произошла у меня в Нью-Йорке, куда журналистская судьба занесла летом прошлого года. Йеменцев много и в США и в Западной Европе, не говоря уже об арабских странах. Трудно найти другое государство, где эмигранты составляли бы четверть населения. Но именно таков Северный Йемен. Из 8 миллионов жителей охота к перемене мест охватила почти два миллиона человек, как правило, мужчин в расцвете лет, которые покинули родину в поисках лучшей доли. Словно мощный насос, нефтяной бум в Саудовской Аравии и княжествах Персидского залива оттянул рабочую силу из Йемена. Там йеменцы подметают улицы, строят дома и дороги, батрачат на фермах, выполняют самую черную и грязную работу на потребу феодальной элите.

Нефтяной бум в соседних странах дает о себе знать и в Йемене, ломает старый быт, коверкает экономику. Массовая эмиграция создала новый феномен — она стала главным источником доходов государства. Переводы эмигрантов дают ЙАР многие сотни миллионов долларов в год. Поэтому сложилась парадоксальная ситуация: страна импортирует в 100 раз больше, чем экспортирует. Лавки предлагают японские радио- и электротовары, бытовую технику, бутылки с испанской ключевой водой, кенийское масло, английские яйца, американские сигареты.

Приток капиталов привел в движение не только торговлю, но и строительство, и улицы городов наполнились гудками автомашин, урчанием грейдеров, стрекотанием мотоциклов. Дорога из Ходейды в Таиз была в свое время построена с помощью СССР. Сейчас завершен треугольник асфальтированных шоссе: Таиз — Сана — Ходейда. Дорожная сеть расширяется, строятся жилые дома.

Страна, которая могла бы стать житницей Аравии, превратилась в относительно крупного импортера не только промышленных товаров, но и продовольствия. Массовая эмиграция сокращает посевные площади — некому пахать, сеять, жать.

Еще один парадокс: Йемен, сам экспортер рабочей силы, ввозит все более низкооплачиваемых рабочих из Южной и Юго-Восточной Азии.

Но переводы эмигрантов — слишком ненадежный источник дохода. Падение цен на нефть и уменьшение ее добычи сократили доходы Саудовской Аравии и нефтяных княжеств, уменьшив спрос на йеменские рабочие руки. Это немедленно сказалось на Йеменской Арабской Республике, грозя подорвать ее скромные, но так необходимые проекты развития.

...Моха—прибрежный городишко из полуразвалившихся глинобитных домов. Плоский берег с редким кустарником и зонтичными акациями между песчаных дюн наводит тоску. Упругий ветер гонит песок, застилая горизонт. На ярких японских мотоциклах носятся несколько молодых шалопаев, предлагая контрабандное виски, пиво, сигареты. Не сразу и вспомнишь, что это был когда-то важный порт Йемена и само слово «Моха» (в искаженном европейском произношении — Мокка) дало название знаменитому сорту йеменского кофе.

И другой город на побережье, несколькими десятками километров севернее Мохи,— Ходейда, быстро растущий, с широкими проспектами, с кварталами современных домов. Если в Северном Йемене и есть зачатки какой-то промышленности, то они здесь. Город вырос у единственного в стране большого, механизированного порта, построенного с советской помощью в 1961 году. Порт обрабатывает почти миллион тонн грузов в год — впятеро больше первоначальной проектной мощности.

...Зимой в Ходейде тепло. Внизу, у подножия гор, среди кактусов, похожих на канделябры, пасутся коровы. Выше — террасы полей, соломенно-желтых или цвета позеленевшей бронзы. Свернешь с шоссе по пешеходной тропе — крутой, кремнистой, местами опасной, и через несколько часов пути очутишься перед плывущим в тумане средневековым замком кубической формы, построенным на утесе, над пропастью. Глубокие трещины избороздили его стены.

Северный Йемен — страна контрастов и в географическом, и в климатическом, и в общественном смысле, страна трудной судьбы. Сегодня республика рвет путы средневековья, пытаясь прорваться в XX век. Все глубже трещины на стенах феодальных замков.

Для Аравии этот поток — большая река * Подойди, поторгуйся, купи * Йеменские рыбаки выходят в море вот на таких лодках-самбуках стародавней конструкции * Мечеть в Таизе * Труд крестьянина превратил склоны гор в плодородные террасные поля * Кипуч, многолюден, многокрасочен йеменский базар.

Фото автора

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. РАЗГОВОР ПРОДОЛЖАЕТСЯ

О ЧЕСТИ

С большим интересом прочитала беседу корреспондента И. Пироговой с хирургом, действительным членом Академии медицинских наук СССР Федором Григорьевичем Угловым («Огонек» № 28, 1983 год). Своевременная, нужная статья! Еще раз перечитала ее с карандашом в руках. Статья заставила меня посмотреть на некоторые вещи с необычной стороны. Бесспорны проблемы, названные в ней. У взрослого человека, пренебрегающего понятием чести, явный недостаток воспитания в детстве. Мы напрасно считаем, что ребенок сам научится правилам хорошего тона. Так же, как он научился ходить и говорить... Нет и нет! Азам этики нужно учить с самого раннего детства, учить целенаправленно, систематически. И занимательно.

Моя знакомая пришла в детский сад за племянницей и на некоторое время оставила свою сумку без присмотра. Вскоре обнаружилось, что из сумки исчезли конфеты, станок для точки карандашей, пудреница и другие мелкие вещи. Все нашлось после внушительной беседы. Все, кроме конфет. Дети мило улыбались и говорили, что взяли «посмотреть». Конфет не нашли...

«Дети, у кого бумажки от конфет?» — спросила воспитательница. «А я их собираю! — сказал Ваня.— У меня таких нет». «Кто тебе их дал?» «Игорь!» Все посмотрели на Игоря, лицо которого было выпачкано шоколадом. Все засмеялись, а Игорь побежал умываться. Потом он громко заявил: «Честное слово, я конфет не брал!» Вот как!..

Я уверена: приобретенное в детстве остается с человеком на всю жизнь. Все — хорошее и плохое. И пусть взрослые люди почаще вспоминают прекрасный рассказ Л. Пантелеева «Честное слово». Я всегда восхищалась и автором этого прекрасного рассказа и изображенным в нем мальчиком, для которого слово чести было превыше всего.

Как мы сами себе усложняем жизнь оттого, что не держим данного слова. И не требуем этого от наших близких. «В воскресенье приду к вам»,— сказала я знакомым, но не назвала часа встречи. Себе день не спланировала и знакомых держала в напряжении. Но это, так сказать, узкий круг. Хуже, когда весь дом, предназначенный под снос, сидит на чемоданах в ожидании переселения три месяца! А в это время строители доделывают квартиры и тянут, тянут, давая бесконечные обещания, отодвигая реальные сроки. Радость новоселья иссякла из-за цепочки неурядиц.

Директор учреждения, где я некогда работала, получил от одного посетителя характеристику «брехун», то есть враль, нечестный человек! За что? Да за то, что полгода не мог решить дела, зависящего только от него. Не потому ли наше учреждение пользовалось плохой репутацией, что директор был человеком, не уважающим собственного слова? Ведь тот посетитель брехуном назвал не соседа и не прохожего на улице, он так говорил о директоре государственного учреждения. Вывод: директор не заботился ни о своей чести, ни о чести учреждения, руководимого им!

Нам всем нужно, и как можно чаще, обращаться к педагогическому наследию Антона Семеновича Макаренко. Он сам был человеком твердых нравственных устоев, и в каждом он воспитывал высокие моральные принципы, человеческое достоинство. Поэтому на страницах периодической печати хочется читать не только о том, что план выполнен, но и о том, какие люди работают в коллективе, кто они, эти люди, какие проблемы их волнуют. Или совесть и честь для них — книжные понятия? Я вот слышала, что понятие чести не то чтобы устарело, а как бы отодвинулось на второй план в наш реактивный, быстролетящий век... Нет, неправда — всегда животворны понятия чести и достоинства, и каждый уважающий себя человек помнит об этом.

Н. КОВРИГИНА

Донецк.



МАТЕРИНСКИЙ НАКАЗ

Я уже не молод. Прошел дорогами Великой Отечественной, ветеран труда. Пока жив, буду благодарен своей матери, Анфисе Дмитриевне, за то доброе, что она сделала для нашей большой семьи. А семья наша действительно, как говорят, мал мала меньше: шестерых сыновей и двух дочерей воспитали наши родители. Конечно же, жилось непросто, нужда частенько заглядывала в наш дом, особенно в 20—30-е годы. Но, несмотря на трудности, мы все были согреты материнским теплом, заботой, добрым словом. В том, что все дети выросли настоящими, хорошими людьми, в первую очередь заслуга моей мамы. Все ее поступки были для нас примером.

Расскажу такой случай. Как-то моя сестра Вера, играя, нашла в траве большие золотые часы с увесистой цепочкой. Понятно, что мои родители никогда не держали в руках такое богатство. «Наконец-то можно купить хлеба вдоволь»,— обрадовались мы, ребятишки, надеясь, что часы продадут и в семье появятся деньги. Но мама поступила иначе. Развесила несколько объявлений о находке на столбах и заборах. А когда пришел хозяин часов, отказалась от вознаграждения. «Дети,— сказала она, глядя на наши голодные физиономии,— никогда не берите чужого. Рассчитывайте только на свои возможности. Пусть совесть ваша будет чиста».

По всей стране разбросала нашу разросшуюся семью жизнь. Есть среди тех, кто носит фамилию Слюсаренко, врачи, рабочие, офицеры Советской Армии, преподаватели, трактористы, студенты. Трудятся на славу ударники коммунистического труда, победители социалистического соревнования. Родина щедро отблагодарила нас, шестерых братьев, наградив за военные и трудовые подвиги четырнадцатью орденами и сорока двумя медалями.

Материнский взгляд на людей, ее нравственные принципы передались не только нам, но и нашим детям. Быть честным, трудиться и пользоваться только результатами своего труда, не скупиться на доброту и внимание к людям — этот материнский наказ унаследовала вся наша большая семья.

Н. М. СЛЮСАРЕНКО

Черкассы.

Польша, год 1983-й

Начало см. на стр. 7.

санкции и ограничения, мы сдержали спад производства и постепенно начинаем марш вперед».

Да, «марш вперед» начался. В конце минувшего года сейм утвердил государственный план экономического и социального развития на 1983—1985 годы. Главная его цель — преодолеть экономический кризис и постепенно восстановить равновесие на внутреннем рынке и в государственном бюджете. Предусматривается, что выпуск промышленной продукции увеличится на 16 процентов, в том числе для внутреннего рынка на 24 процента.

Как идет осуществление этих планов? В газетном киоске гостиницы «Метрополь» наряду с известными мне изданиями я увидела много новых газет и журналов. Они появились за последние годы, хотя знакомые журналисты утверждали, что Польша испытывает немалые трудности с бумагой. Листаю страницы печати. Тема номер один — проблемы, связанные с оздоровлением экономики. Постепенно улучшается ситуация на предприятиях. «Трибуна люду» сообщает: в минувшем году шахтеры добыли 189,3 миллиона тонн угля, значительно перекрыв результаты 1981 года. Часть этого угля пойдет на экспорт в уплату долгов. Столичная «Жиче Варшавы» провела рейд «Как на старте, директора?», и руководители крупнейших в стране швейного объединения и кондитерской фабрики оптимистично оценили шансы на выполнение годового плана. Подобных сообщений, свидетельствующих о том, что в Польше постепенно улучшается экономическая ситуация, немало. Вместе с тем печать не обходит острых вопросов, связанных с ходом экономической реформы и решением задачи восстановления рыночного равновесия. Инфляция — следствие отсутствия этого равновесия. Об этом речь идет в интервью с министром по вопросам цен З. Красиньским. Обосновывая необходимость повышения налогов и цен на некоторые товары, он говорит: «Все мы должны отдавать себе отчет в том, что без намеченных мер дефицит государственного бюджета составил бы не 150 миллиардов злотых, как запланировано, а 450 миллиардов. Эту величину трудно вообразить. Попробую ее расшифровать. При таком дефиците государство не было бы способно выплатить ни злотого пенсий, а зарплату получила бы только половина польских учителей!»

Правительство разработало план борьбы с инфляцией, однако, как пишет «Курьер польски», сегодня «около 500 миллиардов злотых не находят покрытия в товарах и услугах. Подсчитано, что для достижения денежно-рыночного равновесия потребовалось бы увеличить общественное производство на 30 процентов. В мире нет ни одной страны, которая могла бы достигнуть этого в течение одного года. Для страны наиболее оптимистический вариант — достигнуть такого роста в течение 4—5 лет».

Комментарии на экономические темы единодушны в том, что сохраняется очень сложная обстановка. Может наступить дальнейшее углубление кризиса, если не будет наведен порядок в области выплаты заработной платы и не увеличатся поставки товаров в торговую сеть в результате роста производства продукции. Тема номер один поднималась со страниц польской печати, словно айсберг, подлинные размеры которого скрывались в глубинах жизни страны. И я решила встретиться прежде всего с теми, кто мог бы прояснить: что там, в этих глубинах?

Жолибож переходит в наступление

— Вы спрашиваете, как идут дела сейчас? Скажу откровенно, первые два месяца после приостановления военного положения нам было очень тяжело работать. Мы буквально каждый день «тушили пожар». Враг нас атаковал, и мы отбивали эти атаки. Теперь мы уже получили возможность собраться с силами и сами переходим в наступление! — говорит Веслав Гемза, первый секретарь одного из варшавских райкомов партии.

В кабинет заглянул коренастый, темноволосый мужчина.

— Заходи, Мариан, думаю, у корреспондента «Огонька» и к тебе найдутся вопросы!

Представив инженера-химика Красовского, секретаря райкома по социально-экономическим вопросам, Гемза продолжил:

— В Жолибоже, в отличие от других районов Варшавы, многочисленный рабочий класс. Здесь крупнейший в стране металлургический комбинат «Варшава», центральное предприятие столичного транспорта, много научных учреждений, институтов. Свой главный удар враги социализма стремились нанести по «Варшаве» и предприятию городского транспорта. Расчет экстремистов был прост. В первом случае им важно было поднять стяг «Солидарности» на флагмане металлургической промышленности, во втором — парализовать нормальную жизнь столицы. Они так рассуждали: если там удастся укрепиться — партия вынуждена будет отступить. С гордостью можем вам сказать: в нашем районе ни на один день не переставала действовать партийная районная организация, и врагу не удалось ни на одном предприятии района уничтожить партийную организацию. В те трудные дни в райком приходили люди, и, беседуя с ними, мы убеждались, как велик ущерб, нанесенный сознанию поляков внутренними и внешними врагами народной Польши! Именно потому, что экономический кризис соединился с кризисом общественного сознания, сегодня процесс преодоления трудностей идет не так быстро, как этого бы хотелось. Но самое важное, и это следует подчеркнуть, первичные партийные организации в Жолибоже выдержали экзамен на политическую зрелость. Рабочие-коммунисты давали отпор врагу, защищали завоевания социализма. И каждое партийное собрание, проходившее в те дни на крупных предприятиях, превращалось в битву с силами контрреволюции. Показательно, что в 1981 году наша отчетная районная партийная конференция стала местом открытого боя с антисоциалистическими силами.

...В дни моего пребывания в Польше завершался важный этап в жизни партии — в организациях ПОРП от первичных до воеводских прошли отчетные собрания. Оценивая ситуацию в партии на основе хода отчетной кампании, польская печать отмечала, что сейчас можно говорить о том, что ПОРП преодолела идейно-политический и организационный кризис и восстанавливает свою руководящую роль и авторитет.

— А как прошла последняя отчетная конференция в Жолибоже?

— По сравнению с прошлым годом было меньше нервозности и больше дискуссий о том, как должно сегодня идти социалистическое строительство. После IX чрезвычайного съезда ПОРП наши усилия направлены на восстановление расшатанных связей с рабочим классом. И делегаты вели откровенный разговор о том, что без единства партийных рядов и последовательности в действиях невозможно сегодня решать сложные экономические, социальные и идеологические вопросы.

— Конечно, одной из главных тем было обсуждение проблем выхода страны из тяжелого экономического положения,— говорит Мариан Красовский.— Коммунисты подчеркивали, что борьба продолжается, но теперь она идет по-другому. Противник ушел в подполье, но мы хорошо знаем: он постарается использовать сложную экономическую ситуацию, которая порождает у людей недовольство. Вот почему так важно сейчас обеспечить экономический успех, объединив силы партии, рабочего класса и технической интеллигенции. И мы рады, что в Жолибоже наконец-то остановился спад продукции и уже начался рост производства!

Начало экономического марша здесь, в районном партийном штабе, ощущают в повседневных заботах. Во-первых, кадры. Среди администрации и партийного руководства предприятий оказалось немало тех, кто растерялся в трудные дни, и теперь их заменили новые люди, у которых нет опыта политической работы. В этой ситуации особое значение приобретает действенная политическая учеба. Сегодня каждый коммунист должен быть вооружен знаниями, необходимыми для отпора действиям врагов, маскирующихся под «истинных друзей народа», а также разоблачения всякого рода «теоретиков» и «толкователей марксизма», вещающих на Польшу из-за рубежа едва ли не круглые сутки!

Надо подчеркнуть: процесс налаживания экономической жизни идет на фоне активизации антисоциалистического подполья и усиления антипольской пропаганды с Запада. В таких условиях задачу укрепления партии здесь рассматривают как необходимость прежде всего занять активную, боевую позицию и очистить ПОРП от людей случайных, пассивных. В Польше я услышала такую цифру. За два года численность ПОРП сократилась на 800 тысяч человек, причем наибольшие потери партия понесла на крупных предприятиях. А как обстоят дела в Жолибоже?

— По сравнению с 1980 годом организация уменьшилась на 24 процента, а по числу рабочих — на 35 процентов,— ответил товарищ Гемза.— Люди уходили по разным причинам. Можно говорить о разочаровании некоторых старых партийцев. Уходили оппортунисты, случайно или намеренно попавшие в партию. Но самая большая беда — из партии, не выдержав испытания острой политической борьбы, ушло много молодежи!

Этот факт наполняет тревогой сердца. С горечью говорили мне в райкоме о том, что в работе с молодежью были допущены ошибки, и это сказалось на устойчивости ее мировоззрения. Например, совершенно неоправданно с 1973 года в школах перестали действовать ячейки Союза социалистической польской молодежи. В вузах молодежные организации подпали под влияние идеологических диверсантов, опытных и умелых «ловцов душ» из так называемого Независимого объединения студентов и КОС — КОРа.

...Мои собеседники входили в жизнь в трудное послевоенное время, и их биография типична для этого поколения. Веслав Гемза пришел в райком с металлургического комбината «Варшава», где он работал сначала рабочим, потом старшим мастером. Всего двадцать четыре года проработал он здесь. Потом окончил техникум, институт, избирался секретарем партийной организации комбината.

Это поколение помнило, с чего начиналась народная Польша, оно прошло через немалые жизненные трудности, имело опыт политической борьбы, который их закалил. А молодые оказались неподготовленными к тому, чтобы дать отпор провокаторам, которые противопоставили политическим занятиям смакование нелегальных изданий, дисциплине — анархию, патриотизму — национализм. Партия в значительной степени утратила влияние на подрастающее поколение, о чем откровенно было сказано на IX пленуме ЦК ПОРП. И здесь, в районном штабе партии, считают первоочередной задачей борьбу за молодежь. Прежде всего в Жолибоже позаботились о том, чтобы в школах был наведен порядок. А ситуация здесь нелегкая — преданных социалистической идее педагогов оказалось не так уж много!

— В районе большое число учебных заведений. Но «Солидарности», действовавшей на предприятиях, не удалось сомкнуть свои ряды с интеллигенцией. Мы начали активно работать в школах, в вузах, научных институтах. Кое-где в школах поменяли директоров и некоторых учителей. И это сразу дало результат. Девиз нашей политической работы — ни одного спокойного дня для противника социализма в Польше! Нельзя давать врагу передышку и время для перегруппировки сил. Борьба продолжается — эту истину должен усвоить каждый боец нашей партии, если мы хотим, чтобы в Польше не разыгрались более трагические события! — рассказывал первый секретарь районной организации ПОРП.

Да, много еще не решенных задач, причем неотложных. А самая главная? Конкретность и гласность партийной работы, потому что это путь к восстановлению доверия и укреплению единства партии с народом.

Люди, примкнувшие к «Солидарности», не могли измениться за эти несколько месяцев, и потому здесь убеждены: партия должна идти на открытый диалог с народом, и тогда не будут плодиться анонимные контрреволюционные группы. Хотя политический противник сломлен, это не означает его ликвидации. Планы диверсии против народной Польши,

которыми руководят определенные зарубежные центры, не изменились. Это подтверждают экономические санкции против Польши.

— Но все эти трудности ни в коей мере не могут пошатнуть нашу уверенность в правильности избранного пути. Эти строки будут читать советские читатели,— сказал, прощаясь со мной, Веслав Гемза.— И я хочу, чтобы они знали: с первых же дней нормализации положения в стране коммунисты Жолибожа вместе с активом Общества польско-советской дружбы постоянно ведут работу по восстановлению в сознании людей правды о великом значении дружбы наших народов. От имени нашей районной партийной организации прошу передать читателям «Огонька», всем советским друзьям, что мы дорожили и дорожим этой дружбой. В ней мы черпаем уверенность, что сумеем выстоять и сегодня, когда трудную ситуацию в Польше всячески стараются усугубить вдохновители контрреволюционеров, действующие из-за рубежа.

Чем озабочены варшавские металлурги!

Поляки называют его: Хута «Варшава». Этот гигант металлургии известен за пределами страны. Не случайно в него целились враги социалистической Польши. Не случайно именно здесь, как сказали в райкоме партии, еще в 1980 году развернулась острая борьба рабочих, партийных активистов с «Солидарностью». Председателем забастовочного комитета «Солидарности» был инженер Кароль Шадуньский. Шадуньский и его «соратники» регулярно являлись на все открытые партийные собрания, задавали провокационные вопросы. На эти вопросы отвечали не руководители парткома, а сами партийцы-рабочие и в этой открытой политической борьбе победили!

Было интересно узнать, какими заботами живут сегодня эти люди. Что вынесли они из суровых уроков политической борьбы? Как оценивают ход экономической реформы? Коллеги из журнала «Пшиязнь», в гости к которому я приехала, помогли организовать поездку на металлургический комбинат «Варшава».

...Машина едет знакомыми улицами. На первый взгляд столица ничуть не изменилась. В потоке пешеходов по-прежнему много хорошо и модно одетых людей. Дороги запружены машинами всевозможных марок, хотя цены на бензин подскочили так, что теперь, как утверждает редакционный шофер Збышек, «многим придется выгуливать личные «фиаты», как собак, неподалеку от дома!». У дверей некоторых магазинов — длинные хвосты очередей. «В газетах написали,— мимоходом бросает Збышек,— что водка, кофе и сигареты снова подорожают. Вот люди и стоят!» Молодой варшавянин старается при случае ввести меня в курс дела. «Видите эту длинную «дуру»?— показывает он высоченное здание.— Вот вам наглядный пример того, к чему привела наша «жизнь взаймы»! Уже несколько лет стоит эта не достроенная шведами гостиница и сколько еще простоит — неизвестно. А почему? У нас, как выяснилось, не оказалось денег, чтобы достроить ее, и я каждый раз чертыхаюсь, когда еду мимо. Вместо этой «дуры» можно было построить несколько обычных жилых домов. Ведь у нас люди жилья ждут по пятнадцать — двадцать лет, я хорошо это знаю, потому что живу с женой и восьмимесячной дочкой в маленькой квартире родителей, где, кроме нас, еще обитает моя замужняя сестра с ребенком!»

«Жизнь взаймы», вернее, ее последствия, о которых с горечью говорит этот молодой отец, были использованы контрреволюцией в целях экономической диверсии. Дирижеры этой диверсии рассчитывали, что страна, завязнув в долгах, у Запада, под прессом его санкций не выдержит испытания, экономика развалится, а люди утратят доверие к народной власти.

...Ну, а они, партийные активисты, рабочие металлургического комбината, понимали ли они, к чему вела эта игра «в процветание»? Люди, с которыми я здесь познакомилась, представляли разные поколения. Здислав Казиковский, седовласый, могучего сложения ветеран партии, уже пенсионер. Всю жизнь он проработал на комбинате и в трудные дни остался в строю. Слесарь Еугениуш Таперек работает здесь уже двадцать два года. Кшиштоф Муравский гораздо моложе его, он трудится на заводском складе и ведет большую работу как член пленума рабочей комиссии при Варшавском воеводском комитете ПОРП. Ежи Самсель возглавляет отдел информации, а самый молодой — руководитель партийной организации комбината, экономист по образованию, Ежи Тшешневский — вырос на заводе: ему всего 34 года.

Я едва успеваю записывать ответы на заданный вопрос.

«Мы не раз обращали внимание администрации на то, что заводу выгоднее сотрудничать с венгерским «Икарусом», а не покупать лицензии у западногерманской фирмы «Берлие», но нас не слушали». «Конечно, мы знали, что покупаем в долг у западных стран оборудование и сырье, но истинные размеры этого долга были неизвестны». «Создавалась видимость, что рабочий класс участвует в жизни завода, а, по существу, он был дезинформирован».

Обещания рабочим навести порядок не выполнялись, а их жизненный уровень падал. Этим воспользовались руководители «Солидарности». Они говорили рабочим: «Вот вы трудитесь, завод перевыполняет план, а живете вы хуже, чем прежде. Почему? Да потому, что никто не заботится о нуждах простых людей. Вступайте в «Солидарность» — она защитит рабочего человека!» И люди, идейно не закаленные, молодые рабочие отдавали партийные билеты, уходили в «Солидарность» и говорили: «Партия виновата в том, что у меня нет жизненной перспективы!» Из 9700 членов ПОРП на комбинате в те дни ушли 2600 человек. Среди них были честные, хорошие люди, разочарованные тем, что действительно их судьбой не занимались.

Это был жестокий урок. Почти половина рабочих на комбинате—молодежь до 35 лет. Чтобы поскорее вырывать их из-под влияния «Солидарности», партийная организация совместно с ячейкой Союза социалистической польской молодежи разработала программу действий — «С молодежью о молодежи». В нее вошли все толковые замечания и предложения о ее профессиональных и бытовых проблемах. Причем осуществляется этот план при активном участии самих молодых.

— Нас упрекала молодежь, что мы ее слишком далеко держали от задач повседневной действительности. Это правда! — говорит Здислав Казиковский.— Я считаю, сейчас мы стали сильнее: в партии остались те, кто будет с ней и в хорошие времена и в тяжелые. А раз так — сейчас самое время позаботиться о нашей рабочей смене, которая, надо прямо признать, попалась на «потребительскую наживку» «Солидарности».

«Молодежь в реформе» — так здесь называют комиссию, в которую вошла группа молодых специалистов. Эта группа получила право контролировать все кадровые передвижения молодых на комбинате и содействовать их профессиональному росту. Теперь регулярно вместе с администрацией молодые специалисты и рабочие обсуждают актуальные вопросы жизни предприятия: от них ничего не утаивают. Пусть молодежь привыкает к мысли о том, что ей тут быть хозяином, а не иждивенцем!

— «Солидарность» расшатала многие утвердившиеся в практике формы воспитательной работы, в частности систему политобразования. Мы активно ищем новые формы работы с молодежью и учитываем, что сейчас заметно стала укрепляться позиция церкви,— рассказывал руководитель партийной организации комбината Е. Тшешневский.— Вначале, когда упал авторитет партии и народной власти, этот авторитет присвоила «Солидарность», выдавая себя за истинных защитников народа. Сейчас, когда «Солидарность» в глазах многих развенчана, а партия и народная власть еще не сумели полностью вернуть авторитет и доверие, церковь умело воспользовалась этим, и люди, особенно молодые, больше, чем прежде, потянулись к костелам, которые получают помощь от зарубежных «друзей» Польши и могут себе позволить раздавать прихожанам бесплатно лекарства, которых теперь нет в аптеках из-за нехватки валюты, а в некоторых костелах подросткам раздают жевательную резинку, шоколадки. Мы не собираемся сдавать свои позиции костелу и подчеркиваем, что земными делами будем заниматься сами!

Я поинтересовалась, о каких «земных делах» речь шла на минувшей отчетной заводской партийной конференции. Она была боевой — выступавшие говорили о необходимости укреплять трудовую и общественную дисциплину, о том, что надо более энергично бороться с бесхозяйственностью, расточительностью и спекуляцией. По мнению рабочих-металлургов, «заигрывание» с частным сектором привело к тому, что в обществе продолжает идти процесс социального расслоения. Рабочие налаживают производство, но повышение цен ударяет в первую очередь по карману трудового человека. «В экономической реформе есть бреши, через которые пролезает частный капитал!» — считает слесарь Еугениуш Таперек.

Летом минувшего года на комбинате побывал товарищ Ярузельский, и состоялся острый, открытый разговор. Рабочие говорили о том, что надо более активно бороться со спекулянтами и сдерживать рост частных фирм, которые создаются на средства поляков-эмигрантов и переманивают высокими заработками рабочих и инженеров, в то время как варшавские предприятия вывешивают объявления о том, что им требуются слесари, фрезеровщики, токари. Очевидно, нужна новая система налогового обложения этих фирм, «чтобы государство ими управляло, а не они управляли нашим семейным бюджетом» — вот как ставили вопрос рабочие!

Член рабочей комиссии при Варшавском воеводском комитете партии, в которую входят представители всех ведущих предприятий столицы, Кшиштоф Муравский рассказал: на некоторых предприятиях нашли такой «выход» — стали щедро повышать заработную плату, платили «тринадцатую» зарплату. А чтобы было из чего выплачивать такие деньги,— повышали цены на свою продукцию!

Есть только один путь оздоровления экономики — рост производства и жесткое соответствие заработной платы и производительности труда — так считают люди, с которыми я встретилась на этом комбинате. 28 декабря металлургический комбинат «Варшава» выполнил годовой план. В этом году дела идут неплохо — предприятие работает в нормальном режиме, финансовый план выполняется, но... стоимость продукции пока еще выше прежней.

— Тут многое будет зависеть от сырья! Прежде в значительной степени мы покупали сырье на западном рынке,— объяснял Ежи Тшешневский.— Теперь предпринимаются усилия к тому, чтобы свести к минимуму зависимость от западного сырья и расширить поставки его из Советского Союза. Такое перераспределение средств выгодно вам и нам. Это понимает все большее число рабочих комбината, и потому сегодня все больше людей приходит к нам в партком и в дирекцию с предложениями, как поскорее наладить работу на всех участках.

Кандидат в члены ЦК ПОРП, молодой инженер, возглавляющий одну из боевых варшавских партийных организаций, говорил о самом важном — о стремлении Польши подниматься на ноги, опираясь на собственные силы и на поддержку верных друзей. Сегодня в стране растет число предприятий и целых отраслей народного хозяйства, которые справляются с намеченными планами благодаря расширяющемуся сотрудничеству с нашей страной и другими странами СЭВ.

Я побывала на ТЕЛКОМе — варшавском предприятии, где производят телефонное оборудование. Первое, что я здесь услышала,— слова горячей искренней благодарности советским людям. В самые трудные дни Польши, когда из-за забастовок и анархии оказались разорванными многие деловые нити с зарубежными партнерами, ТЕЛКОМ выстоял и смог обеспечить рабочим заработок только потому, что Советская страна оказалась надежным и бескорыстным партнером. Больше половины экспорта этого предприятия идет в СССР. В прошлом году предприятие смогло выйти из чрезвычайно сложной ситуации, рассказал начальник производственного отдела Войцех Сарнецкий. До конца этого года в СССР будет поставлено десять автоматических телефонных станций по 10 000 номеров: этого достаточно для телефонного обслуживания города с населением в миллион человек. «Рейгановская блокада Польши убедила всех нас в том, что прежний курс на сотрудничество с западными фирмами вел страну в тупик. Нам не нужна экономическая зависимость от Запада. Мы должны рассчитывать сами на себя и на своих друзей из стран социализма»,— говорили мне на этом предприятии.

Варшава — Москва.

(Продолжение следует.)

искусство и зритель

ПЕСНЯ, ДОРОГАЯ СЕРДЦУ

В Нижнеудинске, небольшом сибирском городе у подножия Саянских гор, Виктор Иванович Филончик человек известный. Я еще не встречался с ним, а уже наслышался, что ни один праздник не обходится без его участия. Многие годы он, солист русского народного хора Нижнеудинского локомотивного депо, ведет концертные программы.

— Филончик из тех людей, что по-настоящему увлечены искусством,— сказали мне в городском комитете партии.— И машинист отличный, награжден орденом Трудового Красного Знамени...



Спрашиваю у Филончика: наверное, раньше дома любили петь, играть на гитаре?.. Нет, не было этого. Отец, плотник, с утра до ночи на работе; мать едва управлялась по хозяйству: в семье росли еще два сына и две дочери... Жили трудно в послевоенные годы.

— Но мне очень везло на хороших людей,— говорит Виктор Иванович.— От них все и пошло. Учитель пения Иван Ефимович Малетин запомнился на всю жизнь. Он и сегодня преподает пение в нижнеудинской школе. В прошлом году ему присвоено звание заслуженного учителя РСФСР.

Поступил Филончик учеником слесаря в локомотивное депо. И тут ему снова повезло. Тут его встретила Любовь Васильевна Приденина, бессменный руководитель хора.

Полюбить песню — значит поверить в возможность высказать самое сокровенное, что есть в человеке,— это ее позиция.

Ей было семь лет, когда через родное село, только что освобожденное от фашистских захватчиков, проходили воины Советской Армии. Жители села и плакали от радости и пели... Так и сегодня — песня выражает жизнь.

— Нынешней весной,— рассказывает Виктор Иванович,— мы выступали в таежном поселке Кедрово на берегу реки Бирюсы. Вы представляете, как нас принимали... Обступили со всех сторон, смотрели в глаза. И нам хотелось петь как никогда!

Н. КРИВЕНКО.
Фото Ю. Рушенцова

Иркутская область.
Нижнеудинск.



Кадр из фильма

ВЕЧНО МОЛОДОЙ УТЕСОВ

«Старая пластинка» — так неожиданно называется новый мультфильм. ...Плавно летит по небу космический корабль, в креслах явно иноземные существа, и уже недалеко планета Земля. Вдруг из какого-то фантастического аппарата доносится грохот, рев: полумузыка, полукрики. Но после настройки инопланетяне слышат приятный, чуть приглушенный голос:

Как много девушек хороших,
Как много ласковых имен...

И сразу обрадовались инопланетяне! И по зрительному залу тоже пробежал довольный шепот. Все узнали Леонида Осиповича Утесова. Этот голос дарит радость, связывает с какими-то заветными воспоминаниями...

Сердце, тебе не хочется покоя!
Сердце, как хорошо на свете
жить...

Инопланетяне тоже увлеклись — слушают Эдит и Леонида Утесовых: «Все хорошо, прекрасная маркиза!..» А чего уж хорошего — хуже и быть не может, и кадры мультфильма во время песни очень живо воссоздают всю трагикомическую ситуацию...

Фильм вобрал в себя — и заново подарил зрителю — старые, но вечно молодые песни Л. О. Утесова. А вот и он сам: подбадривает старую лошадь, запряженную в ветхую коляску. И опять слышится смешное, знакомое: «Я не извозчик, я водитель кобылы!..» Цокают копыта, лошадь согласно кивает в такт музыке. У всех, кто сидит в зале, теплеют глаза: кому-то весело, а у кого-то и светлая грусть, навеянная воспоминаниями... К этому, наверное, стремились авторы мультфильма: сценарист Ирина Крякова и режиссер Вячеслав Котеночкин.

М. НИКУЛИНА

«МАРИЙ ПАМАШ» В ИСПАНИИ

Фольклорный ансамбль «Марий памаш» («Марийский родник») еще молод, как молоды и его участники, юноши и девушки Йошкар-Олы. Но у самодеятельного ансамбля уже солидная биография: он познакомил со своим искусством тысячи зрителей городов и сел,— и не только у себя на родине. Ансамбль «Марий памаш» с успехом гастролировал в Нидерландах, где творчество народа мари воспринималось заинтересованно и доброжелательно.

Состоялась и новая зарубежная поездка — в Испанию. «Марий памаш» не только участвовал в международном фестивале, в городе Бадахосе: концерты фольклорного ансамбля прошли и в других городах Испании. И снова заслуженный успех выпал на долю его артистов и руководителей: композитора В. Данилова и балетмейстера Н. Кузнецовой-Дружининой.

Красочные костюмы, старинные музыкальные инструменты, живописные, темпераментные песенно-танцевальные картинки — все это блещет ярким национальным колоритом.

Л. ГУРЕВИЧ



Свадебный танец.
Фото В. Аскоченского

Йошкар-Ола.

Земные пожары на космических фотографиях * Леса горят, а техники мало * Как помочь зеленому другу!

ВНИМАНИЕ: ЛЕСАМ УГРОЖАЕТ ОГОНЬ



Десант борется с пожаром.

Л. КОРОБОВА

КОСМИЧЕСКОЕ ОКО

Почти сорок лет отделяют эту женщину от того времени, когда она вот так же, как и сейчас, склонившись над столом, «рисовала» карты — карты последней войны. Тогда вся их география охватывала небольшую область — Первый Украинский фронт. Сколько печалей и радостей отметили на этой карте руки молодого военного инженера-метеоролога, ушедшей на фронт тотчас после окончания института...

Но сегодня перед Галиной Николаевной Исаевой, старшим инженером Главного центра приема и обработки спутниковой информации, другая карта: на ней уже не клин земли, а вся страна. Красива ее Отчизна, красива природа и столь же разнообразна, как человеческие судьбы. И ныне у Галины Николаевны много забот, но уже других — как сохранить родную землю, уберечь от внезапных наводнений, лавин и пожаров...

Ежедневно сюда, в Главный центр приема и обработки спутниковой информации, поступает до четырнадцати фотографий, точных копий планеты, или, как говорят специалисты, четырнадцать «витков». Карты ложатся на стол, и Галина Николаевна Исаева вместе со своей сотрудницей Викой Трофимовой определяет на космических фотографиях еле заметные точки земных пожаров, а затем переносит их на другую карту.

— Процесс этот как будто простой,— улыбается женщина,— отличить или, вернее, отделить от облаков очаги пожаров — вот эти белые точки со шлейфами... Но в том-то и беда, что точки бывают похожи на облака, часто шлейфы даже из космоса не увидишь. Тут, кроме определенной методики, нужна и интуиция.

Географические координаты пожарных очагов переносят со спутниковой фотографии на специальные бланки-карты, которые незамедлительно передаются в Госкомгидромет и на Центральную авиабазу охраны лесов Министерства лесного хозяйства РСФСР.

— Разработанная в нашем центре методика определения очагов пожара,— говорит Исаева,— используется и в региональных центрах — Сибирском и Дальневосточном.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ДИСПЕТЧЕРСКАЯ

...Уютный, зеленый город под Москвой — Пушкино. Здесь-то и находится Центральная авиабаза охраны лесов Министерства лесного хозяйства РСФСР, куда поступает информация со спутников. Собственно, это своего рода главная диспетчерская, связанная с другими базами, разбросанными по всему Союзу. И не просто связанная, а перебрасывающая в самые горячие точки людей и технику.

Сейчас все внимание центра — Сибири и Дальнему Востоку: как и в прошлом году, горят леса Тюменской и Томской областей, дымом застланы ягельные пастбища Магаданской области. А ведь только там пасется не менее 800 тысяч оленей.

— Кроме информации со спутников, мы принимаем наземную, местную,— рассказывает старший инспектор В. Тихонов.— Сколько их, малых пожаров! С ближайших аэродромов вылетают десантные группы на борьбу с огнем. Когда пожар охватывает большие территории, как это случилось недавно на севере Красноярского края, то на помощь спешат из других краев и областей Союза. Большой пожар — бедствие для всего народа...

Нынешнее лето для центральных и северных районов России сравнительно спокойное. Вот почему именно отсюда направляются команды парашютистов и десантников-пожарных в сибирские области, где первые пожары в этом году были зафиксированы еще в марте.

— Так и летают наши пожарные по всей стране,— продолжал Владимир Викторович.— Для них это командировка не просто в горящую зеленую зону, а словно на фронт, откуда иногда можно и не вернуться. Как во всяком бою, у нас есть свои отличившиеся: командир объединенного авиазвена Александр Ильич Глебов награжден медалью «За отвагу на пожаре», бывший парашютист Аркадий Ефимович Воробьев имеет такую же награду за работу по ликвидации пожаров в Шатурском районе Московской области. На Дальнем Востоке двадцать лет охранял леса Николай Леонтьевич Кобяков, летчик-наблюдатель, награжденный орденом Трудового Красного Знамени.

— Какова основная причина больших пожаров, охватывающих десятки тысяч гектаров?

— Люди небрежно ведут себя на природе,— ответил В. В. Тихонов.— Это, пожалуй, основная причина. Особенно проявляется это, когда начинается массовый сбор ягод, грибов и возрастает приток туристов. Если в центральных и северных зонах России, как правило, в эту пору идут дожди, то в Приморье сухо, осадков выпадает мало... И достаточно иногда брошенного окурка...

Как борются сейчас с пожарами? Видимо, не так, как сто лет назад? Увы! В Пушкине мы услышали грустные рассказы о средствах борьбы с огневой стихией: в основном они остались теми же, что были в прежние времена,— лопата, ветки и песок. Правда, появились ранцевые лесные огнетушители (РЛО), мотопомпы, взрывчатка и т. д., но для тушения крупных лесных пожаров, к сожалению, пока что не имеется более эффективных средств.

— Когда пожар в сотнях километров от человеческого жилья и нет к нему никаких дорог, а следовательно, нет и возможности доставить трактор или бульдозер,— добавил присутствовавший при беседе А. И. Глебов,— то тут нужны в первую очередь вертолет и самолет. Но именно их-то у нас всегда не хватает, а те, что есть, маломощны: даже не могут поднять «бочки» с двумя тоннами воды... Не поверите — резиновые рукава дефицит, не говоря уже о том, что для наземного патрулирования местности, которая в Сибири иногда тянется на сотни километров, лошадок маловато — мотоцикл нужен.

...Перед трехэтажным кирпичным зданием Центральной авиабазы охраны лесов построен необычный павильон: неприметный издали, но войдешь внутрь и ахнешь... русская природа с ее березками и кленами, бобровым заповедником, запахами леса, пением птиц, с серым волком и медведем (чучела) окружает вас. В центре павильона — миниатюрные макеты образцовых лесничеств, в том числе Данковского Московской области, который был представлен на Международной выставке в Монреале. Здесь мы увидели малогабаритную лесопожарную технику, изящные лесопатрульные катера и высоченную каланчу, оборудованную телевизионным устройством для обнаружения пожаров.

Одним словом, как раз то, чего так мало в лесопожарных районах страны. Вышка-каланча очень напомнила древнерусскую, с которой наши предки тоже обозревали пространство и подавали первые сигналы о появлении иноземцев.

На одной стене павильона написаны красивыми буквами слова Леонида Леонова, что труд на пользу леса будет всемерно об-

легчен сочувствием и поддержкой народа; на другой — портреты русских и советских лесоводов: Г. Морозова, В. Сукачева, Г. Высоцкого... Эта постоянно действующая выставка «Русский лес и его охрана» была создана в 1977 году по инициативе Министерства лесного хозяйства РСФСР — ведь 95 процентов всего лесного фонда приходится на эту республику. Сюда, в этот маленький уголок земли русской, приезжают специалисты, зарубежные гости и все, кому мила и дорога природа наша.

ИНТЕРВЬЮ В ДВУХ МИНИСТЕРСТВАХ

Из Пушкина — в Главное управление Севера Министерства сельского хозяйства СССР, где хорошо знают проблему ягельных пастбищ. Начальник управления М. П. Кошелев, проработавший только в Магаданской области около двадцати лет, рассказал:

— Ягель — основной корм оленей, и занимает он 11,2 миллиона квадратных километров — это Якутия, Камчатка, Коми АССР, Архангельская и Мурманская области... Вплоть до Сахалина, включая сам остров. Территория огромная! Сегодня на ее землях пасутся четыре миллиона оленей.

Когда горит олений корм — это страшное бедствие для всего живого на Севере. Уничтожить ягель пожаром легко, но восстановить потом трудно: он подрастает медленно, на один миллиметр в год. Значит, 30—40 лет уходит на восстановление пастбищ! За последние годы наше министерство приняло самые серьезные меры к их сохранению. Для этого ежегодно выделяем не менее девяти миллионов рублей только на содержание авиационных подразделений, охраняющих 139 миллионов гектаров пастбищ и охотничьих угодий. С техникой для тушения пожаров у нас действительно плохо, той, которая нужна, нет или очень мало. Представьте, на Севере, да еще, скажем, зимой, заглохнет трактор — как его при тамошних морозах заводить, сколько горючего понапрасну расходуется! — взволнованно говорил начальник управления Севера.— Несколько лет назад гидросамолеты у нас на службе были, но отобрали их... а вертолетов для тушения больших сибирских пожаров, как вы уже знаете, нет. Министерство гражданской авиации предлагает вертолеты, не приспособленные для тушения пожаров, да при этом один летный час МИ-8 стоит 740 рублей. Не сомневаюсь, что Министерство гражданской авиации найдет причины в свое оправдание, и кое-кому они покажутся убедительными, но ведь леса-то горят, ягель горит, и мы не в силах спасти все это богатство! На Руси с пожаром всегда боролись всем миром, а теперь людей часто уговаривать приходится, бульдозеры и тракторы выпрашивать...

Горькие слова услышали мы от Михаила Петровича Кошелева. А дополнила их беседа в другом министерстве — лесного хозяйства РСФСР. Там только что получили сведения из Хабаровского края: в Николаевском районе от грозы вспыхнул большой пожар, куда брошено 650 человек и вся имеющаяся техника — 37 бульдозеров и 13 тракторов... Не легче сегодня и на Сахалине, но там уже удалось локализовать семь крупных пожаров — таких здесь не помнят лет десять.

— Самые страшные пожары верховые, когда горят кроны деревьев,— говорит заместитель начальника Главного управления охраны и защиты леса Е. А. Щетинский, вернувшийся недавно из Красноярского края.— Сильный ветер бросает огонь по кронам деревьев, и схватить его невозможно, пока пламя не спустится вниз. Верховые пожары в отличие от низовых полностью уничтожают лес, который восстанавливается не скоро...

Выясняется, что Министерство лесного хозяйства РСФСР ежегодно получает пожарную технику в весьма ограниченном количестве. Для страны, занимающей первое место на планете по лесным массивам, этого количества, по твердому убеждению двух министерств, очень мало. Только в одной Магаданской области нынешним летом было зарегистрировано около 300 пожаров! Если разделить всю имеющуюся пожарную технику на все пожарные районы, получится, что с огнем боремся по старинке.

— Бульдозер — хорошая машина,— замечает Е. Щетинский, собирающийся в новую командировку в енисейскую группу районов.— Но на пожаре нужна машина сильная, как, например, «Катерпиллер»; наше министерство не имеет их ни одной. Выручает нас Министерство лесной промышленности СССР, которое отрывает от себя 60 уникальных по силе и проходимости бульдозеров, спасая лес Дальнего Востока. То же министерство, его управление «Дальлеспром», создает летом специальные команды для тушения пожаров.

— Леса Сибири сильно горят второй год — к общей нашей беде,— вступил в беседу заместитель министра лесного хозяйства РСФСР О. И. Рожков.— И прежде всего Томская область с ее известными Васюганскими болотами и вся енисейская группа районов, где создался как бы эпицентр засухи. Людям удалось спасти прекрасный Виссарионов бор — ценнейший кедрач — на площади более полутора миллионов гектаров. Организовали здесь специальный лесхоз, и в этом году случился лишь один пожар, который своевременно потушили.

Способствует возникновению пожаров и то, что в последние годы,— продолжает Олег Иванович,— грозовая деятельность участилась повсеместно, на всей планете... Каких-то десять — пятнадцать лет назад гроза была причиной семи процентов всех пожаров, а теперь цифра эта возросла до двадцати...

Мы в долгу перед будущими поколениями. Хлеб они вырастят сами, а лес им оставляем мы, сегодняшние граждане.

ОТ РЕДАКЦИИ: защищать от огня леса — красоту и величие нашей природы — дело не только пожарных и специальных ведомств. Здесь нужна помощь всего народа и каждого человека в отдельности. Только мы с вами — наша сознательность, бережность к лесу, наше деятельное участие помогут решить эту государственную проблему.

Расскажите нам, как у вас оберегают природу. Как борются с пожарами и какие трудности вам приходится преодолевать?

Ждем ваших писем.

М. КОРЧАГИН

ФЕЛЬЕТОН

АВОСЬ

Замешалось как-то в наш словесный рацион одно постное и, казалось бы, безобидное словечко. Надеваем мы, например, шляпу, берем «дипломат» и отправляемся на работу. А на выходе хватаем с гвоздя обычную авоську и бурчим себе под нос это самое слово.

— Авось...— бурчим мы.— Забегу-ка по дороге на базар. Авось дядя Вася огурчиками торгует.

И здесь мы ничем не рискуем. Даже если огурчики особого, дяди-Васиного посола уже расхватали. На худой конец ограничимся помидорчиками тети Даши.

А далее, когда приходим на свое рабочее место, вдруг в самом разгаре работы в нашей речи проскальзывает то же безобидное словцо.

— Авось обойдется...— в спешке роняем мы и недовинчиваем до конца одну-единственную крошку-гайку.

— Авось и так сойдет...— бурчим себе под нос и в ящик с готовой продукцией бросаем чуть-чуть недошлифованную деталь.

Бывает, и «обходится» и сходит, а «авось» остается безобидным, как при походе на базар за огурчиками. А бывает, и нет. Это когда на самом крутом и опасном повороте откручивается та самая гайка или в самое пекло уборочной страды упрямо заклинивает недошлифованная деталь. В такие минуты это безобидное «Авось» в силу его значимости позволю себе написать не меньше чем с уважаемой, заглавной буквы.

Но и сказать, что авторы полетевшей гайки или той злосчастной детали обязательно какие-нибудь там горькие пьяницы и заядлые бракоделы, тоже нельзя. Зачастую это неплохие труженики, выполняющие планы на сто с лишним процентов и посещающие все культмассовые мероприятия, включая коллективные походы в планетарий. Только вот проскакивает у них порой это самое «авось».

А. Алексеев, например, не имел за собой никаких грехов. И переживал за план по овцам своего родного колхоза «Молния» Малопургинского района Удмуртской АССР. К тому же он не был горьким пьяницей и в ночь, когда сторожил овчарню, был кристально трезв. Единственное, чем грешил он (да и то по отношению к собственному здоровью), это покуривал самосад. Но самосад кончился. А чтобы исправить положение, курильщик поспешил домой.

Тут бы самый раз и протянуть к общему рубильнику руку и потянуть за рукоять в сторону «выкл.». Конечно, можно было и протянуть и потянуть, но пудовой гирей повисло на руке это самое «авось».

«Та что с ней станется...» — махнул сторож в сторону озаренной электрическим светом овчарни и направился к дому.

...И когда Алексеев вернулся на пост, ему было от чего прикурить самосад — сгоревшая от замыкания овчарня предоставила ему такую возможность. Погибло 400 барашков. Не сгорел, пожалуй, только металлический рубильник с рукояткой, оставленной на «вкл.». А точнее: оставленной на «авось», которое обошлось колхозу «Молния» в 304 тысячи и 351 рубль.

Было бы ошибкой сказать, что у А. Алексеева имелся злой-нибудь злой умысел, тем более что эту сумму придется выплачивать именно ему.

Также никаких черных мыслей не роилось в голове прораба треста «Калининдорстрой» В. Ларионова. Мало того: за свою сознательную жизнь он не сжег ни одной овчарни. Напротив. Он делал благородное дело — возводил на радость будущих 72 новоселов девятиэтажный дом № 8 на улице Благоева в городе Калинине. Причем взялся он за это с большой готовностью перерезать алую ленточку сдачи в срок.

Начинать нужно было с фундамента. И как прораб В. Ларионов этот нюанс знал. Так же, как и то, что закладывать его в студеную зимнюю пору очень даже нежелательно. Знал он об этом и летом. Не переставал знать осенью...

— Авось и с таким фундаментом дом устоит.— И заложил его аккурат в студеную зимнюю пору. Причем сделал это, можно сказать, на совесть и в срок.

Но пожаловала на строительную площадку весна. Под ногами зачавкал март. А под двумя выстроенными этажами загулял фундамент. Дом затрещал по всем имеющимся и неимеющимся швам. О девяти этажах уже не могло быть и речи. Теперь уже речь велась о возможности строить на таком фундаменте только пять этажей. Не более. «Авось» обошлось государству не в один десяток тысяч рублей. Не считая того, что в доме, укороченном на четыре этажа, не справили свои новоселья 32 семьи калининцев.

Хотя бывает, что и постройки соответствуют всей имеющейся документации. Трехметровый колодец, например, который сидит в московской земле напротив дома № 43 по улице летчика Бабушкина, построен на совесть. Единственное, что требовалось,— накрыть его тяжелой крышкой. Просто взять и накрыть. Не более. Но, видимо, не так это просто и легко — не первый месяц гостеприимно открыт колодец всем желающим, а точнее, нежелающим.

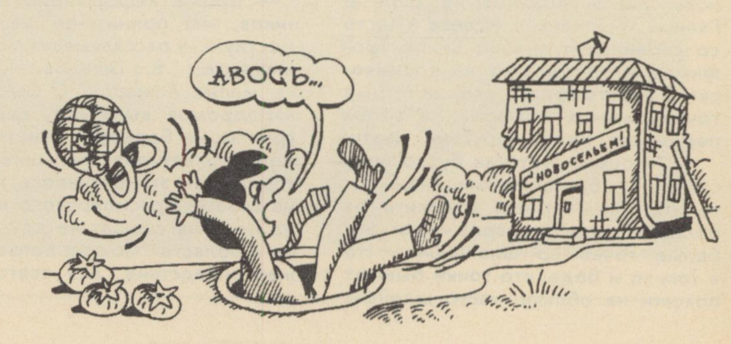
И не менее легкими были мои поиски того, кто обронил у этого колодца «авось». Честно говоря, я почувствовал себя случайным зрителем на своеобразном межведомственном футболе.

— Это не наше,— заняли оборонительную позицию канализационщики из треста «Мосочиствод», отфутболив мяч со своей территории поближе к воротам столичной «Теплоэнергии».

— Но позвольте...— неплохо среагировали там, и мяч, описав завидную траекторию, угрожающе запрыгал между воротами москвичей из «Горгидроремонта» и «Мосводопровода». Правда, и на этот раз игроки обеих команд, не уступая друг другу в умении, не допустили до своих ворот нежелательный мяч.

Получилась интересная ситуация — межведомственная ничья. Неизвестно, сколько времени будет она длиться, но пока остается надеяться, что поздно или рано объявится этот самый ответственный за люк товарищ, которого назовем покуда Э. Х. Авоськин. Давайте наберемся терпения и будем ждать, когда кто-то сделает конкретный шаг и стены колодца огласят конкретные вопли пикирующего в неведомое гражданина, который торопился до этого в совершенно ином направлении. Тогда, несомненно, появятся конкретно переломанные руки или ноги. Так что будем ждать.

А можно и не ждать. Можно взять крышку и накрыть ею колодец.



ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

В ЗАЩИТУ ПЕШЕХОДА

Не все водители притормаживают возле пешеходных переходов. Дорожные знаки воздействуют на них явно недостаточно. Поэтому в Голландии придумали способ, заставляющий автомашины поневоле ограничивать скорость в городах с напряженным движением транспорта, а также на заводских территориях, в маленьких поселках и т. п.

Изготовленные из резины искусственные «бугры», скрепленные между собой тросом, располагают на пути транспорта в месте перехода в два ряда. Возле бровки тротуара тросы зацепляют за специальные бетонные стерженьки. Высота «бугров» от 50 до 70 мм. Автомобильным шинам они не могут причинить неприятностей, а пешеходы в выигрыше.

При желании искусственное препятствие можно перенести в другое место, однако во избежание хулиганских выходок и воровства предусмотрен вариант, когда «бугры» крепятся к проезжей части специальными штифтами и болтами.



ЧУДО-ГОНКИ В СТАРОМ ПОРТУ МАРСЕЛЯ



Ассоциация учащихся Высшей инженерной школы Марселя организовала забавное состязание — гонки в Старом порту Марселя на диковинных судах. К участию в «гонках» допускаются самые нелепые и оригинальные сооружения, например, гигантская теннисная туфля, кровать под балдахином и т. п., однако владельцы должны оборудовать их таким образом, чтобы все эти не приспособленные для воды изделия не только не потонули, но и смогли бы передвигаться по воде. Принимать участие в гонках могут и автомобили, но не амфибии, а обычные машины, переделанные в корабли самими участниками.

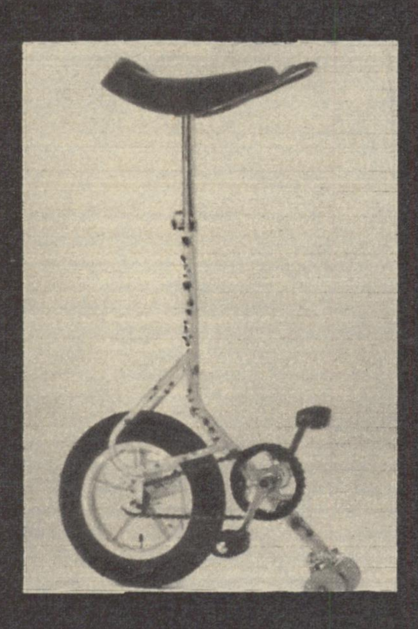
Гонщики должны быть авторами и исполнителями оригинальных плавающих конструкций. Главное же — чтобы было как можно более смешно.





ДЛЯ СПОРТА И ДЛЯ ОТДЫХА

Этот новый вид транспорта — гибрид циркового одноколесного велосипеда и роликовых коньков. Седло расположено на высоте от 75 до 105 сантиметров. На таком моноцикле можно легко двигаться в любую сторону, соскакивать с тротуара и т. п. Так как руки у сидящего на моноцикле свободны, можно подумать о создании новой спортивной игры — например, напоминающей баскетбол.



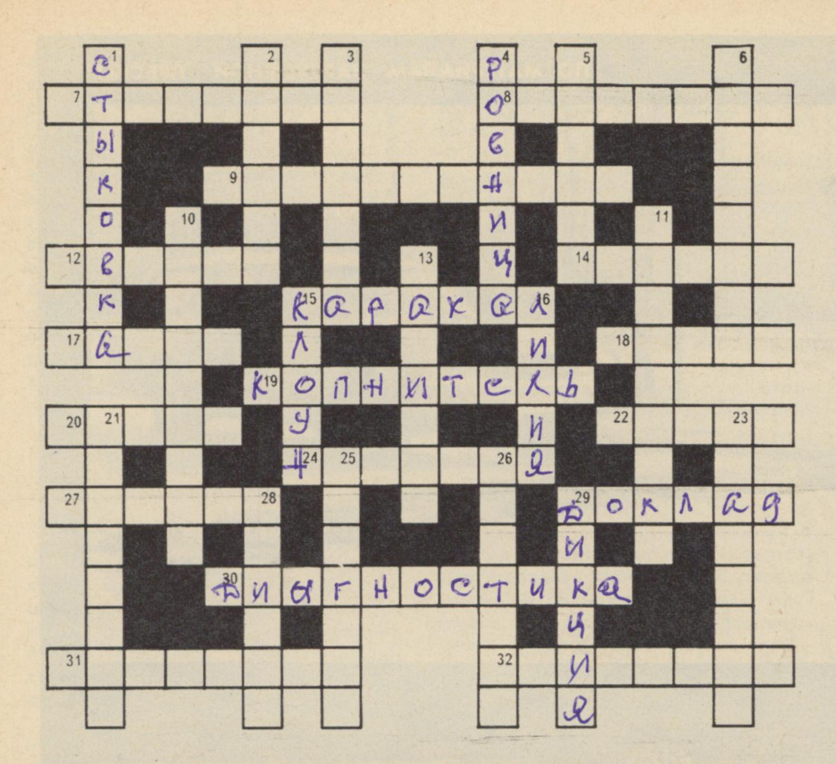
КОГДА САДОВОД В ОТПУСКЕ

С мая по сентябрь молодые деревья особенно нуждаются в регулярном поливе — это способствует их росту и усиленному развитию корневой системы. Совсем простое устройство может взять на себя эту заботу, когда хозяева сада уезжают в отпуск или по другим причинам не могут систематически ухаживать за своими питомцами. На земле вокруг ствола деревца укладывается гибкий резервуар из полихлорвинила. Благодаря специальным капсулам, находящимся в основании резервуара, обеспечивается равномерное выделение воды в течение суток. Устройство может быть рассчитано на автоматический полив в течение недели, двух недель или месяца.

Такой способ имеет и дополнительные преимущества: сам резервуар препятствует испарению воды с поверхности, которую он занимает, а кроме того, не дает расти сорнякам. В воду можно добавить удобрения и противопаразитные растворы. Это простое поливочное устройство предназначается для молодых деревьев, диаметр ствола которых не превышает 15 сантиметров.

ДЮРЕР И РОМБОЭДР

Гравюра знаменитого Дюрера «Меланхолия» долгое время занимала воображение искусствоведов. Что означает она и что за странный предмет изображен на ней? Американский ученый Филипп С. Риттербаш полагает, что ему удалось найти разгадку. Загадочный предмет — это геометрическое тело ромбоэдр, любопытный тем, что он сохраняет свою симметрию, будучи рассечен пополам. На гравюре изображен ромбоэдр с отсеченной верхушкой. У ног олицетворяющей меланхолию фигуры Дюрер изобразил пилу, которой, надо полагать, и была отпилена верхушка ромбоэдра.



КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Картина И. Е. Репина. 8. Вид мелиорации. 9. Собрание, совещание для обсуждения теоретических вопросов. 12. Центр каменноугольного бассейна Испании. 14. Древнеримский писатель. 15. Животное рода кошек, обитающее в Средней Азии. 17. Французский живописец XVIII—XIX веков. 18. Бальный танец. 19. Приспособление для сбора соломы в комбайне. 20. Крупная птица с ярким оперением. 22. Рассказ А. П. Чехова. 24. Город в Гомельской области. 27. Персонаж из оперы Д. Россини «Севильский цирюльник». 29. Публичное сообщение на определенную тему. 30. Учение о методах распознавания болезней. 31. Раздел языкознания. 32. Подражание, воспроизведение.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Соединение космических летательных аппаратов на орбите. 2. Поэма В. В. Маяковского. 3. Кристаллическое вещество, используемое в медицине и технике. 4. Полуфабрикат прядильного производства. 5. Русская народная песня. 6. Сорт мелкой сливы. 10. Род вокальной музыки. 11. Сказка Х. К. Андерсена. 13. Народный писатель Азербайджана, Герой Социалистического Труда. 15. Цирковой артист, комик. 16. Декоративное луковичное растение, цветок. 21. Надстрочная запятая. 23. Четырехугольник. 25. Река в Бразилии. 26. Темная ткань с блеском. 28. Бесцветная жидкость, применяемая в производстве красителей фармацевтических препаратов, пластмасс. 29. Произношение.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 36

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. «Скворец». 4. Нереида. 7. Стаж. 8. Вилейка. 9. Николаи. 10. Руки. 11. Анохин. 12. Фаэтон. 13. Башлык. 15. Пелюшка. 17. Антоним. 19. Педагогика. 22. Цилиндр. 23. Воронин. 24. Алушта. 27. Помада. 29. Отвага. 31. Крем. 32. Триолет. 33. Болонка. 34. Овал. 35. Аксиома. 36. Ремарка.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Сервантес. 2. Орбели. 3. Цесарка. 4. Ножницы. 5. Европа. 6. Аудитория. 13. Бандура. 14. Калитва. 16. Шопен. 18. Театр. 20. Нифонтова. 21. Диаграмма. 25. Лактоза. 26. Тумблер. 28. Дровни. 30. «Тройка».

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Наталья и Владимир Зинины — семья агрономов из подмосковного совхоза «Заокский». (См. в номере материал «Осень за Окой»).
Фото И. Тункеля.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Парк в Спасском-Лутовинове, усадьбе И. С. Тургенева.
Фото М. Савина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 22.08.83. Подписано к печати 06.09.83. А 00716. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 815 000 экз. Изд. № 2421. Заказ № 1164.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

«Империя зла»

НОВЫЕ РИСУНКИ М. АБРАМОВА

Большинство знает Марка Абрамова по политическим карикатурам, всегда остроумным, актуальным и боевым, с которыми он выступает вот уже 50 лет на страницах наших газет и журналов. В течение последних лет — в основном «Правды» и «Крокодила». Более узкий круг знает его по плакатам политическим и на внутренние темы, а также по многочисленным альбомам сатирических произведений, которых у него издано немало и во многих из которых соавтором довелось быть и мне. И совсем узкий круг знает народного художника РСФСР М. Абрамова как своеобразного и тонкого мастера — автора прекрасных акварелей, которых множество он делает, путешествуя как по нашей необъятной Родине, так и по всему свету.

Все эти жанры были представлены на его персональной выставке, посвященной семидесятилетию со дня рождения художника, и те, кто ее посетил, могли прекрасно убедиться: такое разнообразие нисколько не вредит художнику, напротив, оно обогащает его творчество, делает его высокохудожественным и впечатляющим.

Конечно, когда следишь за периодикой, видишь карикатуры в общем потоке информации, то очень трудно представить в совокупности ту поистине гигантскую работу, которая сопровождает чрезвычайно нелегкий труд политического художника-карикатуриста, обязанного сочетать в себе зрелость политического мышления, талант выдумщика, пафос гражданина с высоким профессионализмом графика и тонким умением владеть оружием смеха, оружием сатиры. И все эти качества по самому строгому счету присущи М. Абрамову!

Я считал, что знаю хорошо творчество этого художника, но даже для меня выставка явилась открытием. Открытием нового Абрамова. На выставке было, конечно, много ретроспективы, с которой я уже был знаком. Но это был Абрамов прошлого.

Однако он сумел специально к выставке создать целый ряд совершенно новых вещей, в том числе ошеломляющую серию «Империя зла», которая по своему образно-эмоциональному строю на голову выше того, что было создано им ранее. И это в 70 лет! «Империя зла» не плакаты и не карикатуры, не сатирические портреты империалистов и не журнальные рисунки. В этих произведениях сатирического жанра есть и лаконичность плаката, и едкость карикатуры, и портретная узнаваемость типических мерзких явлений капиталистического мира, и живость и изящество журнального рисунка. А в результате получается необыкновенное ощущение — 12 листовых работ создают серию, которая является массовым портретом человеконенавистнической, антинародной, беззастенчиво продажной и лживой природы и сути тех явлений империализма, которые впервые гениально выявил великий Ленин и которые наглядно и убедительно показывают «прелести» капиталистического образа жизни, столь усердно и рьяно рекламируемого и навязываемого апологетами западной идеологии. Посмотрите, какие явления вскрыл художник: «Имперские замашки», «Свобода», «Нажива», «Расизм», «Милитаризм», «Ядерное безумие», «Кризис», «Безработица», «Преступность», «Холодная война», «Источник лжи», «Гонка вооружений» — вот названия листов этой серии. Но когда смотришь на эти произведения, то никакие подписи не нужны — настолько ясно то, о чем говорит нам художник.

Я не искусствовед и не стал бы вторгаться в эту епархию. Но я вижу и хочу отметить высокий профессионализм листов «Империя зла», высокую гражданственность, высокую публицистическую силу, эмоциональность и остроумие сатирических произведений Марка Абрамова.

С. МИХАЛКОВ,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской премии



«Ядерное безумие»



«Холодная война»

«Расизм»



«Нажива»





ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663